

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЕВГЕНИЙ ГАРКУШЕВ

**НИЧЕГО, КРОМЕ
МАГИИ**

Ничего, кроме магии

Евгений Гаркушев

Ничего, кроме магии

«Автор»

2002

Гаркушев Е. Н.

Ничего, кроме магии / Е. Н. Гаркушев — «Автор»,
2002 — (Ничего, кроме магии)

Да, все на свете подчиняется Слову и нет ничего, кроме магии, хотя в так называемых Затемненных мирах об этом не догадываются. Среди таких миров – Земля. Некие Темные силы, силы вселенского Зла, пользуясь невежеством, пороками и страстями людей, планируют захватить планету. Силы Света, естественно, допустить этого не могут. Вот так и происходит встреча журналистки Наташи, убегавшей от бандитов, с магистром Ульфиусом, прибывшим на Землю для противодействия Темным силам. К ним присоединяется Сергей Лунин, друг Наташи. Оказывается, не все подчиняется Слову и не все подвластно магии. Многое зависит от ума и отваги земного человека, не владеющего магией. Именно он и отправляется в смертельно опасный поход для вызволения далекого, незнакомого ему мира из-под власти Темных сил.

© Гаркушев Е. Н., 2002

© Автор, 2002

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	76

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.*

Николай Гумилев

Часть первая

Лето

*Ум надобен тем, кто далеко забрел, – дома все тебе ведомо.
Насмешливо будут глядеть на невежду, средь мудрых сидящего.*

Старшая Эдда. Речи Высокого

Короткий, узкий переулочек упирался в пустырь, окруженный потрескавшимся, полуобвалившимся, но все еще труднопреодолимым забором. Кое-где в заборе образовались дыры, но их так плотно прикрывали заросли терновника, дикой вишни и гледичии, что подобраться к ним было совершенно невозможно. Там, где дыр не было, буйная зеленая поросль тоже не давала подойти к бетонным плитам ограждения. Солнце играло на листьях, которые едва шевелились под слабым ветерком, гуляющим по пустырю.

Посреди пустыря возвышались горы битого кирпича, строительный мусор, покореженные и обгорелые остовы нескольких автомобилей. Повсюду блестело битое стекло. Запах здесь стоял ужасный. Некоторые несознательные жители близлежащих домов выносили на пустырь отбросы, и под жарким летним солнцем они разлагались и гнили, распространяя вокруг зловоние.

Наташа выбежала на пустырь, задыхаясь и тщетно пытаясь вытереть с лица пот, который от быстрого бега лил с нее ручьем. Пот щипал глаза, горько-соленые капли то и дело попадали в рот. Голубая шелковая блузка Наташи пропиталась влагой насквозь, ноги в кроссовках горели огнем. Гравий хрустел под ногами, трескали лопавшиеся стекла, на которые девушка неосторожно наступала.

«Вот ты и попала, – подумала Наташа, оглядывая пустырь. – Сама прибежала туда, где никто тебе не поможет. Дура. На мозги надо надеяться, а не на ноги».

Преследователи были совсем близко. Еще немного – и они покажутся из-за поворота. Может быть, пробегут мимо? Как же, надейся. Здесь и бежать-то больше некуда. Даже если сразу не свернут в переулок, вернуться и пустырь обшарят вдоль и поперек.

Однако сдаваться все равно нельзя. По утоптанной дорожке мимо мусорных куч Наташа пробежала в дальний угол пустыря и спряталась за ржавым остовом грузовика. Там она скрючилась за кабиной и затаила дыхание, оглядывая забор, отгораживающий пустырь от железнодорожного полотна. Попасть бы на эту дорожку... Нет, не перелезть!

Вскоре со стороны переулка послышался звук, которого она больше всего боялась, – потрескивание битого кирпича под ногами человека. Звук приближался, к нему примешивались какие-то посторонние шумы.

Не выдержав тревожного ожидания, Наташа заглянула в щель между кабиной бывшего грузовика и кузовом. По тропинке шел пожилой мужчина, толкая перед собой тачку с мусором. Самое время броситься к незнакомому дедушке, попросить его вызвать милицию, защитить... Да только чем он ей поможет на этом пустыре? Хорошо, по крайней мере, что это не тот, кого она опасалась увидеть.

Не успела девушка облегченно перевести дух, как из переулка выбежали двое здоровенных парней в кроссовках и спортивных костюмах. Парни были краснооружие и взмыленные.

Один из них, толстый и поэтому сильно запыхавшийся, не таясь вынул из-под куртки, которую он так и не снял, несмотря на жару, небольшой черный пистолет.

– Подстрелю гадину, – сообщил он.

Негромкий голос громилы далеко разнесся в беззвучии тихого пустыря. Владелец мусорной тачки обернулся на голос и испуганно присел. Неужели это его хотят пристрелить за незаконный вывоз мусора?

– Подожди, Рома, – хрипло сказал второй громила. – Никуда ей от нас не деться. Сейчас еще Костян подойдет, весь пустырь обшарим.

На замершего в страхе деда бандиты, казалось, не обращали внимания. Потом тот парень, что был без пистолета, спросил:

– Девку не видел здесь, старик?

– Никого не видел, – испуганно прошептал мужчина. – Никого здесь нет...

– Тогда двигай отсюда скорее, – приказал Рома. – И никого ты не видел, ничего не слышал.

Тот чуть ли не бегом убрался с пустыря. Тачку он, впрочем, не бросил. И даже мусор из нее не вывалил. Так и увез обратно домой.

В это время из-за угла показался Костян.

– Ты направо, ты налево, – приказал он своим товарищам.

Сам он двинулся по той дорожке, что шла к останкам грузовика.

Наташа напряглась. Бежать было поздно, прятаться – негде. А Костян тем временем обошел грузовик, увидел голубую блузку девушки, прячущейся за кабиной, и крикнул:

– Вот она!

А начиналось все спокойно и хорошо. В редакцию, где работала Наташа, поступило письмо от противников строительства атомной электростанции в ста километрах от города. Обычное, ничем не примечательное письмо. Стандартные аргументы. Только одно заявление вызвало у журналистов удивление и интерес. Анонимные жалобщики сообщали, что компания широкого профиля «Барс» скупает у рабочих поступающее на АЭС сырье, складировать его в контейнеры и использует для своих целей. Кажется, собирается делать атомную бомбу. Или, может, решила заняться радиоактивным шантажом.

Фирма «Барс» пользовалась в городе дурной репутацией. Не исключалось, что таким странным сообщением с ней решили свести счеты ее столь же нечистоплотные противники. Но зачем посылать письмо в редакцию, тем более такое путаное и наивное?

Главный редактор «Местных новостей» Кирилл Суржиков не верил, что с АЭС можно вынести хотя бы грамм радиоактивных материалов. Конечно, разгильдяйство есть везде, но атомная станция – объект особого режима. Красть оттуда атомное топливо – себе дороже. Да и для создания атомной бомбы его не используешь. А если ты вознамерился шантажировать кого-то радиоактивным загрязнением, так проще и дешевле украсть контейнер на любом разваливающемся заводе, где он стоит неучтенный и всеми забытый. Так что тема показалась редактору малоперспективной.

Однако молодую журналистку Наташу Соловьеву, поборницу «зеленых» идей, письмо заинтересовало. До того как поступить на работу в газету, она пару раз встречалась с владельцем «Барса» Владимиром Петровичем Кравчуком. Тот, стараясь, так сказать, облагородить свой образ, занимался благотворительностью. Помогал он и школам, а Наташа после университета полгода преподавала русский язык. Как-то раз молоденькая учительница попросила его помочь с транспортом, свозить ребят на экскурсию. Выходит, была с директором почти что лично знакома. Вот почему она вызвалась пойти к Кравчуку и разузнать, не работает ли его компания с радиоактивными материалами.

Редактор против инициативы молодых сотрудников никогда не выступал. Получится – хорошо, а на нет и суда нет... Симпатичная девушка вполне могла очаровать бандита. Невысокая брюнетка с нежным лицом, полными чувственными губками и яркими серо-голубыми глазами нравилась многим. Почему бандит Кравчук должен быть исключением? Даже полоумный изобретатель и поэт Чижиков, обвинявший других сотрудников в продажности и невнимании к своей персоне, при виде Наташи млел. Он считал девушку особенной и посвящал ей стихи. Впрочем, взаимностью ему Наташа не отвечала и бегала от Чижикова так же, как и остальные сотрудники редакции.

Впрочем, за внешней беззащитностью и очаровательной женственностью скрывался упорный, смелый и вполне эрудированный журналист, а посему Наташе частенько поручались серьезные материалы. Редактор считал, что молодая журналистка далеко пойдет.

Директор «Барса» принял девушку радушно, хотя, когда она сообщила о цели своего визита, в его глазах как будто что-то мелькнуло. Однако Владимир Петрович все с той же благодушной улыбкой заверил Наташу, что «Барс» и близко к радиоактивным материалам не подходит. С цветными металлами работает, лицензия есть. Но с чем-то более серьезным... Зачем?

По правде говоря, Кравчук был тип неприятный. Говорил он не всегда правильно и притом гундосил, внешность же имел просто отталкивающую: светлые, почти белые, прямые и редкие волосы, крупные черты бесцветного лица, неприятных очертаний губы и какой-то непропорциональный нос. За последнее время Владимир Петрович разъелся, заматерел, былую спортивную форму потерял и фигурой похвастаться тоже не мог – живот выпирал вперед, затылок был в жировых складках.

Начинал Кравчук кооператором, разводил свиней. Потом занялся строительным бизнесом. И, наконец, пришел к созданию корпорации широкого профиля. Не стоит даже и говорить, что все это служило лишь прикрытием для истинных занятий Кравчука, а они были отнюдь не безупречны – рэкет, незаконная торговля и прочее в этом роде. Но, чем шире масштабы криминальной деятельности, тем более солидное прикрытия требуется, так что легальный бизнес «Барса» тоже рос неуклонно. Все это Наташе было известно, но робости она не чувствовала. Наверное, потому, что с детства усвоила: вор должен сидеть в тюрьме, а честные люди могут ходить с гордо поднятой головой.

Поговорив с директором «Барса» и получив его разъяснения, Наташа на этом не успокоилась. Чувствуя себя таким бесстрашным рыцарем пера, она не вернулась из кабинета директора к проходной, а вышла на производственный двор «Барса» и принялась бродить между складами и ангарами, время от времени заглядывая в них. У встречаемых, посматривавших на нее косо, она спрашивала, где найти директора, которого нет в кабинете. Рабочие только пожимали плечами.

В дальнем, большом, но не очень приметном ангаре Наташа обнаружила довольно странную установку. Собственно, сама машина, размером с небольшой домик, скрывалась под серебристым корпусом, из-под которого доносилось тихое жужжание. В воздухе пахло озоном. Обслуживали машину техники в белых халатах.

Рядом с агрегатом стояли контейнеры, по виду довольно тяжелые. Об этом говорили и оставшиеся на бетоне борозды – судя по всему, контейнеры сдвигали с места. Внутри ангара копошились люди в черных робах, которые таскали оборудование. Мерцал экран монитора – то ли компьютера, то ли системы слежения.

Наташа уже собралась было войти внутрь, чтобы расспросить здешних обитателей, чем они занимаются (она почему-то решила, что они сразу все расскажут), когда ей на плечо легла тяжелая рука.

– Я слышал, ты меня искала? – с холодной любезностью спросил Кравчук, мягко поворачивая Наташу к себе лицом. Теперь она увидела, что любезность дается хозяину с большим

трудом, о чем говорило открыто неприязненное выражение его некрасивого лица. – Еще какие-то вопросы?

– Да. Что за установка у вас там? – с притворной наивностью спросила Наташа, кивнув на ангар. Конечно, это была наглость. Но девушка надеялась, что Кравчук спишет все на женское любопытство. – И что в тех контейнерах?

– А ты не знаешь? – Директор «Барса» криво улыбнулся.

– Нет. Откуда же?

– Это – бетономешалка, переделанная под металлорезку, – с ухмылкой сообщил Кравчук. – А контейнеры, как ты их назвала, – старые аккумуляторы. В них много цветных металлов. Мы их тут перемалываем в нашей металлорезке и отправляем на металлолом. И не только металл перемалываем. Много чего всякого.

По лицу директора скользнула гадкая улыбка.

– В редакции знают, куда я пошла, – сообщила Наташа слегка дрожащим голосом.

– Я что, сказал, что мы перемалываем в нашей машине журналистов и журналисток? – притворно удивился директор, хотя именно на это он и намекал. – С вами связываться – себе дороже. Так что, тебя редактор сюда послал вынюхивать, или кто еще?

– Я здесь по письму граждан. Редакция в курсе.

– Вот и ладненько. С прессой мы сотрудничаем, имидж свой вроде повышаем. Только нагличать не надо. Если есть еще вопросы, я тебе на них отвечу. А если нет – прошу покинуть территорию. Попросту говоря, девушка, шли бы вы отсюда.

Директор довольно грубо взял Наташу под руку и повел к выходу. Девушка покраснела от негодования, но что она могла сделать?

Так Наташа с позором была выдворена с территории «Барса». Неприятно, конечно, но страшного вроде бы ничего не произошло. На остановке девушка села в маршрутное такси, приехала в редакцию. Просидела там два часа, занимаясь делами, никак не связанными с «Барсом», потом решила отправиться домой. Однако когда Наташа подошла к автобусной остановке, рядом с ней вдруг резко затормозила «десятка» – серебристая, самого модного и дорогого цвета «зеленая ива». Из нее высунулось гориллоподобное существо:

– Подвезти?

Наташа отвернулась. С такими предложениями к ней обращались довольно часто. Лучше всего вообще никак не реагировать. Можно, конечно, сказать: спасибо, в другой раз, – но это дало бы повод для разговора и новых приставаний.

– Что ты с ней рассусоливаешь? – прорычал бас из машины. – Вован сказал – тащить ее к нему. Хватай быстрее, пока нет никого!

На остановке стояли люди – две пожилые женщины, но их во внимание можно было не принимать. Они разговаривали друг с другом, время от времени бросая на Наташу неодобрительные взгляды. Ишь, какую блузку натянула! Все, что ни есть, видно... Явно не нравились женщинам и голубые джинсы в обтяжку, которые так ясно подчеркивали изящные линии фигуры девушки, надо сказать, очень даже неплохой. Не удивительно, что и дружки у нее такие. Ее в машину зовут, а она еще кочевряжится...

Дверь «десятки» только начала открываться, а Наташа уже бежала через дворы, где машина проехать не могла, бежала сломя голову. Хорошо хоть надела сегодня джинсы, а то ведь обычно приходила на работу в юбке и непременно в туфлях на высоком каблуке.

Бандиты допустили ошибку, решив догнать девушку на машине. Им пришлось объезжать препятствия, через которые пеший просто перепрыгивал, и Наташа выиграла несколько минут. Но вскоре стало ясно, что шансов у нее мало. Переулки уводили в промышленную зону. Назад возвращаться было нельзя, а мест впереди Наташа не знала. Встретаться с громилами девушке очень не хотелось. Было ясно, что ничего хорошего эта встреча не сулит. Независимо от того, кто эти бандиты и что они от нее хотят.

– Ты чего убежала, дрянь? – обратился к Наташе громила, которого товарищи называли Костяном. – Думала, умная и шустрая? И пошустрее тебя ловили.

На голос Костяна подошли и остальные двое.

– Запыхалась, стерва, – заметил самый толстый, с пистолетом. Он тоже тяжело дышал и глядел на девушку с ненавистью. – Может, тут ее и кончим?

– Вован с ней поговорить хотел, – возразил Костян. – Подгоняй тачку, Серый. Ничего, она за все ответит. И за твой фингал, Рома, тоже.

– Может, развлечемся с ней для начала? – спросил озабоченно толстый. – Клевая девочка. Жалко просто так ее к Вовану везти. Побегать пришлось. И с Петровичем будет любезнее разговаривать.

– А что, – ухмыльнулся Костян.

– Да бросьте, – покачал головой Серый. – Она грязная, потная. Не противно?

– Мне – приятно, – сообщил Костян. – Тебя ведь никто и не заставляет? Иди за машиной.

Бандит шагнул к девушке и рванул блузку, разорвав ее почти до пояса. Наташа закричала.

– Тихо, дрянь, – прошипел Костян. – Мы тебя прямо здесь замочить можем. Не дергайся, проживешь дольше. А может быть, и вообще живая останешься. Вован зря никого не тронет.

Серый уже скрылся в переулке, Рома плотоядно глядел на Наташу, точнее, на ее полную полуобнаженную грудь. Костян вцепился в Наташину руку и нехорошо улыбался. Он тяжело дышал, изо рта у него гадко пахло.

– Помогите, – тихо прошептала Наташа. Голова у нее кружилась от страха, напряжения и усталости. – Не надо.

– Надо, – гнусаво прошептал бандит.

Внезапно пустырь потемнел, словно накрытый облаком. Подул легкий ветер. Рома, разглядывавший испуганную и оттого еще более красивую девушку в разорванной блузке, вдруг отвел от нее взгляд и удивленно уставился за спину своего подельника. Тот, хотя и был поглощен предвкушением гнусного удовольствия, все же заметил странную перемену, произошедшую с Ромой, и обернулся. А обернувшись, озадаченно хмыкнул.

Наташа замерла. «Что там такое? Неужели милиция? Или это их главарь, к которому они хотели меня везти? Лучше бы уж так... Но откуда он взялся на пустыре, если в переулке никого не было?»

– Отпусти девушку, подонок, – послышался ясный, красивый голос. Тембр его был мужествен, но не груб, голос звучал требовательно, но как-то мягко, почти ласково, вообще странно. Такое произношение, правильное и четкое, было характерно когда-то для дикторов центрального телевидения. Наташа быстро повернулась. Сразу стало понятно, почему у бандитов такой удивленный вид. На куче битого кирпича, глядя на запыхавшихся бандитов и полураздетую девушку, стоял высокий, прекрасно сложенный мужчина. Светло-русые выющиеся волосы его были зачесаны назад. Такого же цвета была коротко подстриженная борода. Серые глаза незнакомца, большие и лучистые, казалось, вот-вот заискрятся весельем, наверное, из-за сетки морщинок в уголках.

Однако же не эти детали внешности поразили бандитов. Мало ли на свете красивых и безрассудных мужчин, готовых заступиться за девушку? Гораздо удивительнее был наряд незнакомца. На нем была светло-серая одежда, которую Наташа сразу охарактеризовала для себя как тогу, хотя прежде видела ее лишь на картинках. Собственно, можно было назвать эту одежду даже платьем – короткий, немного ниже колен наряд нигде не был сшит, лишь застегивался у горла серебряной, а может быть, платиновой пряжкой. При всем при том вид у незнакомца в непривычной одежде был таким мужественным, какой бывает далеко не у каждого субъекта в брюках. Куда уж там шотландцам с их килтами...

На ногах незнакомца были деревянные сандалии, завязанные ремнями на щиколотках. Грудь украшало сапфировое ожерелье. Камни его ярко сияли, разбрасывая синие блики. Краем глаза Наташа заметила коня, который гордо вскидывал голову и перебирал ногами неподалеку от мусорных куч. Но и это было не самое главное. В руках мужчина держал длинный прямой меч, блеск которого слепил глаза, хотя солнце и скрылось за облаком.

Если бы незнакомец был с пистолетом или даже с автоматом, это еще можно было бы понять. Еще один «крутой» забрел на дикий пустырь. Странно, но объяснимо. В конце концов, случайный прохожий в странной одежде мог подобрать на пустыре кусок стальной арматуры или обрезок трубы. Но меч – это уже было чересчур...

«Так, наверное, сходят с ума», – решила Наташа.

– Ты глянь, придурок в бусах, – запинаясь, проговорил Костян. Хотя с его точки зрения незнакомец и выглядел нелепо, он явно робел.

– Наверное, маньяк, – тихо прошептал Рома. Он неуверенно поднял пистолет, целясь в грудь незнакомца.

– А нам-то что? Застрели его, Толстый, – приказал Костян. – Все равно нам свидетели не нужны. Кто он ни есть.

Рома прицелился и нажал на спусковой крючок. Раздался грохот, Наташа закрыла глаза. Но то ли Рома целился плохо, то ли незнакомец удачно подставил свое оружие, но пуля срикошетила от меча и вонзилась в землю, с хрустом расколов валявшийся кирпич.

Незнакомец стремительно сделал два шага вперед, взмахнул мечом и отсек бандиту руку, в которой тот держал пистолет. Рома взвыл страшным голосом. Пистолет звякнул, ударившись о камни. Рука валялась на земле, и Рома, увидев ее, закатил глаза и повалился, продолжая, впрочем, орать.

– Защищайся, мерзавец, если хочешь умереть достойно, – обратился мужчина ко второму бандиту. При этом он слегка поморщился.

Завывания Ромы становились все глуше, он корчился среди мусора, обильно поливая кирпичное крошево алой артериальной кровью, толчками бившей из культи. В горячей пыли кровь быстро сворачивалась и становилась похожей на испорченную краску.

Храбрый со слабыми и беззащитными, Костян выхватил из потайного кармана спортивных брюк длинную финку, но не стал нападать с нею на незнакомца, а, вцепившись сзади в Наташу, приставил нож к ее горлу.

– Убью девку, если сунешься. Бросай свою саблю.

Такой ход показался Костяну удачным. В фильмах плохие парни, на которых он стремился походить, всегда так делали, и добренькие главные герои, скрипя зубами, клали на землю оружие и выполняли все требования негодяев. Правда, хороших героев всегда спасал счастливый случай, но Костян прекрасно знал, что случай такой подворачивается далеко не всегда, а точнее – почти никогда.

Незнакомец, загадочным образом появившийся на пустыре, фильмов, наверное, не смотрел. Или не желал поступать по сценарию, который предложил Костян, и усиливать драматизм ситуации. Он не сказал ни слова в ответ на предложение бандита. У него даже не изменилось выражение лица – лишь уголки губ опустились в еле заметной презрительной усмешке. Оружие он, естественно, не бросил.

Но вот этот странно одетый мужчина сделал движение, практически неуловимое для глаза, и меч полетел прямо на Наташу. «Все, конец», – молнией промелькнуло у нее в голове. Не тут-то было. Державший ее громилу ослабил хватку. Наташа, запрокинув голову, взглянула в лицо бандита – меч торчал в его левой глазнице. Он даже не успел двинуть рукой, чтобы полоснуть финкой по ее горлу, – рука разжалась, финка упала на землю.

– Бандит повел себя недостойно, – неизвестно кому сообщил незнакомец. – Он убит в честном бою.

Он бросил внимательный взгляд на дергающегося в агонии Рому, словно раздумывая, прикончить его или оставить корчиться на земле. Сочтя, видимо, что тот не заслуживает внимания, он повернулся к девушке.

Наташа оглянулась на поверженного Костяна. Голова его была разворочена широким мечом. Наверное, ее спаситель не только ударил бандита мечом в глаз, но и повернул клинок. Впрочем, девушка плохо разбиралась в тонкостях боя с применением холодного оружия. Ей стало дурно, и она опустилась на камни рядом с трупом бандита.

«Неужели он сейчас убьет и меня? – подумала Наташа. – Что здесь творится?»

Однако незнакомец, по всей видимости, не собирался больше никого убивать. Он вытер меч о жухлую траву и тихо свистнул коню, который тут же подошел к хозяину. Мужчина достал из сумы, притороченной к седлу, какую-то ветошь и протер меч более тщательно, после чего спрятал его в ножны. Все манипуляции он проделал спокойно и четко. Лишь закончив эти дела, он опустил взгляд на Наташу и деловито спросил:

– Что случилось? Почему эти бандиты на тебя напали? Они хотели учинить насилие?

– Наверное, – дрожащим голосом ответила Наташа, стараясь соединить концы разорванной блузки. Ей вдруг стало очень стыдно. – Но не только. Они охотились за мной по чьему-то приказу.

– Я так и понял, – мягко, успокоительным тоном сказал незнакомец. – Тебе нужна помощь? Может быть, отвезти тебя домой?

Наташа невольно улыбнулась:

– Как? На вашем коне?

Она была очень благодарна своему спасителю, но ехать по городу на коне с мужчиной, одетым подобным образом, это как-то чересчур... Даже для такой экстравагантной особы, как Наташа.

– К тому же, мы совсем незнакомы, – добавила девушка.

– Это недоразумение легко исправить, – заметил мужчина, добродушно улыбнувшись. – Зовут меня Ульфиус. Магистр, – после короткой паузы добавил он.

– Из Европы? – зачем-то спросила Наташа.

Ясно было, что Ульфиус – игровой псевдоним незнакомца, но вопрос сам сорвался с губ. Ульфиус, да еще и магистр. У нас ведь настоящих магистров нет...

– Из Европы? – переспросил Ульфиус. – Нет, не из Европы. Из Авенора.

«Худо дело», – решила для себя Наташа. Только недавно ведь было еще хуже...

Незнакомец, называющий себя странным именем Ульфиус, из какого-то явно не существующего Авенора, прекрасно говорящий по-русски, в странной одежде, на коне и с мечом, которым он только что убил одного человека и изуродовал второго. Если из одной беды Наташа, похоже, выпуталась, то в другую, едва ли не худшую, встряла.

В переулок въехала нашедшая наконец обходные пути «десятка», которую вел Серый. За всеми событиями Наташа совсем позабыла о третьем бандите.

– Еще один, – сказала она своему новому знакомому, показывая на машину. – Он из этой же компании. Сейчас придет сюда.

Сказала и тут же подумала: правильно ли сделала? Что теперь отмочит ее новый знакомый?

– Он сделал тебе что-то плохое? – поинтересовался Ульфиус.

– Пока нет, – призналась девушка.

– Тогда он нас просто не увидит, – уверенно сообщил магистр неведомо каких наук.

– Да уж, – вздохнула девушка. Она решила, что Ульфиус, видимо, задумал прикончить и его. Мешать ему она не собиралась, помогать – тоже.

Серый подъехал к мусорным кучам, лениво вылез из машины и пошел к сожженному грузовику. По всему чувствовалось, что ему совсем не хочется таскаться по этому жаркому, вонючему пустырю, но работа есть работа.

Его взгляд скользнул по Наташе и Ульфиусу, словно он и вправду их не заметил, – и неожиданно наткнулся на тела. Серый остолбенело застыл на месте, в горле у него забулькало.

– Как? Что? Толстый, что случилось? – прохрипел он, заметив, что один из его товарищей еще подает признаки жизни.

Но вопрос был явно неуместен. Рома не собирался напоследок исповедоваться своему товарищу или предостеречь его. Он лишь конвульсивно дергался, не замечая ничего вокруг. Крови вокруг него натекла уже целая лужа. На нее со всего пустыря слетались крупные мухи.

– Да что же тут творится? – еще раз тихо спросил Серый. Лицо его искажилось от страха, и он, вместо того чтобы помочь товарищам или попробовать выяснить, что произошло, в панике бросился вон с пустыря.

– Он, наверное, шум поднимет? – спросил Наташу Ульфиус. Спросил деловито, без особой кровожадности.

– Под... нимет... – проговорила Наташа, стуча зубами. – А можно его не убивать?

– Да зачем же его убивать? – спросил Ульфиус. – Тебя он не трогал, на меня не нападал. Мы его просто задержим ненадолго.

Он протянул руку в сторону машины и что-то прошептал.

Серый, спотыкаясь, добежал до машины, забрался внутрь, захлопнул дверцу и завел мотор. Однако умчаться к хозяину в «Барс» ему не удалось. Машина дернулась разок на месте и заглохла. Заглохла намертво – отказал даже стартер. Подергавшись с минуту, Серый попытался выскочить из машины, но дверца не открывалась. Заклинило центральный замок. Было видно, как водитель отчаянно рвет ручку, но у него ничего не получается. Наконец он ударил локтем в стекло боковой двери и вылез через образовавшееся отверстие, обдирая кожу и разрывая одежду.

Выбравшись из своей «десятки», Серый лихорадочно повертел головой, осматриваясь, и стрелой помчался прочь.

– А ты мне не верила, – без осуждения, почти ласково сказал Ульфиус и улыбнулся. – И не заметил, и ушел целым. Не знаю, хорошо ли мы сделали, что отпустили его... Поедем домой?

Директор «Барса» Владимир Петрович Кравчук, предприниматель, а в прошлом – рэкетир, с нетерпением ожидал, когда его бойцы привезут журналистку, видеющую Машину. Может быть, у этой дряни и фотоаппарат в пуговицу вмонтирован был? Или видекамера? Даже без сумки пришла. Только ручка и блокнот в руках были. Для показухи, наверное...

Если эта девка успела сфотографировать Машину или заснять ее на видеопленку, нужно обязательно выяснить, на кого она работала, и убить всех причастных к делу. Всех, кто что-то знает. Если проявила инициативу сама – убить ее одну, на всякий случай. Чтобы другим неповадно было. Но сначала – допросить.

Рому Толстого, который должен был стеречь подступы к ангару, но отошел в киоск выпить пива, Кравчук собственноручно избил и отправил ловить девчонку. Ловить так, чтобы «Барс» был последним, на кого пало бы подозрение. Из его конторы она вышла, а до дома не дошла. Бывает. Времена нынче смутные. А директор «Барса» – неужели он идиот, чтобы устранять кого-то сразу после визита к нему? Если бы он торопился, так просто не выпустил бы девчонку с территории...

Владимира Петровича никак нельзя было назвать дураком. Он собирался обставить все так, будто к профессиональной деятельности Наташи инцидент не имеет никакого отношения. Ну, поймали бандиты красивую девушку, затащили в укромное место. При чем же здесь журналистика и «Барс»?

Ждать пришлось дольше, чем рассчитывал директор. Наконец с проходной позвонили: пришел Серый.

– Как пришел? – не понял Кравчук.

– Ногами, как все люди ходят. Лица на нем нет, твердит, что срочно вас видеть желает. А мы его на территорию в таком виде пускать боимся.

– Пропустите, – велел Владимир Петрович, доставая из кобуры «беретту» и кладя ее под руку, на тумбочку под столом. Серый ввалился в кабинет, тяжело дыша и всхлипывая.

– Костяна и Толстого замочили, – сообщил он. – Машину испортили. Не знаю, как мне уйти удалось.

– Кто замочил, Серый? Как? Наглухо? – поднял брови Кравчук.

– Рому на куски порубили. Рука в стороне валяется, крови – море. У Костяна башка надвое расколота. Даже лица не видно. Девку утащили. Тоже мертвая, наверное...

– Не понял. – Кравчук застыл, наливаясь кровью. – Кто напал, почему, где ты был?

Серый рассказывал, истерически вскрикивая и заикаясь:

– Не знаю. За машиной пошел, Костян и Толстый с девкой остались. На пустыре мы ее поймали, она с остановки туда убежала. Никого рядом не было, никто права не качал... Возвращаюсь с машиной – крови море, мертвые все. Я ходу оттуда. В машину сел – она не заводится, двери не открываются. Машину бросил, сюда.

Кравчук погладил «беретту», лежащую под рукой. Вот же идиот. В десанте еще служил... Наверное, разбивать кирпичи голове не на пользу. И смылся оттуда зачем-то. Чего бояться, если не нападает никто?

– И журналистка мертвая? – уточнил он. – Ты труп видел?

– Не знаю. Я только Костяна видел. И Рома хрипел на земле.

– Почему же решил, что и ее замочили? И зачем машину бросил, придурок вшивый? – скрипнул зубами Кравчук. – По ней ведь на тебя сразу выйдут.

– А что мне было, там оставаться? Жутко там. Вы бы Костяна видели. Как в фильме ужасов. Не люди, я думаю. Терминатор какой-то. Я сразу к вам, Владимир Петрович!

– Кроме людей, этого никто сделать не мог, – выдавил из себя директор. – Людей для всяких дел хватает. Только что за люди?

Кравчук надолго замолчал, сверля Сергея взглядом. Тот вжался в стул и сидел молча, ожидая решения своей участи.

– Ладно, будем считать, все правильно сделал, – минуты через две выдавил из себя Кравчук. – Необычного больше ничего не было? Кого на пустыре видел?

– Никого не было. Только еще до того, как я ушел, дед мусор выносил. Ушел сразу же, как только мы появились.

– Нельзя было деда отпустить.

– Да кто ж знал? – сорвался на визг Серый. – И что с ним делать? Что нам, вообще всех подряд надо было мочить?

– Нет, Сережа, конечно, нет, – участливо сказал Кравчук. – Иди отдохни. Водки выпей. Оленька тебе бутылку из моих запасов выдаст. Успокойся. Я тебя позже вызову.

Как только Серый вышел из кабинета, Кравчук нажал кнопку интеркома, вызывая заместителя:

– Семеныч? Иди сюда. Посмотри за Серым. Как только выпьет пару стаканов – удави его, вывези и где-нибудь за городом на дереве повесь. Да смотри, чтобы все тихо было. Никто, кроме тебя, знать не должен.

Даже бывалые работники органов вздрогнули, когда прибыли на пустырь, где местные жители обнаружили два изуродованных трупа. Впрочем, эксперт, побывавший на войне и

видевший, как работают холодным оружием, сообщил, что такие раны вполне можно нанести штык-ножом от автомата Калашникова. Или обоюдоострым кинжалом.

Рядом с пустырем была обнаружена «десятка», которая, как выяснилось, принадлежала прекрасно известной правоохранительным органам корпорации «Барс». Ее мотор как бы расплавился изнутри. Поршни прикипели к цилиндрам, бензонасос пришел в полную негодность, радиатор лопнул. Возможно, машина ездилась совсем без масла, но до такой степени, чтобы оплавилась поршни, двигатель вряд ли смог бы нагреться сам. Может быть, кто-то ударил по двигателю из теплового оружия? Но внешне «десятка» была абсолютно невредимой.

Чуть позже в лесополосе на другом конце города был найден повесившийся Сергей Стаценко, бывший десантник, водитель той самой «десятки», работавший в «Барсе». Он, скорее всего, и расправился с товарищами, а после покончил с собой. Орудия преступления при нем, правда, не нашли. Скорее всего, он его выбросил или спрятал.

После того как Серый, тихо постанывая и приволакивая по земле ногу, удалился по переулку прочь, Наташа словно погрузилась в полусон. Магистр Ульфиус одним движением взлетел в седло, протянул сильные руки, поднял девушку с земли и посадил ее перед собой. Конь фыркнул, смешно шевельнул ушами и тронулся по направлению к переулку, где скрылся Серый. Другого выхода с пустыря не было.

Конь осторожно ступал по щебню, но, выйдя на ровную дорогу, припустил вскачь, да так быстро, что, казалось, и автомобилю за ним не угнаться. Как ни странно, проходившие по улицам люди на всадника и его спутницу внимания не обращали. Даже не смотрели в их сторону, хотя грохот подкованных копыт по асфальту, казалось бы, должен был разнестись по всему городу.

Скакун Ульфиуса направлялся к дому Наташи, хотя девушка не говорила спасшему ее воину, где она живет.

«Наверное, я все-таки сплю, – решила Наташа. – Только вот в каком месте я заснула? Не слишком ли страшно будет просыпаться?»

Спутник ее ехал как ни в чем не бывало, безмятежно поглядывая по сторонам. Похоже, приключение его даже не взволновало. А у Наташи сердце до сих пор частило, словно в лихорадке.

– Может быть, нужно было помочь тому, которому ты отсек руку? – обратилась она к Ульфиусу, в очередной раз обернувшись.

Почему-то Наташе и в голову не пришло обратиться к новому знакомому на вы. Она воспринимала этого красивого мужчину, обнимавшего ее левой рукой за талию, как близкого родственника: отца или любимого брата.

Магистр холодно улыбнулся:

– Тому... кому? Бандиту? Ты думаешь, он бы помог тебе в сходной ситуации? По-моему, он, напротив, хотел причинить тебе вред и убить тебя без веской на то причины. Он получил по заслугам. На помощь может рассчитывать только тот, кто ее заслужил.

Наташа опешила. Откровенность магистра даже испугала ее. Она думала, Ульфиус скажет, что оставаться на пустыре было опасно, что бандиту должны помочь свои. Но такого откровенного холодного заявления она не ожидала.

– А как же нравственность, гуманизм? Выходит, прав тот, кто сильнее? – горячо возмутилась Наташа, удивляясь самой себе. Еще пятнадцать минут назад она готова была удавить подонков голыми руками, представься такая возможность. А сейчас, вспоминая искалеченного Рому, она не испытывала ничего, кроме жалости.

Ульфиус пристально посмотрел в глаза спутницы:

– Ты хорошая девушка. Но какие у тебя, однако, перевернутые представления о нравственности. Ведь он умышлял зло сознательно и прекрасно знал, что творит зло. Почему мы

должны испытывать к нему сострадание? Жалея его, мы сочувствуем злым делам, которые он творил, и становимся на его сторону. Значит, сами становимся злыми... Впрочем, хватит об этом. Расскажи лучше о другом. Почему они на тебя напали?

– Думаю, им приказал их начальник, – всхлипнула Наташа, вспомнив, что история только начинается. И гибель нескольких людей Кравчука только усугубляет дело.

– Зачем? – заинтересованно спросил Ульфиус.

– Я увидела что-то такое, что он не хотел никому показывать. Машину... или установку. Я ничего не поняла, но он, наверное, думает, что я узнала нечто важное.

– Любопытно, – заявил магистр, непонятно чему улыбаясь. Он вообще улыбался часто. – Часто у вас решают проблемы таким способом? Что такое необычное ты могла увидеть?

– Не знаю, – дрожа ответила Наташа. – В нашем городе еще никогда не убивали журналистов. Наверное, я действительно влезла в опасное дело.

– Вот мы и выясним, что это за дело, – заявил Ульфиус. – Любопытно...

«Хорошо рассуждать, разезжая по городу на коне с мечом в руке, когда никто тебя не видит, – подумала Наташа. – Откуда только он взялся?»

Багровый шар солнца опускался на дома. Окна горели киноварью. Неземными красками сияли в алом свете сапфиры на груди Ульфиуса.

«Да кто же он, в конце концов, такой?» – в который раз спросила себя Наташа. Ей вдруг захотелось закричать, прыгнуть с коня и бежать куда глаза глядят. Но дом был уже рядом, а прыгать с высокого скакуна, что ни говори, страшно.

– Приехали, Гром? – осведомился Ульфиус неизвестно у кого.

– Приехали, – подтвердила Наташа, не догадавшись поначалу, кто такой Гром. – Откуда ты знал, куда нужно ехать?

– Я не знал. Гром чувствовал, куда ты хочешь попасть. Он очень хороший конь. Всегда понимает, что нужно всаднику.

Наташа еще раз вздохнула. С дороги уже был виден подъезд, в котором она жила. На лавочке рядом с подъездом сидел Сергей Лунин, ее друг и потенциальный жених.

– Только скандала мне сейчас не хватало, – тихо вздохнула Наташа.

Сергей ожидал подругу, напряженно вглядываясь в темноту, туда, где была автобусная остановка. Он волновался, потому что Наташа назначила ему встречу, давно должна была прийти с работы, но до сих пор не появилась и неизвестно было, где она.

– Молодой человек, видимо, ждет тебя? – спросил наблюдательный Ульфиус.

– Да, – призналась Наташа.

– Ты не хочешь с ним встречаться сейчас, так? – подтвердил свою проницательность спутник Наташи.

– Верно подмечено, – смущенно улынулась девушка. – Но причина не в том, что я на него зла... В изорванной одежде, в компании незнакомого мужчины. Да еще и на коне. Вряд ли мое появление его обрадует. Он за меня всегда очень волнуется...

– Я могу покинуть тебя, хотя, прямо сказать, надеялся на твое гостеприимство, – заявил Ульфиус.

Наташа покраснела. Конечно, спасший ее воин – мужчина хоть куда. В другое время и в другой ситуации она, возможно, глаз бы с него не сводила. Но Сергей... Да и вообще, может быть, он сумасшедший...

Заметив смущение Наташи, Ульфиус поспешил добавить:

– Конечно, я не имел в виду ничего предосудительного. Грома я собирался отпустить пастись, а самому ведь тоже нужно переночевать. К тому же на тебя опять могут напасть. Но теперь, когда ты встретила меня, тебе будет проще справиться с проблемами.

Наташа смутилась еще больше. Действительно, нехорошо. Человек ее спас, а она хочет его на улицу выгнать. Да и оставаться одной после такой переделки... Впрочем, неизвестно, что лучше – риск встретиться с громилами Кравчука или пребывание под одной крышей с таким странным типом... В обаянии ему, конечно, не откажешь, но что он может выкинуть, неизвестно.

– Я бы с радостью, – ответила она. – Но что Сергей скажет?

Гром вышел на газон перед подъездом и остановился шагах в десяти от Сергея. Ульфиус соскочил с коня, снял Наташу и бережно поставил ее на землю.

– Мы объясним ему ситуацию, – ответил он. – Если он тебя любит, то должен был знать, какая опасность тебе угрожает, и разделить ее. По-моему, он верный молодой человек. У него симпатичное лицо и открытый взгляд.

– Он хороший. Только ревнивый очень. Впрочем, ладно. Объяснить мы объясним. Только слишком уж странно вы выглядите, сэр Ульфиус. – Наташа через силу улыбнулась.

– Ну, это как раз легко поправить, – сказал магистр. – Если уж я могу создавать иллюзию невидимости, то создание иллюзии образа – магия гораздо более низкого порядка.

Наташа улыбнулась.

– Ты все еще мне не доверяешь, – спокойно заметил Ульфиус. – И совершенно напрасно. Скажи, пожалуйста, каким ты хочешь меня видеть? Я постараюсь принять любой образ, если в нем не будет ничего позорного и предосудительного.

Стоять рядом с Сергеем, напряженно всматривающимся вдаль, и при этом разговаривать в полный голос было просто восхитительно. Наташа решила, что на самом деле глупо не верить и не доверять Ульфиусу. Да, его появление ломает все ее жизненные представления – но разве не мечтала она в детстве встретить настоящего волшебника? Обидно, что встреча эта состоялась, когда она совсем перестала ждать.

– Джинсы, как у того мужчины, – деловито сообщила журналистка, указывая пальцем на прохожего. – Но не кроссовки – джинсы с кроссовками носят только люди, у которых нет вкуса. Туфли, как у того. – Наташа ткнула в следующего мужчину. – Черные. Рубашку клетчатую, светлую, с коротким рукавом.

Не успел отзвучать голос Наташи, как Ульфиус преобразился. Теперь перед ней стоял симпатичный молодой человек. И на его ковбойской рубахе сияли голубым светом сапфиры.

– Ожерелья не надо, если можно, – мягко попросила Наташа. – И возраст – на двадцать лет старше.

Сапфиры исчезли, будто их не было, а Ульфиус превратился в привлекательного зрелого мужчину. Поредевшая бородка придавала ему артистический шарм, взгляд был уверенным. Одним словом – настоящий покоритель женских сердец.

– Нет, не то, – вздохнула Наташа. – А моложе можно? Лет на шестнадцать?

– То есть на четыре года старше, чем я выгляжу по вашим меркам сейчас? – уточнил Ульфиус, демонстрируя некоторые познания в арифметике.

– Нет. Возрастом на шестнадцать лет, – терпеливо объяснила Наташа, отметив про себя «по вашим меркам».

Ульфиус на миг задумался – и предстал в виде тонкого паренька с начавшей пробиваться бородкой и двумя прыщами на подбородке.

– То, что надо, – восхитилась Наташа. – Правда, у Сергея возникнут сомнения, что ты спас меня от бандитов.

– Я хорошо дерусь, – улыбнулся магистр. – К тому же маскарад ненадолго. Только пока твой Сергей привыкнет.

Хлопнув коня по холке, Ульфиус ускакал его пастись на большой пустырь, что виднелся за стройкой по соседству. Они с Наташей отошли к углу дома, чтобы не возникнуть перед Сергеем из пустоты.

– Врать буду я, – заговорщицки прошептала Наташа. – А ты мне только поддакивай.
– Согласен, но только для начала, – ответил магистр. – Потом правду открыть придется.
Лгать нехорошо.
– Ладно, ладно, – вздохнула Наташа.

Сергей резко вскочил, увидев свою невесту. Перепачканная, в изодранной одежде, она вышла из-за угла дома в сопровождении неизвестного паренька.

– Что случилось? – с тревогой спросил он.
– Все сразу и не расскажешь, – ответила Наташа, избегая встречаться с другом глазами. – Вот, Устин меня выручил...

– Устин? – изумленно спросил Сергей. Имя удивило его даже больше, чем тот факт, что паренек каким-то образом помог его девушке. – Что за Устин?

– Ты, Лунин, имей терпение, – строго ответила Наташа. – Познакомься с молодым человеком, зайдем ко мне, я чаем вас напою, все и расскажу. Дела творятся у нас в городе...

Сергей смутился, улыбнулся спутнику Наташи и покровительственно протянул ему руку:
– Сергей.

– Очень приятно, – ответил Ульфиус, но своего имени называть не стал. Наташа его уже окрестила, а сам он врать не хотел.

В молчании они поднялись на второй этаж, где жила Наташа. Девушка открыла дверь, вошла сама и кивнула мужчинам:

– Мне нужно переодеться. Проходите в гостиную и посидите пока одни.

Наташа ушла в спальню и присела на кровать. Что делать дальше? Оказавшись дома, в привычной обстановке, она могла более трезво взглянуть на ситуацию. Но от этого было совсем не легче. Кто такой Ульфиус? Заезжий маг? Иллюзионист? Или просто волшебник из сказки? Кстати, нельзя оставлять его надолго вдвоем с Сергеем – как бы Лунин его не раскусил! Его так просто не проведешь... Наташа сбросила грязную одежду, накинула домашний шелковый халатик и вышла к гостям.

Сергей как раз допытывался у Ульфиуса:

– Так что случилось, Устин? Где вы с Наташей встретились?

– Она расскажет, – с безмятежным видом ответил магистр. Всем своим видом он показывал, что разговор поддерживать не собирается.

«Довольно инфантильный юноша», – решил про себя Лунин.

Сам он учился в аспирантуре на физфаке, занимался карате, увлекался восточной философией и был не слишком высокого мнения о не обремененных интеллектом молодых людях, не способных связать двух слов. Впрочем, снобом Сергей тоже не был. На жизнь он зарабатывал тем, что писал компьютерные программы и отлаживал машины людям, которые не слишком разбирались в электронике, и разгружал вагоны, когда заказов не было. На железнодорожной станции приходилось встречаться с людьми самого разного склада и способностей... В последние два года Сергей переменял пять мест работы. Как-то устроился даже продавцом в магазин электроники, но ушел через неделю – такая работа была ему противна.

– И все-таки... На нее напали? А ты помог? – продолжил он разговор.

– Да, напали, – признался Ульфиус. – Двое бандитов. А третий в это время куда-то отлучился.

Сергей отметил слово «отлучился» как слишком вычурное в устах такого мальчишки.

– И что же? Ты с ними справился? – недоверчиво спросил Сергей. – Или позвал на помощь?

– Я хорошо дерусь, – улыбнулся магистр. Ситуация, видимо, начала его забавлять.

– Вот как? – заинтересовался Сергей. – Какая школа?

– Моя собственная, – честно признался Ульфиус.

Сергей недоверчиво взглянул на юношу, будто хотел сказать: знаем мы таких. Но не сказал, а напомнил себе, что нужно быть вежливым.

– То есть как? И не учился ни у кого?

– Все мы сначала у кого-то учимся, – глубокомысленно заметил магистр.

– Хочешь, как-нибудь проведем бой, – предложил Сергей. – Правда, я не профессионал, но занимаюсь единоборствами уже семь лет.

– Может быть, и потренируемся, – согласился Ульфиус, немного свысока улыбаясь. От улыбки паренька Сергея покорило.

В комнату вошла Наташа.

– Вы бы хоть телевизор посмотрели, – предложила она. Сергей взял пульт и включил местный телеканал.

– Кровавая драма произошла сегодня на пустыре рядом с улицей Строителей, – сообщила диктор. – Здесь найдены мертвыми двое молодых людей, работавших в корпорации «Барс». По свидетельству очевидцев, тела их сильно изуродованы. Рядом обнаружен автомобиль, на котором приехали потерпевшие. Позже нам, возможно, удастся показать вам кадры с места трагедии. Органы внутренних дел ведут расследование.

На экране телевизора появилась заставка, которую сменил видеоклип.

– А ты все время ходишь одна по самым подозрительным местам, – привычно укорил Наташу Сергей. Внезапно он насторожился: – Вы, случайно, к этому происшествию не имеете отношения?

– Да как бы тебе сказать... – замялась Наташа. Она собиралась пойти вскипятить чайник, но боялась оставить Сергея и Ульфиуса наедине.

– Что значит «как сказать»? – Сергей приподнялся в кресле. Выражение лица у него было растерянно удивленное. – Устин! Скажи хоть ты мне, что случилось?

– Пусть Наташа расскажет, – вновь повторил Ульфиус.

– Что ты на женщину киваешь? Расскажи сам, как мужчина мужчине! – начал горячиться Лунин.

– Их уничтожил я, – спокойно сообщил магистр, видя, что Наташа растерялась и не знает, что ответить. Сказал – как отрезал. – Не понимаю, что тебя так взволновало. Это были низкие подонки, они получили по заслугам.

Сергей откинулся на спинку кресла.

– Взволновало? – возмутился он. – Ты шутишь?

– Нисколько, – ответил Ульфиус.

– Стало быть, юношеский максимализм? Боевиков насмотрелся? Наталья! Он что, говорит правду?

Наташа сразу поняла, что Ульфиус оскорбится, если она обвинит его во лжи, и честно ответила:

– Да, правду.

Сергей принужденно рассмеялся.

– Нет, вы все-таки сговорились!

– Зачем тогда задаешь глупые вопросы? – спросила Наташа, натянуто улыбнувшись. Она была совсем не прочь обратить разговор в шутку.

Но тут вмешался магистр Ульфиус. Нахмурив мальчишеские брови, он изрек:

– Разве ты, Сергей, не считаешь, что нужно бороться со злом во всех его проявлениях? Почему ты смотришь на меня так, будто я неразумное дитя? Ты считаешь, что твою невесту нужно было отдать на растерзание бандитам?

Сергей, ничего не ответив, задумался.

– Нет, я пойду приготовлю чай! – в сердцах воскликнула Наташа и ушла на кухню.

– Пусть даже ты справился с бандитами, – заговорил Сергей, словно рассуждая сам с собой. – Но зачем надо было уродовать их тела?

– Поостерегись говорить такие вещи, Сергей Лунин! – торжественно заявил Ульфиус. В устах безусого юноши это прозвучало комично. – Никогда магистр Ульфиус не глумился над павшим врагом и никому не позволит клеветать на себя!

Сергей посмотрел на своего собеседника с испугом.

– Так вот оно что... – протянул он. – Давно из Ковалевки, дружок?

В Ковалевке находился сумасшедший дом, и название это уже давно стало нарицательным.

– Что вы заладили одно и то же! – сердито воскликнул Ульфиус, хотя Наташа предположила всего лишь, что магистр прибыл из Европы. – Я из Авенора, и если тебе неизвестно такое место, то это говорит не в твою пользу!

– Прекрасно. Просто замечательно, – успокоительным тоном сказал Сергей. – Хорошо, хоть из Авенора. Хорошо, что не из Белерианда!¹

– А что плохого в Белерианде? – изумился Ульфиус.

– Нет, нет, ничего, – закивал Сергей. – Везде люди живут...

Наташа вкатила в гостиную сервировочный столик, на котором дымились три чашки с растворимым кофе и возвышалась вазочка с конфетами и турецким печеньем, которое девушка только что достала из пачки. Пару таких полукилограммовых пачек хозяйственная Наташа всегда хранила на случай прихода гостей. Синтетическое турецкое печенье никогда не портилось – только отсыревало, если оставить пачку открытой. Оно еще и горело, если поджечь, и некоторых такое обстоятельство смущало, но ведь углеводы, в принципе, должны гореть...

– Мы тут с Устином о жизни разговариваем, – скосив глаза к носу, сообщил Сергей. – Можно, Наташенька, я руки помою? Проводи меня... – При этих словах Лунин выразительно посмотрел на подругу.

Молодые люди уединились на кухне, где Сергей громким шепотом спросил:

– Зачем ты привела в дом сумасшедшего? И что случилось с тобой?

– Сережа, он действительно спас меня от бандитов, – призналась девушка. – Ему действительно некуда идти. В такой ситуации... Ты представляешь? Вот я и привела его сюда. Надеялась, что он сможет пожить у тебя. Или что вы вдвоем заночуете у меня.

– У меня? – переспросил Сергей. Видно было, что его такая перспектива не вдохновляет. – Ладно, пусть так. Пусть он тебя спас. Но можно ли оставаться под одной крышей с сумасшедшим? И к тому же как он тебя спас? На самом деле убил этих бандитов?

– На самом деле, – вздохнула Наташа.

– Да что он, черепашка ниндзя? – взорвался Сергей. – Этот хлюпик...

– Вовсе он не хлюпик. Ты подожди с выводами. Поверь мне, он хороший человек. Даже слишком хороший. Другое дело, что я сама его побаиваюсь... Но вдвоем ведь мы справимся?

Такое заявление Сергею польстило – приятно, когда девушка хочет на тебя опереться, – и он ответил:

– Справимся, Наташенька. Только будь предельно внимательна. И предоставь инициативу мне.

– Ну уж нет, – твердо возразила Наташа. – Ты захочешь его выгнать, а я ему многим обязана. Делай все, как я скажу. Все, пошли, больше шептаться неудобно.

¹ Белерианд – в «Сильмариллионе» Д. Р. Р. Толкиена край, в котором жили эльфы в Предначальную эпоху. Позже был затоплен морем во время войны валаров и Моргота. – Здесь и далее примеч. авт.

Девушка обняла Сергея за шею, поднялась на цыпочки и ласково поцеловала. Как любой нормальный влюбленный мужчина, Лунин сразу же сник и сдался.

Магистр Ульфиус взял в руки тонкую расписную чашку, в которой дымился ароматный напиток, и осторожно отхлебнул. Чего только не доводилось пробовать ему в разных краях! Но раз это пьют люди, значит, и ему можно – не отравится.

Напиток не особенно радовал вкус, но и отвратительным его назвать было нельзя. Голод давал о себе знать, и Ульфиус потянулся к печенью. На вид – самое обычное, галетное. На вкус – немного хуже. Но и не такое, опять же, едали.

Лукаво улыбаясь, в комнату вошли Наташа и Сергей. Ульфиус отставил в сторону чашку и обратился к ним:

– Друзья мои! Не пора ли нам честно посмотреть в лицо друг другу? Я догадываюсь, что уважаемый Сергей Лунин меня в чем-то подозревает. Не пора ли нам, Наташа, развеять его сомнения?

Наташа вздохнула – она подозревала, что Ульфиус долго не выдержит и врать ей не даст. Сергей, напротив, помрачнел. Видимо, от признаний Устина он не ждал ничего хорошего.

– Видишь ли, Сергей, я не тот, за кого ты меня принимаешь, – сообщил магистр. – Меня зовут не Устин, а Ульфиус, я действительно из Авенора. Магистр Слова. Я хочу попросить у тебя прощения за небольшой розыгрыш, который устроили мы с Наташей, и сбросить с себя маскировочную личину. – Сказав это, Ульфиус щелкнул пальцами и превратился в того красивого статного витязя, с которым девушка встретила на пустыре.

К счастью, Сергей уже успел сесть в кресло. Только этим обстоятельством можно объяснить его сравнительно спокойную реакцию. У него, правда, самопроизвольно открылся рот, чего с ним не случалось со времен раннего детства. Но это, пожалуй, и все, если не считать сильного душевного потрясения. Хозяйка же квартиры стояла ни жива ни мертва.

Примерно через минуту Сергей опомнился, со стуком сомкнул челюсти и на одном дыхании произнес:

– Вот! Ну и ну! Это что же такое? Э, да вы – иллюзионист! Я не позволю с собой так шутить!

После этой довольно бессвязной тирады Сергей замолчал. Даже если гость и был гипнотизером, то все равно в высшей степени странным. Эти сапфиры на груди и меч на поясе... Теперь понятно, почему трупы на пустыре были изуродованы. Меч – не пистолет девятого калибра. Попробуй-ка заколи человека аккуратно...

– Не стоит волноваться, – в уже привычной для Наташи спокойно величавой манере объявил Ульфиус. – Ничего плохого ни вам, ни вашей подруге я не сделаю. Напротив, постараюсь вас защитить. Это сейчас крайне необходимо.

– Я не понимаю. Что значит «магистр Слова»? – спросил Сергей уже спокойнее. – Филолог, что ли?

Ум у аспиранта был трезвый, аналитический и сейчас всю работу над поставленной задачей – понять, что произошло с мальчишкой Устином, кто перед ним и как такое превращение стало возможным. Отвлекаться на эмоции было некогда.

Ульфиус рассмеялся.

– Конечно, нет. У вас такие специалисты называются магами. Это не совсем правильно, потому что под магией здесь понимают и различные колдовские и псевдоклдовские спекуляции, но наиболее близко передает смысл.

– У нас? – тут же зацепился за слово Сергей. Утверждение магистра он пока игнорировал. – А сами вы откуда?

– Я же уже говорил – из Авенора, – еще раз повторил Ульфиус, нисколько, впрочем, не раздражаясь.

– Параллельные миры? – спросил Сергей, внутренне удивляясь, насколько мало это его тронуло.

– Нет, – улыбнулся магистр. Он пригладил светлую бороду. Вокруг глаз его собрались морщинки. – Мир – один. Королевств под звездами много. И некоторые замкнулись в себе. Ваше – из их числа... Поэтому ты и задаешь такие вопросы, хотя слышал о Белерианде.

– И о Белерианде, и о Нуменоре, и о Земноморье. Только это ведь сказочные страны.

Ульфиус опять улыбнулся. Наташа тихо прокралась в кресло и села, прислушиваясь к разговору мужчин. Хотя сама она была девушкой неглупой, первенство Сергея в интеллектуальных вопросах признавала полностью и считала, что он быстро разберется, что и как. Ей было очень интересно.

– Я пришел в ваше королевство по одному делу, важному только для меня. По дороге встретился с Наташей. Когда увидел, что ей угрожает опасность, конечно же, попытался помочь. Теперь мне и самому стало интересно, в чем дело, что скрывают выродки, которые хотели ее убить. А в том, что они хотели ее убить, сомнений нет – я такие вещи чувствую... Чуть позже я надеюсь точно выяснить причину. Хотя у вас здесь, как мне известно, вообще спокойно... Но мы должны иметь дело с конкретными врагами в конкретном месте. Если бы ты согласился мне помочь, было бы просто замечательно.

– Да уж, – пробормотал Сергей. – А русский язык откуда знаете? Потому что магистр Слова?

– Можно и так сказать, – спокойно ответил Ульфиус. – Но, вообще говоря, русского языка я не знаю. Только буквы и цифры выучил перед тем, как прийти сюда. И русские, и латинские, и арабские. А говорю я словами Истинной речи – ее любое разумное существо поймет, имеющее свой язык, не только человек. Ваш язык, как и любой другой, мне понятен. Кто знает речь Истинную, понимает всех, кто к нему обращается, на каком бы языке обратившийся ни говорил. И сразу отличает ложь от правды. Лживые слова просто не звучат. Будто бы лгущий говорит: сейчас я начну врать. Я по той же причине вам лгать не могу...

Наташа еле удержалась, чтобы не захлопать в ладоши. Такая концепция ей, как настоящему филологу, очень понравилась. Праязык, от которого произошли все языки и который был универсальным средством общения... И Вавилонское столпотворение, случившееся потом... Хотя определенные изъяны в таком подходе, что и говорить, имелись. – Впрочем, я рассказал уже очень много, но ни слова не упомянул о деле, – вдруг прервал вопросы Сергея Ульфиус. – Чую я, что враги что-то замышляют. И с минуты на минуту нам будет угрожать нешуточная опасность.

Когда наконец улеглась суета, вызванная приездом следователей по поводу найденных на пустыре трупов боевиков, которых Кравчук послал добыть ему журналистку, Владимир Петрович вызвал секретаршу Оленьку и велел ей ни под каким видом никого к нему не пускать. Директор «Барса» достал из бара бутылку «Дербента», налил полстакана коньяку и неспешно его выпил. Закусывать Кравчук не стал – уже года два он безуспешно пытался похудеть и старался есть поменьше. Правда, рано или поздно срывался и начинал объедаться, но попыток тем не менее не оставлял.

Кравчук размышлял над тем, не поторопился ли он убрать свидетеля. Впрочем, Серый утверждал, что ничего не видел. Значит, пользы от него не было никакой – если он говорил правду, конечно. А выдать хозяина, разболтав о том, что по его приказу Костян и Толстый пошли брать журналистку, он мог. И, поскольку дело завершилось совсем не так, как ожидалось, от свидетеля лучше было избавиться. Особенно от такого ненадежного, как психопат Серый.

Кравчуку было жизненно важно узнать, что случилось на пустыре. Как получилось, что двух его бойцов, вооруженных и совсем не хлюпиков, кто-то искрошил и не потрудился даже спрятать? Их, наверное, и пытали перед смертью. Что они могли выболтать? Много чего...

Хотя нет, когда бы они успели? Серый говорит, что его не было на пустыре минут пять. Может быть, лжет? Может, его как раз и отпустили? Или даже действовали по его наводке? Эх, поспешил он отдать приказ об устранении. Но, опять же, от самого Кравчука мнимое самоубийство Серого должно полностью отвести подозрения. Поссорились, бывший десантник порешил своих дружков и повесился сам... А что произошло на самом деле? Владимир Петрович хотел знать это даже больше, чем следователи. Он был просто кровно заинтересован в этом.

Самый главный вопрос: кто посмел встать на его пути? Кравчук не собирался отступить ни перед кем и ни при каких обстоятельствах – слишком большие деньги, слишком большая власть были поставлены на кон.

Владимир Петрович откинул потайную панель позади стола, за которой обнаружилась дверца сейфа. Дрожащими руками директор «Барса» открыл ее. Содержимое сейфа могло удивить кого угодно. Там лежали не деньги, не золото и не драгоценные камни. В сейфе стоял обычный пластмассовый телефон. И он даже не был подключен к сети.

Нехотя Кравчук снял трубку. Гудок, естественно, не раздался. Однако Владимир Петрович негнувшись пальцем набрал трехзначный номер, и через некоторое время в трубке послышался лишенный интонаций голос:

– Чего тебе, Вован?

– Двух моих пацанов замочили на пустыре при странном раскладе. Трупы выглядят странно, – сообщил директор «Барса». Он не старался выбирать слова, потому что собеседники его всегда тоже выражались прямо.

– А мы здесь при чем? – недовольно отозвался голос. – Разбирайся со своими врагами сам. И так тебе много помогаем.

– Их на куски порубили, – упорствовал Кравчук. – На пустыре рядом с промзоной.

– На пустыре, говоришь? – более заинтересованно, но все так же презрительно отозвался голос. Он на некоторое время замолчал, словно говоривший что-то выяснял, и минуты через полторы, когда Кравчук уже отчаялся услышать голос собеседника, сказал: – Жди, мы сами приедем.

Кравчук поспешно предупредил секретаршу, чтобы она пустила к нему любого, кто придет, налил себе еще стакан коньяку и затосковал. Встречаться с теми, кому он сейчас звонил, директору «Барса» совсем не хотелось. Странное дело – этим людям он был обязан своим нешуточным бизнесом, колоссальными денежными вливаниями, а душа у него к ним не лежала. Мерзки они были Кравчуку, которого не решился бы назвать добрым, приятным и разборчивым человеком даже самый закоренелый льстец.

Не прошло и пятнадцати минут, как массивная дубовая дверь кабинета директора «Барса» без стука отворилась и на пороге показался высокий худой мужчина, одетый, несмотря на жаркое летнее время, в длинный черный плащ. Волосы его были наполовину черными, наполовину седыми, череп – удлиненной формы, бугристый.

– Что, опять нагадил? – брюзгливо обратился вошедший к хозяину кабинета. Так с Кравчуком никто не смел разговаривать, но Владимир Петрович подобострастно вскочил, спрашивая:

– Коньяк будете?

До сих пор Кравчук с этим человеком не встречался. Как правило, каждый раз к нему приходил кто-то другой. Но то, что и новый пришелец – из тех, Владимир Петрович сразу понял. И повадки, и манера держаться были такие же, как у предыдущих визитеров. Даже пахло от незнакомца особенно. Ужасно. Не в том смысле, что запах был неприятным или зловонным.

Он был просто страшным, заставлял вспоминать пережитые моменты ужаса, такие, о каких нормальный человек помнить обычно не хочет.

– Сам его пей, тоску заливай, – бесцеремонно ответил визитер, брезгливо морщась. – Значит, журналистку допросить хотел с пристрастием? Хорошенькая, небось, журналистка? Дурак ты, дурак. Подождать не можешь, лапы к бабам тянешь. И охрану объекта организовать толком не сумел... Скоро все бабы твои будут, куда спешишь!

– Ошибка вышла, – извиняющимся тоном ответил Кравчук. – Люди мои косяк упорили. Наказан тот, из-за кого недосмотр произошел. Замочили уже.

Черный на покаяния Кравчука не отреагировал. Как стоял посреди кабинета, так и не сдвинулся с места. Только повел носом, словно принюхиваясь.

– Ладно, подберем за тобой. Сам поеду... Давай, вызывай боевиков своих. Мы пока спрячемся ненадолго. Не подавай вида, что мы здесь. И расспроси своих, что на пустыре было. Мы послушать хотим.

Визитер наконец перестал нависать над Кравчуком, но тому легче не стало. Незнакомец залез под стол, устроившись у ног директора «Барса». При других обстоятельствах ситуация показалась бы Владимиру Петровичу комичной, но сейчас у него даже мороз по коже пошел. Эта тварь – человек бы такого просто не сделал – внушала Кравчуку все больший ужас. Того и гляди, он его еще и за ногу укусит. Хорошо, хоть стол широкий, можно отодвинуться. Впрочем, может быть, на службе Организации состоит какой-то извращенец, которого специально послали напугать его? Тоже, между прочим, радости мало.

– Ты потайную дверь устрой, – сказала существо из-под стола. – Не все же нам здесь прятаться.

Упорство, с которым незнакомец говорил «мы», тоже было странным. Все представители Организации говорили «мы», будто бы не от себя лично, а от некоего сообщества. Даже когда речь касалась чего-то личного – например, намерения залезть под стол.

– Оля, еще раз Семеныча ко мне. Быстро, – приказал Кравчук по интеркому.

Олег Семенович Белоусов вошел через полминуты – не иначе, ожидал в приемной. Заместитель директора «Барса» являл собой некую противоположность Кравчуку: худой, суетливый и невысокий мужчина лет пятидесяти. Светлые, коротко стриженные волосы и светлые же с рыжинкой усики. Встретишь его где-нибудь, так и в голову не придет, что это один из самых опасных людей в городе. Однако добродушное выражение лица и мягкий, порой даже слащавый голос были обманчивы, от человека этого можно было ждать чего угодно. Сам Кравчук его побаивался. Да и угодливым он был отнюдь не всегда. Случалось, что Белоусов преображался, и тогда сразу становилось ясно, что он очень непрост. А вкрадчиво-доверительный тон, доходивший до заискивания, частенько был просто издевкой над собеседником, который ничего не подозревал. Лагерная блатная привычка.

Сидел Белоусов то ли три, то ли четыре раза и лишь по какой-то неведомой честным людям причине не стал воровским авторитетом. Чего-то ему для этого не хватило. Скорее всего, «авторитетности» статей Уголовного кодекса. Ловили Семеныча по мелочам.

– Ментам наводку дал, где Серого искать? – спросил заместителя шеф.

– Свистнул, – ответил тот, пощипывая короткий ус. – Уже нашли, наверно.

– Ну и ладненько. А ты как кумекаешь, что на пустыре было?

– Справки навел, Владимир Петрович, – подобострастно улыбнувшись, сообщил Белоусов. – Костян с Ромой были ребята горячие. Могли с кем угодно поцапаться. Но не в том соль. Порубили их, будто саблей. Мне знающие люди рассказали, стукачок наш, из ментовки, слышал – и передал. А дружок журналистки – каратист, крутой. Может, он их на пустыре встретил? Что она, дура, что ли? Бежать туда, где и на помощь позвать некого?

– Кто ее знает, – судорожно вздохнул Кравчук. Тема была интересной, но под столом сидела тварь, и директор «Барса» хотел закончить разговор побыстрее. – Из какой группировки дружок ее?

– Да не из группировки. Так, сам по себе. Раза два выигрывал чемпионаты города по карате. Его некоторые наши ребята знают. Спортсмены.

– Я-то думал, он в деле. Какой бы он крутой ни был, против пистолета – с саблей... Может, у него нож такой был, выкидной? Знаешь, на пружинах, лезвиями выстреливают...

– Может быть, – согласился Семеныч. – Только руку таким ножом не отхватишь.

– Ножом – нет, топориком – запросто. Если повезет, – заметил директор, удивляясь абсурдности разговора. – А если он саблю с собой таскает? Эти каратисты, они на Японии и самураях сдвинутые. А те везде с саблями ходили.

– Не с саблями, с катаной, – раздался из-под стола хриплый голос.

Кравчук похолодел, но Белоусов не сообразил, что говорит не его шеф, а кто-то другой.

– Да хоть с чем, – засомневался Белоусов. Сам он был человеком нормальных склонностей и слабо представлял себе, как можно расхаживать по городу с саблей. – Ее же видно! Финка – другое дело... Даже охотничий нож и то – оружие для рисовщиков...

– Ну, кто его знает...

– И еще кое-что говорят, – немного сконфузившись, сообщил Белоусов.

– Что же? – спросил Кравчук. Его удивило, что разбитного заместителя вдруг нужно подбадривать.

Белоусов начал хрипло, почти шепотом, причем было непонятно, издевается он или говорит серьезно:

– Раньше на том пустыре часовня стояла. И кладбище рядом с ней было. Теперь местные мусора нанесли, свалка там, помойка. Нехорошо. Но все равно – ночью там, говорят, странные вещи творятся. И которые рядом живут, те ночью туда мусор не носят. Всякое бывает...

– Да ты что, обалдел, Олег? – наигранно удивился Кравчук. Сам он внутренне передернулся. – Ты что, во всякие бредни насчет привидений веришь? Или шутишь?

– И не верил бы, если бы сам не был из того поселка, – ответил Семеныч, нехорошо усмехнувшись. – Вырос рядом с пустырем. Наслушался и даже повидал кое-что. Как у пацана, который человеческую кость там нашел и в хоккей ею играл, рука отсохла. С тех пор я там вообще стараюсь не появляться...

– Ну, ты чудишь, – протянул Кравчук. – Ты, может, и журналистку ту боишься?

– Я, Владимир Петрович, никого не боюсь, – опять усмехнулся Белоусов. – Соблюдаю разумную осторожность. С журналисткой, может быть, и похуже, чем с Костяном, приключилось. Ее ведь так и не нашли... Плохое там место. И люди, бывало, пропадали.

– Ладно, оставим мистику, – неохотно предложил Кравчук. – Бери человека три, отправляйся к Соловьевой на квартиру. Пропала она или, напротив, жива-здоровая, я ее видеть хочу. Нужна она мне живой. Так что давай, двигай.

– Все, что надо, сделаю, – вздохнул Белоусов. – Как бы только она сама ведьмой не оказалась. Красивая, черноволосая. Еще и голубоглазая. Не бывает так...

– Я смотрю, ты ее фотографию хорошо изучил, – усмехнулся Кравчук. – Да, красивая девочка. Понравилась?

– Нет, не особо, – ответил Семеныч. – Не мой тип. Но почему у Костяна с Ромой из-за нее крышу сорвало – понимаю. И не удивлюсь, если их на самом деле Серый замочил. Уже потом я понял, когда удавку на него накинул. От таких женщин многие с ума сходят.

– Ладно, действуй, – приказал Кравчук. – Большие люди нас ждут. Мы их доверие обмануть не вправе. Один из них с вами поедет. Слушайся его во всем.

Белоусов недоверчиво уставился на шефа. Такой приказ от него он получал впервые.

– Стало быть, вы решили помочь нам справиться с нашими бандитами? Только зачем они вам понадобились? Хотите, чтобы справедливость везде торжествовала? – наполовину саркастически, наполовину уважительно – а главным образом недоверчиво – спросил Сергей у Ульфиуса.

Лунин в разговоре автоматически перешел на «вы», будто бы беседовал с университетским профессором. Впрочем, примерно так оно и было...

Ульфиус уже совершенно освоился, развалился в кресле и прихлебывал кофе. Из еды магистр больше налегал на шоколадные конфеты – они ему, в отличие от турецкого печенья, очень понравились.

– Хочу или не хочу – вопрос второй. Я в вашей стране чужой. Кое-что я мог бы сделать. Кое-что наверняка сделаю. Но полностью изменить свою жизнь можете только вы сами. До сих пор, думаете, мы не пытались вам помочь? Много раз. Но и мешают нам тоже. Поэтому выбор все равно за вами. И делать все придется вам самим. Я могу и буду использовать здесь силу подлинного Слова. Слова, изменяющего мир. Но враги теперь знают, что я здесь. Будут учитывать это в своих планах. И постараются расставить ловушки специально для меня.

– Да вы откуда обо всем этом знаете? – спросил Сергей. – И откуда эти самые враги могут знать о вас? Они-то не маги и не колдуны...

– Знаю, – ответил Ульфиус. – Не первый раз попадаю в переделки. А они как раз самые настоящие колдуны. Я почувствовал темную магию и все ее проявления. Подлинных изменений реальности мало в вашем краю. Поэтому я могу узнать, когда что-то затевается Темными, а они могут вычислить и найти меня – если я не буду осторожен. А в том, что бандиты ваши связаны с Темными, я не сомневаюсь.

Сергей в очередной раз покачал головой. Хотя Ульфиус вроде бы продемонстрировал свои способности более чем выразительно, аспиранту-физику, уже не один год занимающемуся точными науками и ведущему самостоятельные исследования, поверить в существование магии и повсеместное ее применение было совсем не просто. К кофе Сергей даже не притронулся, полностью поглощенный разговором.

Наташа сидела на диване, поджав под себя ноги, и внимательно прислушивалась к разговору мужчин. Все время получалось, что ей слова вставить не удавалось. Наконец она решилась:

– А какой он, ваш Авенор, магистр Ульфиус? И где расположен? На далекой планете?

Зачем рассуждать о слишком умных вещах, когда самого главного не знаешь? Интересно ведь речь вести не о далеких абстракциях, а о том, как живут люди – пусть и в других мирах. Когда еще случай представится?

– Благословенный Авенор! – светло улыбнулся магистр. – Где он расположен? Сразу не объяснить... Он в другой плоскости мира, отсюда его не увидеть и не достать. Вы ведь привыкли мыслить только категориями своего пространства, насколько мне известно. Но на самом деле Авенор не так уж и далеко.

– Так, значит, вы из другого измерения? – перебил Ульфиуса Сергей.

– Нет, – ответил тот. – Измерения у вас такие же, как у нас. Три пространственные координаты, одна временная. Да и вообще Авенор похож на Землю. Небо и горы – не слишком. А люди, его населяющие, похожи. Только наше королевство в другой плоскости мира. Звезды там совсем другие, время течет иначе.

– На космическом корабле туда не доберешься? – уточнил Сергей.

– На корабле? В смысле, на ракете с реактивной тягой? Нет, конечно, – улыбнулся Ульфиус. – Да и куда вы можете добраться на своих космических кораблях? Даже до соседней звезды не долетите... Разве что на Луну попадете. Только зачем?

– Ну, теоретически долететь до звезд возможно, – обиделся за земную науку Сергей.

– Возможно, – согласился Ульфиус. – Теоретически можно вплавь преодолеть Тихий океан. Или на руках пройти через весь континент. Только лучший ли это способ?

Магистр взял последнюю конфету, понюхал ее, с легкой грустью посмотрел на опустевшую вазочку и положил конфету в рот. Наташа застыдилась, что сладостей было мало. Шоколад она покупала часто, но слишком много ела его сама.

– Не знаю, зачем идти на руках, – распаяясь, заметил молодой физик. – До звезд мы хотим добраться, чтобы расширить свои познания.

– Похвальное, очень похвальное желание. Только поверьте мне, познания лучше расширять другими способами, – отозвался Ульфиус. – Гораздо более приятными и действенными. Вы тут такого понапридумывали... Автомобили те же самые, компьютеры... Ужас!

– Что же в компьютерах ужасного? – улыбнулся Сергей.

– Получится – сами чуть позже поймете, – туманно ответил магистр. – Хорошо, если вовремя.

Наташа принесла из кухни электрический чайник и подлила Ульфиусу кипятка, бросила в чашку еще ложечку кофе.

– Спасибо, – поблагодарил тот.

– Вот еще одно дьявольское устройство, – усмехнулся Сергей, кивая на чайник.

– Почему же? – спросил Ульфиус. – Устройство как устройство. Однако воду вскипятить я, к примеру, могу без всякого чайника. Но не каждый же раз заставлять ее кипеть саму по себе? Иногда и промышленной магией можно воспользоваться. Если ты не сноб, конечно...

По лицу Сергея было видно, что он магистру не поверил. Точнее, не то чтобы не поверил, но отнесся к его словам с некоторым сомнением. Ульфиус заметил это. Он не сказал ни слова, не повел рукой, но остывший кофе в чашке Лунина вдруг забурлил.

– Осторожно, на самом деле горячий, – предупредил магистр.

– Да уж, – вздохнул Сергей. – Так что, второе правило термодинамики – побоку?

– Не могу сказать, так как плохо знаком с этим правилом, – дипломатично ответил магистр. – Но предполагаю, что побоку. То, что касается вашей физики и ее законов, то это все справедливо только для случая неизменного пространства, времени и невмешательства в суть материи. Частный случай. Все равно как в химии, одни элементы не могут превращаться в другие, а в ядерной физике – сколько угодно...

– Вы, я смотрю, хорошо в физике разбираетесь, – заметил Сергей. – Хотя и второго правила не знаете...

– Действительно, вы у нас бывали раньше, Ульфиус? – перебила друга Наташа.

– Бывал, – ответил магистр. – Только один раз и давно. Года четыре назад. Перед тем как явиться сюда на сей раз, я изучал ваш край. Читал книги, говорил с людьми. Обобщал память. Странники ведь здесь бывают довольно часто, хотя Земля и затемненное королевство. Даже из названия видно...

Сергей и Наташа не совсем поняли, о чем говорит магистр, но уточнять не стали.

– А в мире, где вы живете, все пользуются магией? – вновь прервала серьезный разговор мужчин девушка.

– Пользуются магией? – несколько удивленно переспросил Ульфиус. – Ах да. Понимаю, что вы хотите сказать. Конечно, все. Да и вы ею тоже пользуетесь – только в очень извращенной и сложной форме. На самом деле в мире нет ничего, кроме магии. Совершенно ничего. Ведь мир создан из магии и на ней стоит. Вначале было Слово.

Сергей удивленно поднял брови, но вопрос задать не успел – в дверь квартиры позвонили.

– Это враги, – буднично сообщил Ульфиус.

Белоусов с тремя надежными боевиками из «Барса» и сопровождающим их молчаливым типом в плаще подъехали к дому, где жила журналистка, на двух машинах.

– Действовать будем аккуратно, – объяснил Олег Семенович подчиненным. – Большой дом, народу много, шум незачем устраивать. Тихо ломаем дверь, заходим. Если кто есть – берем живьем, будут рыпаться – стреляйте. Девчонку взять живой обязательно. Ты, Толя, работаешь только в крайнем случае.

Толя Гвоздь держал в руках автомат, все остальные были вооружены пистолетами с глушителями. Суровый Толя подозрительно поглядывал на незнакомца – зачем он плащ натянул? Не иначе у него под ним базука. А уж если не гранатомет, то автомат точно имеется. Но тоже деловой, стоит в стороне и не пикнет.

– Лучше вообще не стрелять, – добавил Белоусов. – Пошли.

Поднялись на второй этаж. Незнакомец – позади всех, молча. Витя Косой, огромный парень, которому врожденное косоглазие придавало на удивление отталкивающий и злобный вид, нажал кнопку звонка.

– Идиот, – прошипел снизу Семеныч. – Сразу дверь ломай!

– Может, она сама дверь откроет, – предположил Косой, который, несмотря на грозную внешность, был не слишком сообразителен, а подчас и робок.

– Ломай дверь, полудурок! Зачем я тебя вперед пустил?

Косой отошел чуть в сторону, сделал два шага и изо всех сил ударил в дверь плечом. Журналистка не удосужилась даже укрепить как следует вход в свое жилище. Щеколда с треском отлетела в сторону, дверь распахнулась. С пистолетом наизготовку Белоусов вошел в квартиру первым. Следом ворвался Гвоздь, за ним неспешно вошел Косой.

Длинный коридор вел прямо в гостиную, где Белоусов заметил девушку и двоих мужчин. Один из мужчин поднимался им навстречу из кресла. Семеныч быстро прицелился и выстрелил мужчине в корпус. Не убивать, только остановить. Впрочем, как придется.

Мужчина пошатнулся, однако пуля не причинила ему большого вреда. Он продолжал оглядываться по сторонам, видимо, выбирая оружие для схватки.

Белоусов нажал на спусковой крючок еще несколько раз, целясь уже в грудь и в голову противника. Сухо шелкнули приглушенные выстрелы. Однако мужчина все не падал.

«Экая сволочь, – мелькнуло в голове Белоусова. – Так он и правда меня голыми руками забьет – если он тот самый каратист. Здоровый!»

И тут рядом с Семенычем оказался незнакомец в темном плаще. Плащ его был распахнут, но под ним не было оружия. Только виднелись странные черные одежды, а поверх них блестела золотая цепь с прозрачным желтым камнем. Огромного Косого, который оказался на пути, Темный просто отшвырнул в сторону, словно ребенка.

Незнакомец быстро поднял руку, и из нее вырвался ярко-алый сноп пламени – в направлении мужчины, который все еще сидел в кресле.

– Ничего себе, – разом выдохнули боевики Кравчука. – Портативный огнемет! Круто! – Белоусов был не настолько прост, он вздрогнул: что же это за тварь такая?

Однако другой мужчина, тот, который поднимался с кресла, тоже успел сделать непонятный жест рукой, и сноп пламени, как будто наткнувшись на стену, разлетелся во все стороны багровыми брызгами. В квартире задымились обои и мебель.

Оправившийся Косой выглянул из-за плеча своего загадочного союзника и выстрелил несколько раз, целясь в мужчин. Пули со звоном впились в мебель и отскакивали от стен, но в людей не попадали. Мужчина со светлой бородой, тем временем поднявшийся на ноги, вытянул руку в сторону нападавших. Его и парня с журналисткой отделила от врагов стена прозрачного, почти белого огня. Боевики заметили, что на поясе незнакомца висит длинный меч, да и одет он странно – чуть ли не в платье.

– Так вот он, главный ниндзя, – решил Белоусов. – Что же он такое творит? Не хуже нашего, пожалуй, будет...

Под «нашим» Белоусов подразумевал Черного. Он уже смирился с тем, что это какая-то нечисть, и ждал от нечисти решительных действий. Пошел – так помогай!

В это время Гвоздь, увидев, что события приняли неожиданный оборот, крепко выругался, чтобы приободрить себя и товарищей, и ударил по огненной стене из автомата. Автоматная очередь прогрохотала, точно гром. Но пули с чваканьем входили в прозрачную пламенную преграду, оставляя на ней багровые следы, и исчезали неведомо куда.

Тут союзник бандитов закричал на неведомом языке и, бросившись на стену пламени, прошел ее насквозь. В одно мгновение он оказался рядом с девушкой и, схватив ее за руку, закричал:

– Абара суфл джахн!

Произнеся эти слова, он начал таять в воздухе, и девушка стала таять вместе с ним. Но мужчина с бородкой поднял меч и рубанул по руке врага, которой тот держал девушку. И яростно выкрикнул:

– Аламен!

Черного, лишившегося руки, отшвырнуло в сторону. Он упал на пол и начал растекаться по нему черной грязью. Рука его вообще исчезла в неизвестном направлении. Гвоздь бросил автомат, который повис у него на шее, и перекрестился. Остальные бандиты стояли ни живы ни мертвы. Когда тварь растекалась по полу грязной лужей, девушка растаяла и исчезла. От нее не осталось и следа, как будто ее и не было вовсе.

Косой, вошедший в раж после исчезновения союзника, с воплем бросился на огненную стену. Смысла в этом никакого не было, так как журналистка исчезла, а счет был не в пользу бандитов Кравчука. Отбросив бесполезный пистолет с пустой обоймой, Косой вытащил из кармана нож и кинулся к более слабому, по его разумению, противнику – высокому юноше в обычной одежде, у которого не было оружия. Но тот не растерялся. Перехватив руку нападающего, он бросил его на стену. Нож выпал из руки бандита, вонзившись острым концом в ногу молодого человека.

– Уходим, – заорал Белоусов, поворачиваясь к противникам спиной. Девушка исчезла, больше в квартире делать было нечего, а события принимали нехороший оборот.

Впрочем, особого приглашения и не требовалось. Гвоздь с товарищем уже неслись вниз по лестнице, и только Косой с вывихнутой рукой всхлипывал, лежа на полу.

Сергей вытащил из ноги нож и снял туфлю. Крови в нее налилось порядочно, да и нога сильно болела. Но серьезных повреждений не было. Обидно только, что сплоховал. Можно было предположить, куда упадет нож. Вот что значит все время иметь дело с деревянным оружием!

Зажав рану рукой, Лунин повернулся к Ульфиусу:

– Что с Наташей? Куда она исчезла?

– Ничего особо страшного пока не произошло, – спокойно ответил магистр. Чувствовалось, что он в приподнятом настроении.

– Тогда где же моя невеста? Что с ней случилось? И что ЭТО была за нечисть, с которой ты расправился? – спросил Сергей срывающимся голосом.

– Успокойся. Все в порядке. Я все объясню.

– А что нам делать с этим? – Сергей указал на тихо постанывающего Косого.

– Пусть убирается, – без эмоций ответил Ульфиус. – Сразу ты его не убил. Добывать, наверное, не будешь?

Сергей вздрогнул. Он к прямоте магистра еще не успел привыкнуть.

– Может, расспросить его, кто их послал, зачем? – спросил он.

– Я и так догадываюсь, – улыбнулся Ульфиус. – Теперь. После того, как воочию увидел Темного. А это – исполнитель, пешка. Ему самому ничего не известно. Он всего лишь попал под действие враждебных сил. Убирайся, мерзавец, пока я не отправил тебя в места более жуткие, чем ты можешь себе представить, – обратился он к Косому. Потом опять повернулся к Сергею: – Хорошие заклинания даром пропадают...

Подвывая от боли и ужаса, Косой пополз к выходу, боясь поднять голову. На пороге он вскочил и бросился наутек – ноги у него были целы.

– Что за заклинания? – поинтересовался Сергей.

– Пошутил, – ответил Ульфиус, слегка улыбувшись. – Я не пользуюсь готовыми заклинаниями. Заклятия – для колдунов, ведьм и магов низшего уровня. Просто надо было его напугать. И дезинформировать врагов.

– Дезинформировать? – переспросил Сергей. Слово это в устах Ульфиуса звучало странно.

– Ну да, – ответил тот. – Обмануть.

Магистр поднял руку, и распахнутая настежь входная дверь закрылась.

– Нечего людям знать, где была драка, – объяснил он. – А так – не поймут. В этих домах все слышно, но непонятно, где что происходит.

Сергей молча кивнул. Он в горячке забыл, что все происходит в многоквартирном доме, обитатели которого могли вызвать милицию или пожарных, или, в конце концов, могли сами прибежать на выручку к соседке. Однако, как ни странно, кругом царила подозрительная тишина.

– Да, да. Конечно, – согласился он с магистром. – И ты в самом деле знаешь, кто они такие, что им нужно?

После совместной драки Сергей вновь перешел с Ульфиусом на «ты».

– К сожалению, пока только догадываюсь, – вздохнул магистр, хотя видно было, что его такое положение дел не слишком расстраивает. – Думаю, при моей поддержке ты сумеешь расстроить их планы, о которых мы получим информацию в самое ближайшее время.

– Я? – в очередной раз удивился Сергей. – Я-то тут при чем?

– Неужели тебе не хочется разнообразить свою жизнь? Быть достойным своей девушки? Звания человека, которое ты носишь? В конце концов, изменить свой мир в лучшую сторону? – спросил Ульфиус, пристально глядя в глаза собеседнику.

– Ну вообще-то... Конечно, да! – решил Сергей.

– Вот и славно. Теперь ты один из нас. Стало быть, на тебя законы не распространяются.

– Какие законы? – немного ошарашенно спросил Сергей.

– О недопустимости оказания помощи без крайней необходимости силой Истинного Слова существам, живущим в отпавших и затемненных королевствах, – словно бы цитатой из устава ответил Ульфиус. – Подойди-ка сюда!

Сергей встал и, хромя, подошел к раскинувшемуся в кресле магистру. За «существа» он немного обиделся. Но, поразмыслив, решил, что существом действительно является и, значит, обижаться не на что. Ульфиус наклонился, провел своей рукой над раненой ногой Сергея, и кровоточащая рана закрылась, а боль, хоть и не прошла совсем, утихла.

– Здорово, – заметил молодой человек.

– Бывает и лучше, – ответил магистр. – Я, знаешь ли, не целитель. Скорее наоборот. – Авенорец поднялся, торжественно возложил руку на голову Сергея и произнес: – Данной мне властью принимаю тебя в Орден Огня послушником.

– Спасибо, – ответил Сергей. Он не знал, хорошее ли получил предложение, или, напротив, плохое, но спорить с Ульфиусом не стал. В конце концов, сам он никуда не просился и никому ничего не обещал. Приняли, и ладно. Авось пригодится. – Я должен что-то говорить, в чем-то клясться?

– Нет, совсем не обязательно, – ответил магистр. – У тебя еще есть время отказаться.

Он подошел к луже, оставшейся от Темного, и начал с интересом ее изучать. Сергей прошел на кухню, в спальню, заглянул под кровать.

– Так где сейчас Наташа? – спросил он. – Она невидима?

– Наташа сейчас в другом краю, – ответил Ульфиус, продолжая лучезарно улыбаться, что Сергея уже начало раздражать. – Ей там, думаю, будет хорошо.

– В каком таком краю? – ошалело переспросил Сергей.

– Не сказал бы, даже если бы знал. Нас могут подслушивать, и твою девушку, не обученную азам Слова, плохо знающую жизнь, очень просто из любого мира выкрасть. Но я и сам не знаю, где она, – лучший способ спрятать кого-то, чтобы никто не нашел. Я транспортировал ее так, что она пройдет через несколько миров, прежде чем остановится. Найти ее будет трудно.

Сергей, усевшийся было в кресло, резко вскочил.

– Да ты в своем ли уме? – воскликнул он. – Мы что же, и вернуть ее обратно не сможем?

– Разве я так сказал? – притворно изумился Ульфиус. Реакция молодого человека его развеселила. – В свое время обязательно разыщем. Плоскость мира, куда я ее отправил, мне хорошо известна. Только мир – нет. Так что найдем, не беспокойся. Со временем.

– Зачем ее было вообще усылать куда-то? – спросил Сергей.

– Может быть, и не нужно было, – раздумчиво ответил Ульфиус. – Но мне не оставалось ничего другого. Приходилось иметь дело сразу со многими объектами и силами. И когда Темный решил утащить ее в свой мир, я мог только изменить направление движения.

На лице Сергея был написан такой неподдельный интерес, что Ульфиус, который уже было замолчал, заговорил снова:

– Ты же физик, а не филолог. Могу объяснить еще понятнее. Когда ты ударишь по мячу, остановить сразу его очень трудно. Мяч обладает импульсом и кинетической энергией, которые просто так не погасишь. Нужно большое мастерство, к тому же нет уверенности, что мяч, если ты его сильно схватишь, не лопнет. А вот направить его в другое место, отбить – искусства требуется гораздо меньше.

– Стало быть, ваша магия тоже обладает энергией? – уточнил Лунин.

Ульфиус пожал плечами:

– Греет ли солнце? Течет ли вода? Можно сказать и так. Материя и энергия неразделимы. Но на самом деле, в глобальном плане, нет ни материи, ни энергии. Есть только Слово. Идея. Из нее происходит все сущее. Стало быть, нет ничего, кроме магии. – Он потянулся в своем кресле. – Кстати, ты мне напомнил, что совсем не лишним было бы отдохнуть. Во всех этих поединках я потерял много сил. Моря, озера, реки и ручейки энергии... И для того, чтобы без помех выспаться, нам в первую очередь нужно отсюда убраться.

Сергей окинул взглядом разгромленную квартиру. Сервант был обуглен, диванная обшивка пробита пулями, обои испорчены пламенем и выстрелами. На полу растеклась грязная лужа.

– Квартиру надо бы привести в порядок и закрыть. Разграбят все. Особенно если учесть, что Наташи в ближайшее время не будет...

– Прибираться некогда. Потом, – отозвался магистр. – В жилье ее никто посторонний не войдет. Вряд ли кто сможет обойти мою защиту. Дверь откроет лишь она сама.

– Тогда – двигаемся, – предложил Сергей. – Может, ко мне?

– Нет, – усмехнулся Ульфиус. – Если они и не знают твой адрес, то узнают в ближайшее время. Нам нужно скрыться по-настоящему. Потеряться, но быть рядом с центром событий.

Когда тварь – иначе эту бесформенную мерзость девушка не могла для себя определить – оказалась рядом с ней, Наташа оцепенела от ужаса. А тварь вцепилась ей в руку и проскре-

жетала что-то гнусное и тоскливое. Пахнуло могильным холодом, и Наташа едва не лишилась чувств – готовилось очень страшное, такое, чего не пожелаешь и врагу. Но фигура магистра Ульфиуса, отражавшего атаку бандитов и противостоявшего той нечисти, что пыталась ее куда-то утащить, выросла, наполнилась ярким волшебным сиянием и приблизилась к девушке. А тварь, вцепившаяся в нее, словно бы уменьшилась и потускнела.

Магистр звонко сказал только одно слово, но слово прозвучало будто удар большого серебряного колокола. Меч в его руке засиял, нанося удар в самую суть твари. Чудовище взвыло и отлетело – в дальнюю даль, хотя одновременно вроде бы и осталось в комнате. А сама Наташа стала вдруг видеть все как бы со стороны. В комнате бушевал огонь, дрались люди, Сергей сцепился со здоровенным бандитом, а Наташа уходила, проваливалась, будто сквозь пол, но в этом не было ничего особенно страшного. Слезы застилали ей глаза. Девушка осознавала, что еще раз избавилась от ужасной опасности, и избавление было так прекрасно, что она не могла думать ни о чем другом. Ей было радостно за себя и жалко весь белый свет...

Потом перед глазами поплыли круги, начало темнеть. Одновременно на горизонте – если можно сказать, что в том положении, когда вокруг тебя одна тьма, есть какой-то горизонт – возникло неяркое жемчужное сияние. Постепенно оно разгоралось, заполняя все вокруг. Потoki света, словно потоки воды, струились в пространстве, сливаясь и дробясь. Они обтекали руки и ноги Наташи. Казалось, их можно было потрогать.

В определенный момент свет стал нестерпимо ярким и оттого еще более прекрасным. Наташа на мгновение закрыла глаза, а когда открыла их вновь, не было ни жемчужного сияния, ни потоков света. Она сидела на ярко-зеленом лугу, поросшем травой, какая бывает только весной. Небо было нежно-голубого оттенка, по нему плыли белые, с легкой розовинкой плоские облака. Большое неяркое солнце опускалось за горизонт, точнее, в лес, что рос за лугом. Ароматы на лугу царили несказанные. Да и неудивительно – только рядом с собой Наташа насчитала больше двадцати видов цветов: желтых, синих, белых и красных, крупных и мелких, самых разных форм.

В густых кустах неподалеку девушка уловила движение.

– Что это такое? – забеспокоилась она, вскакивая на ноги. – А я в одном халате...

Зелень в последний раз всколыхнулась, и на поляну вышел огромных размеров, наверное, в два раза больше обычного, дымчатый кот. Он посмотрел на Наташу, облизнулся и глубоко и звучно мяукнул.

Побежденная, разбитая физически и морально команда Белоусова возвратилась на хозяйственный двор «Барса». Впечатлениями по дороге не делились – слишком необычно все было. Каждый переваривал увиденное молча. Косой, который догнал-таки своих, постанывал, держась за вывихнутую или сломанную руку.

– Пристрелить бы тебя, чтобы не мучился, – предложил Белоусов, в машине которого ехал Косой.

Громила тут же стих, только изредка скрежетал зубами.

Въехали во двор. Рядовые бандиты разбрелись по своим норам, а Белоусов помчался к Кравчуку – докладывать о происшедшем. Тот сидел за столом за второй бутылкой коньяка и был уже порядочно пьян. Рассудка главарь, однако же, не утратил.

– Наливай, закусывай, Семеныч, – предложил он заместителю. – Пустые вернулись? А друг наш где?

Не похоже было, что отсутствие добычи или Черного очень огорчило Кравчука. Более того, казалось, он чего-то подобного ожидал.

– Расскажу, – ответил Белоусов, жадно хватая бутылку. – Без ста грамм и не расскажешь. Я такого в жизни не видел!

– Верю, верю, – без энтузиазма согласился Владимир Петрович. – Я, Семеныч, еще не в то скоро поверю...

Время от времени повышая и понижая голос от возбуждения, заместитель Кравчука изложил историю, случившуюся с ними на квартире журналистки.

– И ты говоришь – растекся лужей по полу? – поинтересовался в конце рассказа Владимир Петрович, брезгливо сморщившись. – Дела... И огнем кидались?

– Который за нас, тот столб пламени выпустил в них. Я сначала думал, из огнемета, – пояснил Белоусов. – А потом другой, тот, что его замочил, стену из пламени между нами поставил. Так уже никаким огнеметом не сделаешь. Сразу видно – колдовство. И кричали они все время не по-русски.

– Да уж где им по-русски кричать, – хмыкнул Кравчук. – Не знаю я, Олег, что дальше делать... Мерзко мне с этими тварями паскудными дело иметь. Так бы и покрошил их всех. Жуть пробирает. А тот, что против нас, – как раз он-то Роме руку отсек. И умер Рома от потери крови. Это звери. Да нет, какие звери... Хуже зверей.

– Подумаешь, руку, – усмехнулся Семеныч. – Который с нами был, тот бы и живьем их спалил, если бы другой ему не помешал. Да и вообще, человек – хуже любого зверя.

– Точно. Только они совсем не люди. Так я думаю... Может, кинуть их, пока не поздно? Послать?

– Да ты что, Петрович! Ведь какие бабки вложены, – задохнулся начавший хмелеть Белоусов. – Прибыли на подходе. Можно и потерпеть!

– Что ты знаешь о прибылях? – хмыкнул директор «Барса». – Нет, сомневаюсь я! Одно дело – золото добывать, камушки драгоценные делать... Полезно и хорошо. Термоядерный синтез, высокие технологии. Ноу-хау, как говорил один мой товарищ-доцент. А другое – когда такая дьявольщина начинается...

– Да не все ли тебе равно, Петрович? Подумаешь, Костяна и Рому замочили. Тебя ведь никто под пули лезть не заставляет...

– Сам ты этих тварей не боишься, Семеныч? – поинтересовался Кравчук. – Страшные ведь твари. Сожрут и костей не выплюнут.

– Да мне без разницы, – ответил Белоусов. – Люди, звери, твари. Да хоть и нечистая сила – лишь бы за нас была, а не против. Косой рядом с Черным этим ехал – и ничего, живой. Даже не вякнул. А посмотрел бы ты, как он его об стенку шмякнул...

– Кто? Косой?

– Нет. Косого этот, что в черном. Хотя худой, как червяк дождевой. Как его звали, кстати?

– Кто его знает. Он вообще себя иначе как «мы» не называл... – Кравчук передернулся от отвращения.

Белоусов налил себе полный стакан коньяка, выпил, закусил лимоном, начал жевать бутерброд с колбасой.

– Как ты на них вышел, шеф? – спросил он.

В другой раз он, может быть, и не задал бы такой прямой вопрос, а Кравчук на него и не подумал бы ответить, но опасность и алкоголь сблизили мужчин, и директор «Барса» открыл дверцу сейфа.

– Как вышел – вопрос второй. Пришел представитель, предложил сотрудничество. Я его выставил за дверь сначала, а потом согласился – они мне задаток хороший дали. А вот как я с ним связываюсь – вот в чем фишка...

Белоусов с интересом заглянул в хозяйский сейф. Там стоял обычный пластмассовый телефон, шнур которого был оборван и лежал рядом с телефоном. Больше в сейфе ничего не было.

– И как? – спросил он.

– Вот, по телефону.

– Подключаешь куда?
– А куда. Трубку снимаю, и все.
– Рация? – спросил Белоусов.
– Не знаю. Сейф железный. Волны сквозь него не проходят. Не должна рация вроде бы работать.
– Чего только не придумают. Может, колдовство?
Кравчук только печально вздохнул.
– Сейчас сниму трубку и пошлю их куда подальше, – после некоторого молчания сообщил он.
– Да ты что, Петрович? Виданое ли дело? От золота, от такой силы отказаться... Да я бы на все пошел, чтобы с ними работать!
– Здесь пока я решаю, – мрачно заметил Кравчук.
– Пока, – вдруг изменившимся тоном сказал Белоусов, поднялся и ткнул своего директора согнутыми пальцами в горло.
Кравчук задохнулся и осел на пол. А Белоусов схватил трубку телефона и закричал в нее:
– Я присягаю вам на верность. Кравчук хотел вас предать. Я не предаю. Я на все согласен.
– Согласен? – сразу раздался из телефона жуткий голос, будто бы там давно ждали такого признания. – Хорошо, что согласен... Директора своего не убивай, подожди. Ты, видно, шустрый... Сейчас будем.

Ульфиус и Сергей вышли во двор. Было уже поздно, едва светил тонкий молодой месяц. Легкий ночной ветер приносил аромат травы с полей за городом. К нему примешивался городской запах бензина. Наташа жила на окраине, и чистого воздуха здесь было больше, чем в других районах.

Оглянувшись по сторонам, Ульфиус тихо свистнул, и через минуту к нему примчался статный вороной конь, под седлом и в богатой сбруе. Конь довольно пофыркивал и перебирал длинными сильными ногами.

– Ничего себе, – вздохнул Сергей. Вид коня больше всего убедил его в том, что Ульфиус – самый настоящий маг из самого настоящего неведомого Авенора.

– Это Гром, – объяснил магистр. – Надежный, верный конь.

Гром поднял голову и громко заржал, отзываясь на имя, приветствуя хозяина. Люди, стоявшие на балконах, с интересом смотрели на появившуюся во дворе лошадь. Впрочем, сильно никто не удивился. На лошадях ездили в городе казаки. Эта, наверное, тоже их. Или цыганская – судя по богатой сбруе. Ульфиус во дворе опять принял образ молодого парня в привычной для Земли одежде, и на него и Сергея совсем не обратили внимания.

– Будем выбираться за город, в поле или в лес, – сообщил магистр. – Вот только как? Не пешком же идти? Сергей пожал плечами.

– Ты поедешь, а я пойду, – предложил он.

– Нет, так не годится. И на коня тебя я взять не могу. Тяжело ему будет, да и вообще – необходимости крайней ведь нет...

– Понятно. Я ведь не девушка, – усмехнулся Сергей.

– Только если я буду верхом, а ты – пешком, мало мы сделаем. Прочность цепи равна прочности самого слабого звена, скорость процессии – скорости самого медленного ее составляющего...

– Машины у меня нет, – еще раз вздохнул Сергей. – Все собирался купить какую-нибудь развалюшку... С машиной было бы проще решить все проблемы. Грома отпустили бы пастись, а сами бы ездили, куда нужно. Кстати, куда нам нужно?

– Да базу этих подонков разгромить, – с простотой и обаянием, достойными самого неформального харизматического лидера, ответил магистр.

– Тех, что Наташу хотели похитить?

– Тех самых, – ответил Ульфиус. – Правда, они к нашему визиту теперь подготовятся. И меня уж точно ждать будут. Поэтому нужно будет проявить изворотливость. И мобильность.

– Что они замышляют, ты уже знаешь? – поинтересовался Сергей.

– Откуда же?

– Ну, магия и все такое прочее...

– Нет, пока еще не знаю, – не уловив легкой насмешки, ответил Ульфиус. – Но можешь мне поверить, что ничего хорошего. Они из другой плоскости пространства и просто так здесь не появились бы. Появились они для того, чтобы напакостить. А как напакостить, и кто они конкретно – вопрос второй. У зла достаточно прихвостней, и со многими из них мне приходилось встречаться. Надеюсь, справлюсь и на этот раз. Я так полагаю, Наташа увидела что-то, из-за чего они и встревожились. Значит, эту штуку нам и нужно уничтожить – независимо от того, что она собой представляет.

Ульфиус взял Грома за уздечку и направился к выезду из города.

– Остановимся где? – спросил Сергей.

– Да прямо в поле, – объявил магистр. – Тепло сейчас.

– Может, хоть палатку возьмем? У меня дома есть... – Сергей осекся.

– Вот именно! – заметил Ульфиус. – Домой тебе нельзя. Зачем нам лишняя драка? Так что пойдем налегке. Только пожевать что-нибудь нужно купить.

– Не проблема, – ответил Сергей. Деньги у него были.

Остановились у работающего круглосуточно киоска.

– Что будем брать? – спросил Лунин.

– Я со здешней едой мало знаком, – равнодушно ответил магистр. – Бери на свой вкус. Напитков и поест. Конфет можно, что у Наташи были.

Сергей усмехнулся – хоть конфетами они пришельца из далекого Авенора удивили.

По тому, как разворачивались события, выходило, что деньги, возможно, скоро станут не нужны, поэтому Сергей решил не экономить. Взял красного вина, большую бутылку «Фанты» и пару бутылок минеральной воды, набрал печенья, сырков, копченой колбасы и специально для Ульфиуса коробку конфет.

– На пикник собрались, ребята? – по-свойски улыбнулась им продавщица.

– В гости, – сурово ответил Сергей. – За девчонками заедем – и в лес.

– А, за девчонками... Ну-ну, – усмехнулась продавщица. Улыбка ее ясно показывала, что в девчонок она не верит. – Водочки вам предложить?

– Взять чего-нибудь крепкого? – спросил Сергей спутника.

Ульфиус пожал плечами.

– Тогда не будем. Лучше на еду оставим.

Лунин был противником выпивки, а вина взял только потому, что магистр Ульфиус, как ему показалось, «Фантой» запивать еду не станет. Почему он так решил, Сергей и сам не знал.

Авенорец тем временем с интересом изучал цены в киоске, но соображениями своими с Сергеем не поделился. Сергей вручил ему пакеты, и он навьючил их на коня. Продавщица с интересом наблюдала за происходящим.

Магистр взял коня за уздечку, и странная пара побрела прочь от города, в непроглядную темь, изредка разрезаемую фарами одиноких машин. В небе ярко сияли звезды.

– Девчонки, – хмыкнула продавщица им вслед. Впрочем, уже через пять минут она забыла о своих недавних покупателях, погрузившись в чтение дамского романа.

– А что, обязательно нужно их базу громить? – спросил Сергей, который, вообще говоря, был юноша интеллигентный и дрался всегда только по необходимости и на соревнованиях. – Может, лучше Наташу выручим да в милицию заявим? Компетентные органы на то и существуют, они разбираться должны.

– В органах разные люди работают, – сообщил Ульфиус, широко шагая по правой стороне дороги. Гром шел ближе к обочине, гордо вскинув голову. – Я вижу, ты не полностью поверил в необходимость нашего предприятия. Но нам нужно обязательно остановить этих нелюдей. Иначе свершится много бед. Даже война может начаться. Ты мне поверь, я знаю.

– Так уж и война? – недоверчиво спросил Сергей.

– Если не хуже.

– Здесь мы их базу разгромим, а они в другом месте появятся...

– Не появятся. Вернее, появятся, конечно, но не эти и не с такими замыслами. Не так, знаешь ли, просто тропинки по плоскостям торить... Вот мне, на что я путешествовать люблю, и то старым ходом пришлось воспользоваться. На бывший церковный двор он ведет. А Темным – тем гораздо труднее щели в ткани мироздания искать и сквозь них просачиваться, как тараканам или тле... К тому же я щели постараюсь заткнуть, если доберусь до них. Но не все же мне делать? Да и на Земле нужно вопросы решить, прежде чем глобальными проблемами заниматься.

– Вы, значит, по трещинам путешествуете? – осведомился Лунин.

Ульфиус нахмурился.

– Темные – по трещинам. Мне трещины только помеха. Я по мирам шагаю вольно...

– Выходит, магия разная есть? – уточнил Сергей.

– Конечно, – улыбнулся Ульфиус. – Истинной магией Слова дозволено пользоваться, изменяя мир, только «белым» магам. Они должны чувствовать мир, и если изменять – то во благо. А Черным доступны только механистические, разлагающие, мерзкие заклинания. Вещи и явления – это слова или идеи. Нужно вникнуть в смысл слов, понять их суть, назначение и предназначение, путь, по которому они движутся, логику их развития – и тогда ты сможешь изменять мир силой слова, вольно бродить по плоскостям и даже выходить за их пределы. Но некоторые коверкают слова, заглушают их, пытаются исказить истинное значение. Это и есть черная магия, магия отпавших.

– Значит, у нас в самом деле были маги? – спросил Сергей. – Волшебники – не сказка?

– Моисей запретил магию, – отозвался спустя некоторое время Ульфиус. – Запретил потому, что в мире появилось много черной магии – проще заглушить слово, нежели вникнуть в его смысл и изменить. Воздействуя на мир, нужно или поступать правильно, или вообще никак. Некоторые отшельники времен «Круглого стола» магию все же практиковали. Знаменитый Мерлин, к примеру. После раскола «Круглого стола» дела пошли хуже. Это было одно из самых мощных поражений Светлых сил на Земле. Темным, собравшим для этого все силы, удалось не только рассеять рыцарей, но и очернить их после смерти. Представить чужаками. Расцвели темные культы, множились ведьмы и нежить. Но с ними люди боролись праведной жизнью и надеянием. Сейчас вы вышли на новый виток...

– Любопытно, – согласился Сергей, которого рассказ Ульфиуса заинтересовал. Не очень он, правда, ему поверил. Что же, сейчас следует ожидать продолжения истории, начавшейся при короле Артуре? Заманчиво, но такое только в сказках бывает. Поэтому молодой человек постарался настроиться на деловой лад. – Только без транспорта нам – никуда. Нужна машина. Хотя бы угнать у кого.

– Ох уж эти машины, – в очередной раз вздохнул Ульфиус. – Нет у меня к ним доверия. Но ведь у вас все на машинах ездят! А сколько она, скажем, стоит?

Сергей улыбнулся.

– Новая, хорошая, но обычной, не очень престижной модели – тысяч двести рублей. Старую и за тридцать тысяч взять можно. Правда, рынок работает только в субботу и воскресенье. А ты что, купить собираешься?

– Я в рублях не очень хорошо понимаю, – проигнорировав последний вопрос, заявил Ульфиус. – Пытался разобраться в ценах, когда ты еду покупал, но не очень хорошо получилось. На золото сколько будет? У вас ведь золото ценится?

– Ну, если по цене лома, а не ювелирного... – замялся Сергей. – Ты же продавать будешь. Двести рублей грамм, тысяча пять граммов... Килограмм получается! Ни много ни мало! Но ты ведь, наверное, не знаешь, сколько это – килограмм?

– Нет, почему же, – возразил Ульфиус. – Я изучил метрическую систему мер. Килограмм золота – не так много, хотя дороговато даже для хорошего коня...

– Можно продать пару сапфиров из твоего ожерелья, – предложил Лунин. – По-моему, они очень дорого стоят.

Магистр мрачно посмотрел на молодого человека.

– Стоят они действительно дорого, – сообщил он. – Но за деньги не продаются. Впрочем, когда-нибудь я расскажу тебе о сапфировом ожерелье. А машину мы, наверное, покупать все же не будем. Лучше сделаем.

– Сделаем? – переспросил Сергей.

– Я сделаю. Но чуть позже, мне надо отдохнуть. Тут неподалеку лесополоса, если не ошибаюсь. В ней и остановимся. Думаю, нас не станут искать так близко. А если и найдут – тем хуже для них...

Огромный кот подошел к Наташе и потерял о ее колени. С его размерами это было совсем не трудно. При этом он несколько раз проникновенно мурлыкнул.

– Что ты хочешь, мой хороший? – спросила Наташа. Кошек она любила, но огромный кот ее немного испугал. Размером со среднюю собаку, с прекрасно развитыми, играющими под шкурой мышцами. Несмотря на добродушный вид, он все-таки был хищником, который, правда, пока вел себя миролюбиво.

Кот, убедившись в дружелюбии девушки, звонко мяукнул, и на поляну со всех сторон начали выбегать кошки. Они выходили из кустов, бежали со стороны леса, вылезали из густой травы, где прятались до этого...

Кошки были самых разных расцветок: белые, черные, рыжие, серые, в пятнах, трехцветные, с причудливыми рисунками на шкурках. А размеры... Тот кот, который подошел первым, был самым большим. Маленькие котята, размером чуть больше кулачка ребенка, тоже прыгали вокруг Наташи. Были здесь и кошки привычного роста, и покрупнее, и помельче. И весь зверинец мяукал, радовался, играл рядом с девушкой, терся о ее ноги и всячески проявлял расположение и дружелюбие.

Когда Наташа уже совсем было растерялась, со стороны леса на полянку вышла маленькая чистенькая старушка в белом платочке, которая строго сказала:

– Ишь, расшалились! Уж я вам покажу! Ну-ка, быстро по домам!

При этих словах некоторые кошки бросились врассыпную, а другие, напротив, стали резвиться еще пуще, прячась в траве и неожиданно выпрыгивая на открытые места.

Старушка неспешно приковыляла к Наташе.

– Что, милая? Напугалась? Не помешали тебе кошечки мои? – спросила она.

– Нет, конечно нет, – ответила девушка, напряженно улыбаясь. – Что же, они все ваши?

– Все до одной, – подтвердила старушка. – Хочешь, я тебе котеночка подарю? Только если ты с ним ласкова будешь!

– Да я и не знаю, – усомнилась Наташа. – Я сюда попала сама не знаю как. И возвращаться, наверное, надо...

– Вестимо, надо. Только сюда все попадают неведомо как, – ничуть не удивилась старушка. – На то я здесь и живу. Пойдем ко мне. Накормлю, напою, спать уложу. Да еще и погадаю. А утром смекнешь, что тебе дальше делать.

Улыбаясь проделкам кошек, которые продолжали резвиться, но ни к хозяйке своей, ни к ней самой не прикасались, Наташа пошла за старушкой.

Идти пришлось долго. По едва заметной тропке дошли до леса. Потом, под сенью могучих, в три обхвата, деревьев извилистой тропкой долго пробирались в самую глухую чащобу.

Под огромным орехом на берегу спокойного темного ручья стояла чистенькая бревенчатая избушка. Со стороны тропинки было в ней всего одно окно и дверь. Порожек перед дверью – низкий, замшелый. Над крытой камышом крышей – маленькая труба.

Старушка отворила дверь, вошла сама, будто проверяя, кто есть в доме, поманила Наташу. Внутри избушка тоже была чистенькой. Большой деревянный буфет с банками и склянками, под потолком – пучки трав. В углу – несколько бочек, у стен – два сундука. Посреди комнаты – круглый неполированный стол. Вся мебель, похоже, была из липы – светлая, радующая глаз.

– Садись, милая, – предложила старушка, пододвигая Наташе стул. – Проголодалась небось?

Наташа кивнула. Есть хотелось, зачем скрывать? Попала неизвестно куда, когда еще предложат – неизвестно.

Бабушка подкинула в печку несколько поленьев, и огонь занялся как бы сам собой. Наверное, в печке тлели угли еще с прошлой растопки.

– Скоро и ужин поспеет, – сообщила старушка. – Ты пока умойся, а то и выкупайся.

– Где? – поинтересовалась избалованная городскими удобствами Наташа, ожидая, видимо, что за потайной дверью откроется ванная комната с умывальником и душем.

– Известное дело – на речке, – улыбнулась бабуля. – Там и сходни есть, чуть дальше от избушки. Купайся вволю, пока не стемнело. Кошки за тобой подглядывать не будут – я их от того места отвадила. А то вишь ты, какая грязная! Личико нежное, ножки гладкие, а все в пыли.

Наташа улыбнулась и непроизвольно попыталась натянуть короткий халат на колени. Принять ванну она действительно не успела, а теперь неизвестно, получится ли искупаться в ближайшее время.

– Мыло есть, бабушка? – спросила она.

– Зачем тебе мыло? – удивилась хозяйка. – Там берег глинистый, и глина для купания очень подходит. Специально в том месте сходни сделаны.

Наташа пошла на речку, нашла почерневшие деревянные сходни, разделась и опустилась по ним в воду. Вода была теплой, ароматной, пахнувшей лесными травами и, совсем немного, тиной. Дно реки выложено большими плоскими камнями. Длинные тени легли на воду, и на другой речке в такое время, может быть, даже было бы страшновато. Но здесь Наташа ощущала себя покойно и уютно.

Глина, нашедшаяся около берега, действительно мыла, как лучшие косметические средства. Может быть, оттого, что вода в реке была мягкой. Девушка даже вымыла голову, хотя прежде ей казалось, что без шампуня в таком деле никак не обойтись. Чистая и свежая вернулась Наташа в избушку. Хозяйка зажгла высокие желтые свечи. На столе уже стояли большой кувшин молока, пышные белые булки, кувшинчик с медом, порезанный ломтями сыр на коричневой глиняной тарелке.

– Чем богаты, тем и рады, – улыбнулась старушка. – Вина не хочешь?

– Нет, спасибо, – смутилась Наташа.

– Хорошо. Молодежь нынче какая – такие девушки пошли, что даже и водку пьют. – Старушка неодобрительно поджала губы. – И штаны носят, совсем как парни. А у тебя – платьишко хоть и куцее, но все ж приличной девушке подобающее...

Наташа скромно потупилась. Водку случалось пить и ей – не каждый день, конечно, но и не слишком редко... То-то поругала бы ее старушка. А халата своего домашнего она вдруг застеснялась, хотя халат был красивый, шелковый, расписанный большими голубыми цветами.

– Как же звать вас, бабушка? – обратилась Наташа к хозяйке. – Я – Наташа Соловьева. Так растерялась сначала, что и представиться забыла.

– Да что ж ты думаешь, я не знаю, кто ты, откуда? – улыбнулась бабушка, и лучистые морщинки побежали от уголков ее глаз. – Я ведь ведунья. Многие меня так и называют. А ты зови бабушкой. Мне это по душе. Ты кушай, милая, кушай...

Наташа принялась за угощение.

Белоусов стоял над хрипящим Кравчуком, решая, стоит ли ему слушаться своих новых хозяев или сейчас как раз тот случай, когда командой можно пренебречь. Наверное, все же лучше подождать. А уж эти твари – Белоусов почти не сомневался в том, что они не люди, – сами решат, что делать с его прежним директором.

На этот раз посетитель не вошел в приемную. Ему было недосуг тратить время на такие мелочи, как соблюдение приличий перед людьми. Он материализовался из воздуха рядом со столом Кравчука, перед большим черным шкафом с документами. Дернулся, крикнул, зашипел, поспешно огляделся. Пришелец оказался низеньким толстым альбиносом в черной хламиде. Как и положено альбиносу, волосы у него были абсолютно белые, кожа – бело-розовая, а глаза сияли алым огнем.

– Что ж, удовлетворены тебя видеть, Олег Семенович, – обратился он к Белоусову. – Наконец по-настоящему решительный человек. Начальничек твой хлюпиком был, хотя людей на тот свет спровадил немало. Одно другому не мешает. Самые массовые убийцы были жуткими трусами... А Кравчук и на размах не претендует – мелкий пакостник. Хочешь, наверное, крови его выпить?

– Хочу, – ответил Белоусов, полагая, что ответ такой пришельцу понравится. Ведь он явно с нечистой силой знается или сам к ней принадлежит. На самом деле никаких подобных желаний он не испытывал. Да, пристукнуть бывшего босса – нужно. Для надежности, для удовольствия. Но кровь пить зачем? И в прямом, и в переносном смысле...

– Нет, не хочешь, – глядя острыми красными глазками в лицо Белоусову, заявил пришелец. – Ну да ладно. Хорошо, хоть не удавил, как Серого...

Белоусов молча склонил голову.

– Работать будешь на нас, – объявило существо, шумно втянув воздух. – Проект продолжается. Деньги и силы нам нужны. Машину стройте. Денег еще дадим. Ты становишься исполняющим обязанности директора. Мы так и будем называть тебя. И. О. Или, еще лучше, Ио.² Хорошее имя, из вашей мифологии.

Альбинос подавился тихим смешком и хохотал, давась, с полминуты.

– Сам будешь иметь все, что хочешь. Только попроси. Связь держать по трубке, что в сейфе. Всем скажешь, что Кравчук заболел. С ума сошел. Бывает, при его-то работе. Хорошо, что не убили его. Всегда можно предъявить.

Владимир Петрович, который уже более-менее пришел в себя, злобно сверкнул глазами на бывшего зама, но ничего не сказал.

– Так ведь он расскажет всем, что нормальный. И психиатры подтвердят, – предположил Белоусов. – Как его предъявишь?

– Он пока нормальный, – вновь заливисто-тонко захохотал альбинос. – Ты ему не завидуй, Семеныч. Так он тебя любил называть? Не нравилось тебе... Старше ведь его на пятнадцать лет... А он – все Семеныч да Семеныч... Без имени, издевательски... Не спеши его убивать! Его ожидает кое-что похуже смерти. И скоро, через несколько дней, или недель, или месяцев, мы его тебе вернем. В целости и сохранности.

– Пропади вы пропадом, мразь! – прохрипел Кравчук, прислушивавшийся к разговору.

² Ио – возлюбленная Зевса, которую он, скрывая от преследований своей ревливой жены Геры, превратил в корову.

– Пропадем, – гадко улыбнулся альбинос. – Вернее, ты пропадешь. И не пропадом, а совсем. Без остатка.

– Бог мне поможет, – заявил Владимир Петрович, корчась на полу. Непонятно было, откуда у него взялась такая уверенность.

Альбинос едва заметно вздрогнул.

– Никто тебе не поможет, убийца, – злобно прошипел он. – Ты в нашей власти. И договор подписывал. Силы на тебя жаль тратить, да нужен нам еще.

– Может, в расход его пустим? – кровожадно спросил Белоусов.

Пришелец внимательно посмотрел на предполагаемого директора «Барса».

– Запомни: советы нам давать не нужно, – сообщил он.

В голове Белоусова после этих слов будто что-то взорвалось. Боль была страшная. Потом она стала утихать, переходя в ноющую.

Альбинос подошел к Кравчуку, который скрючился на полу, – видимо, головная боль мучила и бывшего директора «Барса». Он обыскал его карманы. Выложил на стол деньги, ключи, документы, коробку спичек, сигареты, вытащил из кобуры пистолет.

Потом оценивающе поглядел на Владимира Петровича, промычал что-то себе под нос и громко объявил:

– Аба суфл абырг джахн!

От этих слов у Белоусова прошел мороз по коже, и не только от страха – в комнате значительно похолодало. А Кравчук вдруг засветился призрачным светом и растаял в воздухе. Вместе с ним исчез и альбинос. Прощаться он не считал нужным.

– Еще немного, и я привыкну. Но какая сила! – воскликнул Белоусов восхищенно.

Он сел за стол бывшего начальника, (этот стол он считал теперь своим), достал из ящика папку с надписью «Проект Ф» и углубился в чтение. Проект нужно было продолжать, а знал он о нем мало.

Магистр Ульфиус нашел на краю лесополосы рядом с полянкой, где они с Сергеем художно переночевали под открытым небом, ржавый остов грузовика и очень ему обрадовался. Хотя радоваться, вообще говоря, было нечему. Останки машины лежали здесь по меньшей мере лет пять, вросли в землю и вряд ли годились даже на металлолом.

– Вот из него мы и сделаем почти настоящий автомобиль, – немного по-детски улыбаясь, сообщил он Сергею. – Только лучше.

Лунин оглядел ржавые останки «ЗИЛа» и с сомнением покачал головой.

– Из такого хлама даже тележку путную не сделаешь. При всех твоих способностях, сэр Ульфиус.

– Плохого же ты мнения о моих способностях, – обиделся магистр. – Из ничего сделать автомобиль было бы довольно трудно. Из земли – тоже проблема. А из металла – проще простого. Нужен только образец.

Сергей усмехнулся:

– Сейчас такие «ЗИЛы», наверное, уже и не выпускают...

– Мне нужен вовсе не «ЗИЛ». Я хочу сделать хорошую машину. Мне кажется, нужно создать, как здесь выражаются, «престижный» автомобиль. Дорогая машина подчеркивает статус его владельца?

– Подчеркивает, – ответил Сергей.

В то, что Ульфиус может становиться невидимым и изменять свою внешность, Лунин поверил, хотя это было нелегко. Ведь это все – из сказок, а в сказки мы все верили. Но в то, что из груды ржавого железа магистр может построить автомобиль, практичный ум аспиранта-физика верить отказывался. Автомобиль – достижение техники, а не какое-то там колдовство.

Скорее для того, чтобы Ульфиус почувствовал свою несостоятельность, Сергей начал рассказывать:

– Престижная машина – «мерседес». Мощность – несколько сотен лошадиных сил, максимальная скорость – около трехсот километров в час. Но я «мерседесы» не люблю, в них пижоны ездят. Да и форма не нравится. Мне нравится «БМВ», только она считается машиной бандитской. Очень приятная машина «лексус» – ее «Тойота» производит, если я не ошибаюсь. У нас во дворе такая стояла, один бизнесмен купил тысяч за тридцать...

– Позволь, ты же говорил, хорошая машина стоит сто тысяч? – переспросил Ульфиус.

– Так не рублей же. Долларов, – пояснил Лунин. – В тридцать раз больше. Я бы, если бы была возможность, ездил на «феррари». Но у меня такой возможности нет.

– «Феррари» – баловство, – заявил магистр. Неизвестно, откуда он вдруг узнал о качестве и характеристиках «феррари». – А на хорошей машине ты поездишь. Но не на «феррари». Слишком ярко. «Лексус» – в самый раз. Пойдем на трассу, покажешь мне его вблизи.

Неподалеку от лесополосы, где товарищи провели ночь, проходила трасса на Москву. Сохраняя скептический вид, Сергей поплелся за бодро шагающим Ульфиусом.

Машины по трассе мчались одна за другой. В основном – «Жигули» и «Волги», «Газели» и «КамАЗы».

– Где ты тут встретишь «лексус»... – вздохнул Сергей. – Они по городу в основном ездят. Хозяева друг перед другом рисуются и на «пиплов» сверху вниз поглядывают. На трассе – рабочие лошадки. Может, ограничимся «Жигулями»? «Десятка», к примеру. Неплохой автомобиль...

– Значительные люди на «десятках» ездят? – поинтересовался Ульфиус.

– Всякое бывает. Но больше, конечно, на иномарках. Пытались на «Волги» государственных людей пересадить, да не вышло. Отвык чиновный народ от «Волг». А уж на «Жигулях» и в прежнее время особо деловые не ездили. Не тот класс...

– Тогда будем искать иномарку. Тем более мне и форма «десятки» не очень нравится, – неожиданно запривередничал Ульфиус.

Тут в ста метрах, рядом с импровизированным придорожным рынком, где бабули продавали дальнобойщикам пирожки и малосольные огурцы, со встречной полосы резво пересек сплошную линию и остановился новенький, слегка запыленный серебристый «лексус» с московскими номерами.

– Колдовство? – спросил Сергей.

– Вовсе нет, – ответил Ульфиус. – Это он и есть?

– «Лексус», – подтвердил Лунин. – Можешь изучать.

– Снаружи я его хорошо рассмотрел. Красивая машина. Мне бы внутри посидеть...

– Кто же тебя пустит?

– А если попросить?

Ульфиус решительно направился к автомобилю, хозяин которого, полный молодой человек, вышел и шумно торговался с бабками, продающими огурцы. Сергею не очень верилось, что Ульфиуса просто так пустят посидеть в машине, которая стоит тридцать тысяч долларов.

– Можешь сделать так – я покажу ему удостоверение, а он подумает, что я гаишник? – догоняя товарища, поинтересовался Сергей.

– Очень просто, – ответил Ульфиус. – А зачем?

– Он, гад, правила движения нарушил, – ответил Сергей. – С него штраф причитается. И в машину заодно сядем.

– Хорошо, – быстро согласился магистр. Идея проникнуть в автомобиль его вдохновила.

– Я разговор начинаю и все остальное делаю. Ты молчи – только в машину сядешь и посмотришь.

Сергей встал рядом с «лексусом» и оперся о капот, разглядывая хозяина. Тот уже купил огурцы и, помахивая пакетиком, подошел к двум странного вида молодцам, отирающимся около его автомобиля.

– Проблемы, ребята? – не слишком дружелюбно спросил он.

– Вроде того, – нахмутив брови, ответил Сергей. – Майор Кривоконь. Предъявите ваши документы.

Владелец «лексуса» мельком взглянул на протянутое Сергеем аспирантское удостоверение, которое должно было сойти за милицмейское. Он небрежно достал из нагрудного кармана красную книжечку и заявил:

– Капитан Иваненко, коллега. Все нормально?

– Не совсем, – усмехнулся Сергей. – Управление собственной безопасности. Так что есть тема для разговора.

– Сядем в машину, – изменившимся тоном, словно дорогим друзьям, предложил Иваненко.

Товарищи только и дожидались приглашения. Сергей сел сзади, Ульфиус – на переднее сиденье.

– Может, поговорим наедине? – спросил поскучевший владелец «лексуса» – то ли капитан, то ли выдающий себя за капитана. – Помощник пусть на трассе пока работает...

– Поговорим, – согласился Сергей. – Коллега проверил, все ли в порядке. Вдруг тут у тебя мальчишки с пушками сидят? Стекла сильно тонировать не надо – непонятно, где представители органов правопорядка, а где бандиты... Осмотрелся, Устин? Оставь нас одних.

Ульфиус тем временем с интересом оглядел салон автомобиля, присмотрелся к рычагам, потрогал пальцем обивку, пощупал сиденья, даже принюхался. Потом молча кивнул и толкнул дверь, но выйти не получилось. Хозяин автомобиля предупредительно потянул за рычаг и открыл дверцу.

– Странный у вас напарник, – обратился он к Лунину.

– Да, бывает, находит. Особенно на заданиях, – согласился Сергей. – Но деловой. Наркотики по запаху чует. И без оружия может бандиту горло перегрызть. Ушуист. Не страннее многих.

– Итак, к делу, – предложил предполагаемый капитан, не слишком заинтересовавшись талантами молодого стража порядка. – Сколько?

– Двести, – ответил Сергей.

– За двести меня наш начальник отмажет. Сто, – предложил Иваненко. – Твердый тариф...

– Ладно, – согласился Сергей. – Как коллеги, торговаться не будем. – Он предполагал, что сто – мало, но спорить не стал.

Иваненко достал из барсетки бумажник, извлек из него две купюры по пятьдесят долларов и сунул их в нагрудный карман Лунина. Тот едва не утратил невозмутимое выражение лица – он ведь имел в виду рубли!

– Квитанция не нужна? Счастливого пути, – от души пожелал владельцу «лексуса» Сергей, выходя из автомобиля.

– И вам того же, – не слишком радостно ответил тот. Взвизгнув шинами, «лексус» тронулся с места и рванул в сторону города.

– Мы заработали сто долларов, – глуповато улыбаясь, сообщил товарищу Сергей. – Может, постоим еще? К концу дня купим нормальную машину, и делать ничего не придется...

– Нет, пойдем к нашему «ЗИЛу», – сказал Ульфиус. – Меня посетили плодотворные идеи.

После сытной еды Наташе стало совсем уютно и спокойно. Она облокотилась на стол и чуть не заснула, но приютившая ее бабушка ласково сказала:

– Подожди спать. Еще успеешь. Мне погадать тебе нужно.

– Зачем, бабушка? И не верю я в гадания, – сонно улыбнулась Наташа.

– Когда на картах гадают – это, конечно, баловство, – согласилась старушка. – А вот на кофейной гуще – другое дело. Или, скажем, с зеркалом. Да и я не гадалка какая-нибудь, а ведунья. Ты меня слушай.

Наташа кивнула.

– Скоро ты отсюда уйдешь, – сообщила бабушка. – Понравилось тебе, да оно и понятно – здесь ведь мир твоих грез, место, где тепло и уютно. И вернуться сюда тебе долго не удастся. Не до того будет, да и места гораздо лучшие ты увидишь. Здесь ты уже почти прозрачная, и кошки мои тают... Потому что ждет тебя дальняя дорога, встреча с суженым да богатство в придачу. Только не нужно тебе никакого богатства...

– Подождите, бабушка, – восторженно сказала Наташа. – Как это – я прозрачная? По-моему, это вы таете...

Действительно, девушка вдруг стала замечать, что через старушку просвечивается шкаф, а через стены избушки – темный лес. Но было совсем не страшно, а только интересно.

– Ты таеть, я таю – какая разница? Мы в разные стороны идем. По-ученому сказать не могу, да только ты далеко отсюда скоро будешь. Волшебство на тебе сильное лежит. Но волшебство тебе не повредит. А все, что с тобой здесь случилось, – и наяву, и во сне.

– Поела я тоже во сне? – спросила Наташа. Обидно будет проснуться голодной!

– И поела ты во сне, только силы подкрепила больше, чем наяву. Потому что все мы спим и видим сны. Некоторые – свои, некоторые – чужие...

Наташа тихонько вздохнула, думая, где бы прилечь.

– Ты помни одно: слабому всегда помоги, сильного не бойся, мудрого уважай, желай поменьше, получишь побольше. Все у тебя будет хорошо, только суженому твоему большая опасность грозит. Но ты ему помочь можешь...

– Кто он, суженый мой? – задала Наташа главный вопрос, на который, по ее мнению, и должна была ответить настоящая гадалка. Сергей ей, конечно, нравился, но назвать его так торжественно: суженый – она бы не решилась.

– Если ты того не знаешь, откуда мне знать? – улыбнулась старушка. – А сейчас спи, спи и спи...

Наташе стало совсем сладко, и она заснула, как сидела, на стуле.

Ландшафт вокруг был серым, свет с неба лился темно-багровый, тоже отдававший серым. Владимир Петрович Кравчук стоял на четвереньках, уткнувшись лицом в подобие грязно-бурого мха. Шея у него болела. Болела и голова, но уже значительно меньше.

«Жив, – пронеслась мысль в голове Кравчука. – Куда же я залетел? Уж больно паршивое место».

Место и впрямь было дрянным. Неподалеку вздымались к небу крутые глинистые кособоры. Нечего и говорить, что глина была черно-серого цвета. Однако сразу становилось ясно – глина, а не земля. На ней не росло ни травинки, и лежала она не комочками, не бугорками, а большими жирными пластами.

Вдали, по другую сторону большого глиняного кособора виднелись красновато-коричневые скалы. Вода здесь была повсюду, но в лужах, выглядевших очень и очень грязными. А Кравчуку сильно хотелось пить.

Владимир Петрович поднялся, огляделся и побрел к одной из луж. Там он зачерпнул воды и понюхал. Вода пахла затхлым. На вкус она оказалась неприятной, но Кравчук сделал несколько глотков. Стало немного легче.

Кравчук решил искать человеческое жилье. Почему-то он был уверен, что жилье здесь должно быть, так же как и люди. Он побрел по направлению к откосу, оскальзываясь и время

от времени падая. Дул прохладный ветер. Пиджак исчез, а в рубашке ветер пронизывал до костей. Пистолетная кобура, болтавшаяся на поясе, оказалась пустой.

Подойдя к высокому глиняному откосу, Владимир Петрович окинул его оценивающим взглядом. Залезть на него можно, но придется хорошо потрудиться. Всеми силами стараясь не поскользнуться, кое-где выбивая ногой в податливой глине ступеньки, Кравчук полез вверх. Через пять минут он с головы до ног был в серо-коричневой грязи. В туфлях чавкало.

Еще через пять минут бывший директор «Барса» понял, что, если он сорвется вниз, ему придется несладко. Он стал прижиматься к крутому откосу плотнее. Мокрая глина неприятно холодила.

«Может быть, все это мне привиделось? – пришла вдруг к Кравчуку трезвая мысль. – Почему здесь так холодно? Может, я лежу на операционном столе и мне снятся кошмары? Зачем я вообще вздумал лезть на откос? И как я сюда попал?»

Но нет, мрачный ландшафт вокруг выглядел более чем реально. Кравчук сделал попытку проснуться, но у него не получилось. Тогда директор «Барса» снова полез вверх.

Минут через двадцать Владимир Петрович оказался на вершине откоса. Его усилия были вознаграждены. Рядом с обрывом проходила то ли утоптанная дорога, то ли просто расчищенная бульдозером полоса. Значит, люди здесь все-таки бывали. Жаль, что нет с собой пистолета и денег. Впрочем, это не главное. Были бы люди, а уж выпутаться он сумеет.

Тем временем небо стремительно темнело. На холм, куда он влез, опустилось что-то вроде бурого тумана. Внизу ничего разглядеть было нельзя.

– Может быть, здесь рядом большой город и это смог? – предположил Кравчук. – Все вокруг похоже на большую свалку. Поэтому здесь так мерзко и гнусно.

Будто в подтверждение своей догадки Владимир Петрович наткнулся на сплюсненную керосиновую лампу. Поодаль валялся драный резиновый сапог, еще дальше – обломки заржавелой металлической кровати.

– Отсюда я выберусь, – уже весело решил Кравчук. – Только почему так темно? И отчего здесь такое странное небо? Куда я попал?

Откуда-то издалека, с дальнего края холма донеслось тяжелое пыхтение. Оно сопровождалось громким топотом и чавканьем – кто-то шлепал по грязи. Услышав эти звуки, Владимир Петрович побледнел, волосы на голове зашевелились. По его мнению, так мог бежать слон, но какие здесь могут быть слоны? Ясно же – не Африка и не Индия.

Стараясь подыскать надежное место, Кравчук начал двигаться быстрее. Что бы ни преследовало его сзади, лучше было от него укрыться. Обогнув кучу мелких камней, странно развороченную, Кравчук оказался перед высохшей лужей. Глина образовала здесь гладкую площадку. Посреди площадки виднелся отпечаток трехпалой птичьей ноги с глубоко вдавленным задним когтем. Отпечаток был величиной с распластавшегося на земле человека. Следующий отпечаток был едва виден в тумане.

Увидев след, чувствуя топот за спиной, Кравчук покрылся холодным потом и пронзительно закричал, хотя делать этого никак не следовало.

Ульфиус стоял около покореженного остова «ЗИЛа» минуты три, сосредоточенно вглядываясь в бранные и, похоже, совершенно бесполезные останки грузовика. Сергей с легкой усмешкой наблюдал за магистром. Он вполне допускал, что маг может придать этим остаткам форму «лексуса», используя внушение, гипноз, телекинез, наконец... Но чтобы такой «лексус» еще и ездил... Тут никакая магия не поможет. Один только двигатель состоит из тысяч деталей, которые ни белая, ни черная магия не воспроизведет...

После словно бы бездумного разглядывания ржавой груды металла Ульфиус сосредоточился и поднял руки. Над остатками автомобиля появился туман, который стучался все сильнее и сильнее, скрывая груды обломков. Пару раз в клубившемся сером облаке вспыхнули

небольшие голубые молнии, при виде которых магистр морщился. Потом туман как бы затвердел и начал таять. Из него показалось сначала серебристое крыло новенькой машины, потом прозрачное лобовое стекло, блестящий бампер, черное чистое колесо. Минута – и сверкающий под утренним солнцем «лексус» с московскими номерами стоял на обочине лесополосы.

Сергей в очередной раз за последние два дня оторопел и не мог вымолвить ни слова. На негнувшихся ногах он подошел к машине, потрогал ее, открыл дверцу и заглянул в салон.

Внутри машина выглядела так же великолепно, как и снаружи. И пахло здесь кожей, металлом и автомобильным освежителем воздуха – совсем как в той машине, в которую они с Ульфиусом влезли на пять минут.

– Как же так... – голос молодого человека на миг прервался, – получилось?

Ульфиус преувеличенно скромно потупился.

– Недаром ведь я магистр... Даже для меня это было довольно сложно. Но, как видишь, отнюдь не невозможно.

Сергей восторженно оглядывал «лексус».

– Ух ты, и автоматическая коробка передач, – заметил он.

– Все как в той машине, – с притворным равнодушием подтвердил Ульфиус.

– Да, – восхищенно вздохнул Сергей. – Есть чему учиться... Так и самому захочется стать магом... или знатоком Слова, как ты выражаешься... Ты ведь магистр, Ульфиус. Что это значит? У вас разные ранги, что ли, есть?

Ульфиус прогуливался вокруг машины, разминая руки и ноги. Похоже, состояние транса, в котором он только что был, его утомило.

– Вообще говоря, да, – с некоторой неохотой ответил он. Авенорец не хотел, чтобы Сергей заподозрил, будто он хвастается, а его положение в магической иерархии было весьма высоким. – В Ордене есть разные ступени. Сначала идет младший ученик, послушник. Потом – взыскующий. За ним – знающий. После – опытный. Это все – ученические звания. За ними следует Практикующий Мастер. У мастеров несколько рангов. Дальше идут ученые. Еще несколько ступеней, и мы видим магистра. Выше него по умению – Великий магистр. На самой же высокой ступеньке стоит Совершенный. Чтобы стать Совершенным, нужно иметь недюжинный талант и учиться по меньшей мере сто лет. Был один такой случай, когда Дархан Двенадцатый стал Совершенным за сто два года. Я имею в виду авенорские годы. Правда, он очень быстро ушел в иные сферы, и чем занимается сейчас – никому не ведомо.

– А что может Великий магистр, чего не можешь ты? – простодушно спросил Сергей.

Ульфиус немного нахмурился, но решил, видимо, что обижаться не стоит, и просто ответил на вопрос:

– Великий магистр может населить живностью целый край, до его прихода пустынный. А Совершенный делает это так, что существа, живущие в нем, будут счастливы. Кроме этого, он сам может спроектировать в свободной плоскости целую страну. Конечно, ему не под силу населить ее существами со свободной волей, но он может подготовить мир к их приходу.

Сергей покачал головой:

– Если каждый начнет проектировать...

– Не каждый. Далек не каждый, – добродушно засмеялся Ульфиус. – Я учусь уже пятьдесят два года, но даже до Великого магистра мне очень далеко. Я и магистром стал не так давно – пять лет назад.

– Пятьдесят два года? – искренне поразился Сергей. – На вид тебе не дашь больше тридцати. Иллюзия?

– Нет. Мне пятьдесят три года. Именно так и выглядят в этом возрасте авенорцы.

– Так что же ты, начал учиться магии, когда тебе был всего год? – улыбаясь, спросил Сергей. С арифметикой у него было все в порядке, и он сразу вычислил возраст, в котором

магистр начал учебу. И представил себе светловолосого кудрявого малыша в ползунках, который пытается силой слова пододвинуть к себе погремушку.

– Что тут странного? – удивленно спросил Ульфиус. Потом вдруг рассмеялся и махнул рукой. – Невольно ввел тебя в заблуждение! Меры веса я научился переводить быстро. Как выглядят люди вашего королевства в разном возрасте, тоже усвоил. А про себя рассказываю так, будто все само собой разумеется, будто я разговариваю со своим учеником из Авенора. Дело в том, что наш год равен примерно сорока восьми вашим годам.

Сергей вновь замолк. Он мог подумать, что ослышался или ошибся в подсчетах, или что Ульфиус сошел с ума... Но рядом сверкал новенький «лексус», сотворенный практически из ничего. Его наличие помогало поверить и в другие невероятные вещи...

– Тебе две с половиной тысячи лет? – прошептал Сергей.

Ульфиус, видя замешательство своего спутника, не стал заострять внимание на возрасте и, улыбнувшись, предложил:

– Может быть, поедем?

– Поедем, – согласился Сергей, решив забыть на время, кто такой магистр Ульфиус, не думать о нем и его возрасте вообще. – Кстати, а бензин в баке есть? Или нам придется толкать машину до заправки?

– Бензина – полный бак, – кивнул Ульфиус. – Хватит на все наши поездки. Садись за руль.

– Номера, – сказал вдруг молодой человек, начавший привыкать к тому, что в компании мага путешествовать легко и приятно. – С московскими номерами нас все будут останавливать. А каждый раз просить тебя сотворить нужные документы – язык заболит. Гораздо проще сделать другие номера. Можно?

– Естественно. Какие угодно, – ответил Ульфиус.

– Тогда – А033АА, – предложил Сергей. – Серия шестьдесят один вместо девяноста девяти.

– Почему? – поинтересовался Ульфиус, щелкнув пальцами, отчего номера сразу же стали такими, как просил Сергей.

– Номер машины из гаража областной администрации. Не настолько известный, чтобы каждый милиционер знал владельца машины, но достаточно ясно показывающий, что тормозить нас не нужно ни по какому поводу.

– Я бы и не додумался. Впрочем, мои взаимоотношения с органами власти и силовыми структурами в затемненных королевствах всегда сводились к минимуму... Век живи – век учишься, – подытожил Ульфиус.

Проснулась Наташа в лесу, под большой раскидистой елью. Пахло смолой и свежей травой, а еще – дождем. Сквозь листья деревьев просачивались и шлепались о землю крупные капли. Но под елкой было сухо и тепло. Сюда морозящий дождь пробраться не мог. Где-то вдали девушка услышала крик петуха. Значит, рядом живут люди. А может быть, петух дикий. Но в диких петухов Наташа не очень верила, поэтому решила встать и пойти поискать жилье. Что толку лежать под елкой?

В бок ей ткнулся влажный носик. Наташа погладила рукой пушистый комочек, который радостно мяукнул. Бабушка все-таки подарила ей котеночка на память! Стало быть, старушка и коты ей не приснились. Или она продолжает спать...

Лес был похож на тот, в котором стояла старушкина избушка, но в некоторых деталях отличался от него. Здесь было больше подлеска, да и деревья, если приглядеться, встречались весьма необычных пород. Некоторые – совсем незнакомые. В чем-то они походили на лиственницу, но лиственницей не были. Скорее всего, древовидные папоротники.

Дождь скоро прекратился, и сразу выглянуло солнце. Яркие лучи заиграли в быстро высыхающих каплях, висевших на ветках и листьях. Наташа взяла котенка на руки и пошла в ту сторону, откуда ей послышался крик петуха. Ноги сразу вымокли – трава была мягкой и мокрой.

Вскоре девушка оказалась на утоптанной тропинке, вьющейся между деревьев. Может быть, тропинка вела и прочь от деревни. Наташа положилась на случай и решила идти в том направлении, которое показалось ей верным. В конце концов, тропинка, как правило, ведет от людского жилья к людскому жилью или к другим полезным постройкам, угольям, полям.

Когда девушка уже решила, что никогда никуда не попадет, а тропинку протоптали дикие звери, скорая встреча с которыми ее и ожидает, она услышала детский гомон. На лужайке сбоку от тропы она увидела четверых ребятишек лет десяти-двенадцати, собиравших в траве большие оранжевые ягоды. Дети не обращали на нее никакого внимания, занятые своими делами. Наташа сошла с тропы и приблизилась к ним.

– Здравствуйте, ребята! – громко сказала она. К Наташе повернулись четыре физиономии, перепачканные ягодным соком, – три девчачьи и одна мальчишечья.

– Здравствуй, коли не шутишь, – не совсем вежливо ответил мальчик. – Тебе небось взрослые нужны?

Наташа подивилась невоспитанности деревенских детей и тому, как быстро они вникли в суть ее проблемы.

– Да, я хотела бы увидеть взрослых, – ответила она. – Где ваша деревня?

Тут придремнувший было на руках у девушки котенок поднял головку и недовольно мяукнул.

Старшая девочка испуганно посмотрела на котенка, потом на Наташу, ойкнула и крикнула:

– Это она!

После чего дернула самую младшую девчонку за подол и пустилась бежать. Следом за ней помчались прочь и другие дети.

Наташа удивленно смотрела им вслед. Что могло напугать малышей? Неужели котенок? Или в ней самой есть нечто странное? А может быть, они испугались того, что у нее за спиной? Девушка поспешно обернулась, но ничего страшного или интересного не увидела.

Пожав плечами, Наташа пошла по тропинке в ту сторону, куда скрылись ребята. Собственно, в том направлении она шла и до сих пор.

Прошло еще полчаса, а деревня все не показывалась.

– Что же это такое? – возмутилась Наташа. – Может, они в норах живут, посреди леса?

Тут впереди, на тропинке, которая перестала петлять и вышла на длинный прямой участок, показалась процессия странно одетых людей. Во главе шел мужчина в венке из листьев, следом – несколько женщин в папоротниковых уборах. За ними – еще несколько мужчин, которые держали в руках украшенные цветами копыя. Люди самые обычные, умеренно загорелые, русоволосые. Вполне сошли бы за жителей лесной русской деревни, если бы не странные наряды. Одежда обитателей этих краев Наташу очень смутила.

– Дело худо, – решила она.

Тут передний мужчина упал на колени, а затем распростерся на земле, издав утробный восторженный вопль. Следом на землю упали женщины, а мужчины с копиями стали на одно колено и опустили глаза к земле.

Наташа остановилась, оторопев.

– Здравствуй, величайшая, прекраснейшая из прекрасных, мудрая и великая, сильная и добрая! – в экстазе прокричал мужчина. – Славны пути твои, сильны помыслы.

Чем заслужили мы, сырые и убогие, твое внимание? В благодати своей снизошла ты к нам, и счастливее нас нет на земле тварей!

Лежащие женщины тихонько подвывали, время от времени пытаясь стукнуться лбом о землю. По-видимому, они тоже пребывали в восторженно-самоуничжительном настроении.

Наташа опешила еще больше. Она сделала несколько шагов навстречу местным жителям, не находя, что сказать.

– Отправимся с нами в наше жилье, которое твое по праву, где ты сможешь отдохнуть и подкрепить свои силы, где ты встретишь людей, жаждущих припасть к твоим стопам! – вновь возопил мужчина.

– О, отправимся! – нараспев подхватили женщины, к которым после приступа восторга, видимо, вернулся голос.

– Отправимся, величайшая! Отправимся, мудрая! Не брезгуй нашим гостеприимством, ошастливь нас, остановившись под нашим кровом! – подхватили воины.

– Поспешим же, ибо ожидания наши исполнились! – вскричал жрец.

– Пойдемте, – согласилась Наташа, ошеломленная столь бурным проявлением чувств. Большого она не смогла из себя выдавить.

Распростертые на земле местные жители тут же вскочили и, подобострастно кланяясь, образовали живой коридор, по которому Наташа робко двинулась вперед. Но на этом туземцы не успокоились. То и дело кто-то обгонял ее, но не шел впереди, а падал на колени сбоку тропинки и глядел на девушку умильными глазами.

Наташе происходящее начинало не нравиться. Эти восторги неспроста!

Очень скоро, за следующим поворотом тропинки, показалась деревня. Впрочем, деревня – громко сказано. Несколько избушек, сложенных из хвороста и тонких бревнышек. Крыши покрыты сухими листьями папоротника. Лес вокруг деревушки был расчищен. Неподалеку от домов виднелись огороды, а за деревней поднимался небольшой скальный массив.

Местные снова перегруппировались. Мелко семена, не смея повернуться к Наташе спиной, они обогнали ее и вновь простерлись ниц.

– Вступи в земли наши, которыми владеем по твоей милости! – прокричал очередную ахинею мужчина в венке, как уже догадалась Наташа, жрец. – Правители и воины, жены и дети их, земледельцы и охотники, торговцы и водоносы, ученые и ученики ждут тебя, величайшая!

«А, была не была», – решила Наташа и обратилась к туземцам:

– Не могли бы вы проявлять свои восторги немного сдержаннее? Мне кажется, вы выражаетесь слишком пышно.

Туземец еще раз низко поклонился и проговорил уже совсем не таким сладким голосом:

– Женщина, при всем нашем уважении к твоим достоинствам, не мешай нашему поклонению! Мы очень признательны тебе, однако не испытывай нашего терпения! Запретить нам молиться не может даже почитаемый нами Бонуций.

После этих слов жрец вновь упал на колени.

Взявший бразды правления «Барсом» Белоусов не мог нарадоваться на свое хозяйство. Как оказалось, корпорация приносила такой доход, что после года умелого руководства ею можно было уехать куданибудь на теплые острова и не вспоминать больше о треволнениях незаконопослушной жизни в России. И дело, конечно, заключалось не в охранных услугах, которые «Барс» оказывал предпринимателям, и не в легальном торговом обороте, а в тех сделках, что отражала одна лишь только «черная бухгалтерия».

Сотрудникам корпорации было объявлено, что Кравчук отбыл в неизвестном направлении, и это мало кого взволновало, кроме его домочадцев. Впрочем, жене бывшего директора Белоусов сообщил под большим секретом, что у Владимира Петровича появились некоторые нелады с законом, и он был вынужден временно уехать. Зарплату директора семья будет временно получать. Жена поохала и утешилась. Не первый раз ее муж попадал в такую ситуацию. Работа такая. Наверное, скоро позвонит...

Знающие люди заподозрили, что Кравчук причастен к убийству своих людей на пустыре и решил отсидеться. Белоусов имел все права заниматься делами в отсутствие босса. Никто не пытался их оспаривать.

Наиболее любопытным направлением деятельности корпорации был так называемый «Проект Ф», масштабы которого Белоусова поразили. До сих пор Кравчук контролировал работы по проекту лично и не одобрял, когда кто-то совал нос в его дела.

Теперь же Белоусов получил возможность детально выяснить, что к чему. Оказалось, что над Машинной многоцелевого использования работают всего четыре хилых очкарика и приставленные к ним три слесаря. Очкарикам Кравчук платил столько, сколько не снилось даже его заместителю, слесари тоже не были обижены. И это при том, что занимались очкарики черной работой – собирали установку по чужим чертежам. Один из них, самый умный, доктор наук, делал вид, что он все в этих чертежах понимает. Иногда он даже пытался доказать, что и сам построил бы Машину не хуже.

Еще больше поражали средства, вложенные в проект. Из «черных» бухгалтерских отчетов Олег Семенович узнал, что в Машине содержится технических рубинов на два миллиона долларов, алмазов чистой воды – на пять миллионов, золота, серебра и платины – на полтора миллиона. Стоимость редких металлов, вложенных в Машину, Олег Семенович не подсчитывал, но и там счет шел на сотни тысяч.

Собственно говоря, уже сейчас можно было разобрать Машину по косточкам и лететь на острова. Но, видимо, Кравчук надеялся извлечь из нее гораздо большие прибыли. Так неужели его заместитель окажется таким дураком, что откажется от подобных перспектив? Особенно теперь, когда у него есть такие чудесные друзья? Которые, кстати, вряд ли позволят свернуть проект. Неудивительно, что Кравчук держал на охране объекта семь автоматчиков, по два в смену, один выходной. Охранники даже не знали толком, что охраняют. Белоусов решил охрану усилить. По этому поводу у него были определенные соображения. На автоматчиков он не особенно полагался.

На следующий день после исчезновения Кравчука один из очкариков, самый представительный и самый умный, подошел к Белоусову и проблеял:

– Владимир Петрович уже три дня как обещает нам новую партию алмазов. Нужно также закупить рубиновые лазеры для прецизионных измерений. Вся работа стоит, а вы потом будете требовать ее выполнения в срок. Поскольку вы, Олег Семенович, сейчас замещаете Кравчука, решите, пожалуйста, нашу проблему.

Белоусов тяжело вздохнул.

– Владимир Петрович много вам наобещал, – пробормотал он себе под нос. – Теперь ему самому обещать будут...

Очкарика, имени которого он не знал и знать не хотел, Олегу Семеновичу хотелось размазать о стену. Впрочем, может быть, скоро ему будет просто необходимо так с ним и поступить. А пока следует потерпеть.

– Сколько вам требуется алмазов? И где мы их покупаем? – равнодушно и немного мрачно спросил он.

– Закупает все необходимое сырье и оборудование наш экспедитор, Фролин. Очень шустрый молодой человек, – с некоторым оттенком осуждения ответил очкарик. – У вас мы просим, собственно, не сам материал, а выделения денег.

– И много вам надо? – поинтересовался Белоусов.

– Довольно-таки много. Пятьсот тысяч.

– Да, многовато... Наш оборот за два месяца...

– Долларов, – уточнил очкарик, перебив размышления заместителя директора.

Белоусов чуть не подавился слюной.

– Где же я возьму такие бабки? – вскричал он.

Очкарик посмотрел на него с недоумением:

– Но вы же заместитель Владимира Петровича? Он выделял нам и большие суммы... Сейчас проект в завершающей стадии и требует решающих вложений.

– Да у нас на счету отродясь таких денег не бывало! – Белоусов от возбуждения вскочил с кресла.

– Насколько я знаю, господин Кравчук оперировал наличными, – будто бы дивясь непонятливости заместителя, ответил очкарик.

– Хорошо, я проконсультируюсь с бухгалтерией, – мрачно пообещал Белоусов.

Но ни с какой бухгалтерией он, естественно, консультироваться не стал. И так было ясно, что даже доверенные бухгалтера о «Проекте Ф» ничего не знают и знать не должны.

Когда очкарик покинул кабинет, Белоусов открыл сейф и снял трубку с неработающего телефона. Ему не хотелось никого вызывать – вдруг хозяева сразу решат, что он вообще ни на что не способен? Но платить полмиллиона долларов из своего кармана Олег тоже не собирался. Да и не было у него таких денег. Тридцать тысяч он за все время работы собрал. Мог бы наскрести еще двадцать. Но нужно было в десять раз больше!

Трубка долго молчала. Ни шипения, ни гудков. Будто бы телефон совсем не работал. А потом из дальней дали раздался голос:

– Чего тебе, Белоусов?

Белоусов задумался. Как разговаривать с существом, которого он не знает? И когда неизвестное существо обращается к тебе в такой наглой манере? Впрочем, Белоусов и сам не страдал избытком вежливости.

– Поговорить о «Проекте Ф», – грубо заявил он.

– Ну, говори, – посоветовал голос.

– Денег мне надо. На алмазы. Вы в проекте состоите, так что деньги давайте.

– Больше тебе ничего не дать? – с издевкой спросил голос.

– И еще надо. Кравчук многое упустил. Об этом позже, – твердо заявил Белоусов. – Работы уже остановлены. Если не хотите, чтобы Машина заработала, не давайте ничего. У меня нужных средств нет.

– Заставить бы тебя их найти, – вкрадчиво прошептал голос. – Распоясались совсем. Сколько надо?

– Пока – полмиллиона долларов, – заявил Белоусов. У него было искушение попросить больше, но партнеры наверняка проверят. И тогда... Об этом Олегу думать не хотелось. Через некоторое время он сорвет свой куш, и его здесь никто не найдет. Но только будет это не пара сотен тысяч.

– Жди курьера, – приказал голос. – Все?

– Нет, – ответил Белоусов. – Кравчук из рук вон плохо организовал охрану объекта. Нужны собаки. Системы обнаружения.

– Так купи, – посоветовали ему из трубки.

– Куплю. И системы обнаружения куплю. Мало одних камер... Детекторы движения нужны. Это все деньги.

– Детективов начитался, – брюзгливо заметил голос. – Хорошо, будут тебе и деньги, будут и собаки. Хорошие песики... За объектом мы и сами присматриваем, как бы ты какой фортель не выкинул, Семеныч. Что, думаешь, мы все на самотек пустим, как ты?

– Я ничего на самотек не пускаю. Вы можете на меня рассчитывать.

Но услышали ли на другом конце его последнее, довольно жалкое заявление, Белоусов так и не понял. Трубка замолчала, и Олегу не оставалось ничего другого, как положить ее на рычаг и закрыть сейф.

По четырехполосной дороге шло много машин. Две полосы в одну сторону, две – в другую. Сергей уверенно вел «лексус» по второму ряду, обгоняя все автомобили. Стрелка спидометра застыла на ста шестидесяти километрах в час, но скорость не чувствовалась. Ехали прочь от города – обдумать стратегию, спрятаться, чтобы потом нанести удар внезапно. Ульфиус сказал, что действовать нужно именно так, и Сергей с ним спорить не пытался. В конце концов, он даже не понял толком, на что подписался. Понятно было, что надо давить врагов, но ЧТО это за враги и кому конкретно они угрожают, Сергей пока не выяснял. Они обидели его невесту, пытались угробить его самого. Пожалуй, достаточно для того, чтобы стать на сторону их противника.

Автомобиль проносился мимо киосков, кафе и маленьких рынков, стоящих на обочине.

– Надо бы пожевать, – предложил Сергей. – Остановимся, возьмем шашлыка?

– Из мяса животных? – уточнил Ульфиус.

– Именно так. Из животных. Если повезет, то из свинины. Если нет – из kota или собаки.

Лучше взять шашлык из осетрины... Рыба такая есть.

При мысли об ароматном шашлыке рот Сергея наполнился слюной. Ульфиус поморщился:

– Я не ем мяса животных. И рыб тоже. Другого здесь ничего нельзя купить?

– Можно, – ответил Сергей, мгновенно устыдившись своего мясоедения. Время от времени он подумывал о том, чтобы стать вегетарианцем, но все не хватало сил, средств и времени. – Возьмем пирожков с картошкой. Дешевле, но вряд ли вкуснее. Да и жарят их на машинном масле. Польза минимальна.

– Больше никакой еды нет? – спросил Ульфиус, встревоженный тем, что на трассе не продают ничего, кроме малосъедобной и вредной дряни. – Мы могли бы попытаться найти каких-нибудь кореньев в поле. Сейчас лето, земля нас прокормит.

– Так далеко дело не зашло, – усмехнулся Сергей. – Добудем и человеческой еды. Нужно только немного подождать.

Километров через двадцать показался очередной маленький рынок у небольшой деревушки. Здесь Сергей остановил машину.

– Пойдем, выберем, кому что нравится, – предложил он Ульфиусу.

– При крайней нужде я могу съесть все что угодно, – сообщил магистр. – Но сейчас я хотел бы попробовать плодов вашей земли. То, что выращивают земледельцы.

– Земледельцев здесь – пруд пруди, – усмехнулся Сергей. – Но больше перепродавцов.

Торговцы, заметив престижную иномарку, назойливо хватили ее хозяев за рукав. Были они чрезвычайно любезны, но цены не снижали ни на рубль. Наоборот, где только возможно, поднимали их вдвое. Сергей, договорившись с одним опрятным мужичком об оптовой закупке за доллары (рубли у него уже закончились), набрал помидоров, огурцов, вареной картошки, хлеба, фруктов и минеральной воды. Мяса он не стал брать даже себе, хотя очень хотелось.

Они отъехали в ближайшую лесополосу и сели на травку обедать. Ульфиус уписывал «плоды земные» за обе щеки. Особенно понравились ему сладкие фиолетовые помидоры, а о минеральной воде он вообще отозвался крайне восторженно. Лунин грустно жевал картошку с малосольным огурцом и втайне, не желая признаться даже самому себе, мечтал о шашлыке или домашней колбасе.

Подкрепившись, Сергей вдруг испуганно взглянул на своего товарища и сказал:

– Мы забыли коня!

Ульфиус сдержанно улыбнулся:

– Совершенно невозможно, Сергей. Ты опять плохо обо мне думаешь. Я отпустил Грома пасть, прикрыв его заклятием невидимости. Пусть отдыхает, раз уж у тебя скакуна нет.

– Да на машине и быстрее, – жуя, подтвердил Лунин.

– Я бы не сказал, – ответил Ульфиус. – Мне было бы проще и быстрее на коне. Впрочем, зачем обсуждать, что было бы, если бы...

Сергей недоверчиво покачал головой:

– Неужели Гром делает двести километров в час?

– Сам он, может, и не делает, а вместе со мной сделает и пятьсот, – не совсем понятно объяснил магистр.

– Перемещение сквозь пространство? – предположил Сергей, подкованный в подобных делах: фантастической и оккультной литературы он в свое время перечитал достаточно.

– Вроде того, – ответил Ульфиус. – И где только набирают такую чудесную, свежую и живую воду?

Сергей довольно улыбнулся.

– Из подземных источников. Газируют в основном промышленным способом, хотя существует и точно такая же природная вода. Но ты лучше расскажи мне, Ульфиус, что за опасность нам угрожает от этих дельцов из «Барса»? И почему именно мы должны вмешиваться? Ладно, я здесь живу, меня их планы напрямую касаются. К тому же они пытались убить Наташу. А ты зачем приехал, почему нам помогаешь?

Ульфиус ненадолго задумался.

– Долго объяснять, – сообщил он. – Но постараюсь. Почему я вам помогаю, ответить легко. Есть Отпавшие королевства, есть Затемненные королевства, есть Светлые королевства. Отпавшие королевства постоянно стремятся к экспансии. Их властители пытаются захватить новые и новые земли, страны, плоскости. В основе их жизни – паразитизм, рабство, ненависть. Нам приходится их сдерживать. Экспансию легче всего проводить в Затемненных землях. Там, где разум еще молод, цивилизация не слишком стара, люди наивны, доверчивы и неопытны. Там, где народ жаждет нового, где человек хочет постоянно узнавать что-то и обогащаться... Ваш край – под постоянным пристальным вниманием. И светлых сил, и темных. Я, как ты мог догадаться, представляю светлые силы. Но темные силы считают прогрессивными и нужными именно свои идеи «абсолютной свободы». Свободы, путь к которой лежит через рабство других.

– Почему же у нас – Затемненные земли? – обиделся Сергей.

– Душно здесь, душно, – грустно улыбнулся Ульфиус, потрогав ворот несуществующей рубашки. Может быть, на самом деле он поправил ожерелье. – Энергии мало, холодно. Не телу холодно, душе. То ли дело в Благословенном Авеноре! Там по земле идешь – радостно. Взглянешь на небо – там Свет... А у вас – только холодное мерцание и дальние отблески. Ну да я – воин, должен быть привычным ко всему.

– Что же, солнце у нас плохо светит? – спросил Сергей. День как раз выдался ярким и жарким.

– Может, и хорошо светит, да не так. Впрочем, всяк кулик свое болото хвалит. И здесь есть все возможности для того, чтобы жить полной жизнью. Не в свете дело и не в энергии. И на самых дальних планетах в бескрайнем космосе развивается жизнь. Но недавно в вашем мире произошли события, которые отодвинули его от Света...

– Какие события? – спросил Сергей. – Война? Или, правильнее сказать, войны?

– Да, и войны в том числе. Край ваш стал Затемненным недавно – тридцать лет назад, когда внутренним предательством был разбит «Круглый стол», а Артур Справедливый отправился в Авалон, дабы излечить свои раны. С тех пор идет жестокая борьба за то, пополните ли вы ряды Отпавших королевств или вернетесь к Свету. Выбор близок.

– Подожди, подожди, – прервал магистр Сергей. – До «Круглого стола», говоришь, все было хорошо? А как же безумства цезарей, истребление христиан, рабство, в конце концов? Это все – в порядке вещей?

– Нет, не в порядке, – ответил Ульфиус. – Но в вашей цивилизации, которая строится не в благословенном краю, а в мрачном мире, где свирепствует закон взаимопожирания, трудно было бы сразу решить все проблемы. Вы родились здесь не «благодаря», а «вопреки». Ваша задача – не только достичь блаженства самим, но и просветлить мир, в котором вы живете. Эллинам, а затем рыцарям Артура это удавалось – постепенно, конечно. Но Темные смогли повернуть греческую цивилизацию в неверное русло, затравить ее вторжениями извне, а затем разгромить «Круглый стол» изнутри. Настали долгие «века мрака». После дела шли с переменным успехом. Край ваш не забывали никогда, но в последнее время проблем только прибавилось. Сейчас главная опасность в том, что Отпавшие перестали насаждать чудовищные тирании напрямую и подкупают вас так называемым «техническим прогрессом», подготавливая всеобщую и всепоглощающую тиранию.

– Что значит «так называемым»? – обиделся за технический прогресс Сергей, ярый его защитник, пропустив последнее, самое главное заявление Ульфиуса. Он даже с Наташей постоянно спорил из-за пуска в их области атомной станции, так как считал атомную энергетику полезной и нужной, а Наташа была категорически против строительства.

Ульфиус преувеличенно спокойно взял последний помидор, посыпал его солью и с аппетитом надкусил.

– То и значит, что почти все ваши технические игрушки – не что иное, как порченная магия. Телевидение, радио... Телефон то же самое. А компьютеры? Вообще гадко плюнуть!

– Да чем же тебе компьютеры не угодили? – возмущенно спросил Сергей. Он компьютеры обожал, работал на ЭВМ с десяти лет и считал, что за вычислительной техникой – будущее.

Магистр загадочно улыбнулся, помолчал немного и спросил:

– Ты знаешь, как работает любой компьютер?

– Ну, в общих чертах.

– Вот именно, в общих чертах. И любого спроси, кто даже их делает. Я изучал данный вопрос. Каждый скажет: знаю в общих чертах. А конкретно не знает никто. Потому что эта штука в принципе не может работать. Подумай – устройство, мыслящее практически самостоятельно! Информация, которая поместится только в библиотеке, – на маленьком диске! Да как ее можно оттуда считать? Процессоры, электрические цепи, плюс – минус, поднятый флажок – опущенный, биты – байты... Это же ерунда для профанов! Если бы на самом деле существовали механические устройства, способные переваривать такие огромные объемы информации, для них действительно можно было бы писать программы, использовать в других отраслях... Но в том-то и дело – как ты представляешь машину, которая совершает пятьсот миллионов операций в секунду?

– Мало ли чего мы не можем себе представить! Однако они работают! – в сердцах воскликнул Лунин. – И не один, не два – тысячи, миллионы. Компьютеры все время совершенствуются, увеличивается их быстродействие...

– С помощью магии, конечно, – тут же ответил Ульфиус. – Поэтому любой компьютер я могу обмануть. Могу стереть с него всю информацию. Или вообще уничтожить. Не нарушая целостности схем.

– Ты и машину можешь из ржавых железок сотворить, – заметил Лунин.

– То машина, – ответил Ульфиус. – Магия преобразования – магия более высокого порядка. А с компьютером даже ты справишься, хотя мастерству Слова совсем не учился. Только в себя надо верить. Слышал же, что компьютеры кого-то любят, а кого-то нет?

– Слышал, – признался Сергей. – Меня вот они любят, а Наташу – нет.

– Вот, – ответил магистр. – А телевизор... Ты только представь себе так называемую электронную пушку, которая двадцать четыре раза в секунду вырисовывает на экране новую цветную картинку, состоящую из нескольких сотен тысяч точек! Виданное это дело?

– Не знаю.

– А я говорю – невиданное и небывалое. Магия чистой воды. Любой телевизор можно заставить показывать что захочешь. И без людей они вообще не работают.

– Как не работают? – засмеялся Сергей. – Сколько раз я телевизор забывал, и работал он без меня весь день...

– Ты видел? – коварно спросил Ульфиус.

– Ну, утром он работал и вечером, когда я приходил. Грелся, энергию потреблял...

– Зачем он энергию потребляет – вопрос второй, – тут же обрушился на телевизионную технику магистр. – И куда та энергия идет...

– Ну, это уже просто мракобесие какое-то, – вздохнул Сергей.

– Именно – мракобесие, – согласился Ульфиус, неправильно истолковав слова собеседника. – Чистой воды мракобесие. И мы с тобой – а точнее, ты с моей помощью – будем с ним бороться.

– Телевизоры разбивать, что ли? Или добиваться запрещения компьютеров и прочей оргтехники?

– Нет. Для начала – выясним, что затевают наши враги, и помешаем им. Разрушим ту Машину, которую видела Наташа. Новое неведомое зло.

С этими словами магистр откупорил очередную бутылку минеральной воды и несколько возбужденно взмахнул рукой. На багажнике «лексуса» возникли два хрустальных бокала, в узорчатых гранях которых всеми цветами радуги засиял, преломляясь, солнечный свет. Ульфиус разлил минералку и торжественно провозгласил:

– За успех нашего дела!

Товарищи по оружию выпили. На лице Ульфиуса отразилось такое удовольствие, что Сергею стало приятно. Надо же – человеку две с половиной тысячи лет, а он радуется бокалу холодной минеральной воды!

– Ты говоришь, что все в мире состоит из магии... – вернулся вдруг к предыдущей теме Сергей.

– Нет, я такого не говорил, – перебил молодого человека магистр. – Я говорил, что нет ничего, кроме магии. Материя, пространство, энергия – все иллюзорно. Есть только первичное Слово, поднявшее мир из небытия. И его дальнейшее развитие.

– Заповедное слово «ом», – пробормотал Сергей.

– «Ом»? – переспросил Ульфиус. – Может быть. Мудрецы придерживаются на сей счет разных мнений.

Сергей начал собирать в пакеты остатки еды.

– Но как ты можешь утверждать, что материи нет, когда мы состоим из материи, ощущаем ее повсюду? Это что, крайний вид солипсизма?³

– Все нет, – ответил Ульфиус, не смутившись сложным термином. – Тебе, как физику, иллюзорность нашего мира должна быть понятна прежде всего. Я вот, когда отправлялся сюда, в учебнике физике для седьмого класса вычитал, что, если убрать межатомные промежутки, человек будет иметь объем не более одной миллионной кубического миллиметра. Так?

– Примерно так, – согласился Сергей.

– А между атомами – пустота. Стало быть, содержания в человеческом теле, если исходить из материалистических соображений, – меньше миллионной миллиметра? Остальное что – пустота? Или энергия? Исходя из этого – так ли важна материя? Главное – идея. Мир держится на идее. И материя – тоже воплощение идеи. Абстрактное выражение идеи – слово. Ты говоришь: материальный, плотный мир... Мне, между прочим, приходилось бывать в мирах разной плотности. Чем плотнее мир, тем тяжелее в нем находиться.

³ Солипсизм – система философских взглядов, утверждающая, что в мире нет никого, кроме наблюдателя, и сам мир – только продукт его воображения.

Менее плотные миры – более чистые воплощения идеи – гораздо лучше и светлее. А если мир – Слово, то и изменить его можно только Словом. И владеющий Словом способен на многое. Но им не-так то просто овладеть!

– Что значит – не мешай нашему поклонению? – настойчиво спросила Наташа после еще более продолжительных завываний жреца. Ее удивило то, что в обычном разговоре он обратился к ней не слишком почтительно. Возможно, до сих пор она просто наблюдала какой-то обряд? Встреча гостя или что-то подобное? Нет, для обычной встречи слишком пышно. Да и дети к гостям, видимо, были привычны, и по их реакции можно было понять, что не каждого здесь встречали с такими почестями.

– Не мешай нам поклоняться мудрой и ласковой Мяу, прекрасная незнакомка, – сдержанно объяснил жрец. – То, что ты – Нашедшая Мяу, дает тебе большие права. Но не переходи рамок дозволенного!

Котенок в очередной раз проснулся и громко мяукнул. Туземцы разразились громкими воплями восторга.

– Мяу? – оторопело переспросила Наташа. – Так вы имеете в виду моего котенка?

– Мы имеем в виду воплощение всеблагой и светлой богини Мяу, то самое, что ты держишь на руках, – ответил жрец, поправляя венки из листьев. – Давно нам было обещано воплощение, пророчества говорили об этом. И вот приходишь ты и приносишь нашего кумира... Правда, сама ты девушка странная, что и неудивительно. Нашедшая Мяу не может быть обычным человеком. У меня у самого, случись со мной такое счастье, рассудок помутился бы...

– Да нет, я вполне нормально отнеслась к этому факту, – сообщила Наташа.

– Конечно, конечно, – не стал перечить жрец. – И ты, милая девушка, будешь окружена всяческим почетом, ибо ясно, что Мяу тебя любит. А кто любим Мяу, любим нами. Пойдем же скорее в Деревню Посреди Леса, где мы отведем тебе лучший дворец, а Мяу поместим в храм.

– Ну уж нет! – возмутилась вдруг Наташа. – Я с ним не расстанусь!

– Не с ним, а с ней, – вздохнув, поправил ее жрец. – Ибо каждому ясно, что Мяу – воплощение женского божества.

– Да хоть бы и с ней, – ответила Наташа, которая еще не выяснила, какого пола котенок. – Киска моя, я о ней забочусь. А то вы так начнете ей поклоняться, что от нее рожки да ножки останутся.

– Воистину ты – избранная Мяу, – с постным выражением лица отметил жрец, словно бы жалея, что получилось так, как получилось, но показывая, что он с этим фактом смирился. – И не должна ты оставлять вместилище дух великой Мяу создание. Конечно, я ожидал, что воплощение благой Мяу будет побольше. Хм, так сказать, материальнее. Но и то, что мы видим у тебя на руках, приводит нас в неопишуемый восторг.

По лицам туземцев было видно, что восторг их действительно велик, но к нему примешивается некоторая доля беспокойства. Многие из них были разочарованы размерами своей Мяу.

– Она еще вырастет, – утешила туземцев Наташа. «Вам бы того дымчатого кота, – хмыкнула она про себя. – Или тигра. То-то он показал бы вам, какие добрые и ласковые бывают кошки».

Девушку внимание туземцев и их непрестанные вопли уже начали раздражать.

Кравчук бежал по свалке, падая и задыхаясь. Шумного дыхания чудовища больше не было слышно, но страх не проходил. Он гнал Кравчука вперед. Неизвестно куда – лишь бы подальше от опасности, от страшного чудовища с огромными птичьими лапами.

В полумраке не было видно, что скрывается даже в ста метрах впереди. Из плотной темноты выступали мусорные кучи, большие лужи, ямы и овражки. Владимир Петрович замед-

лил бег, потом перешел на шаг. До головокружения хотелось есть. Совсем недавно Кравчук мучился от холода, теперь он страдал от жары. Хотя в краю, где он оказался, была ночь, стало очень жарко. Или тепло исходит от мусорной кучи, на которую он влез?

Кравчук слабо представлял себе, что делать дальше. Искать жилье? А что потом? Что, если здесь живут такие же твари, какие навещали его в «Барсе»? Судя по всему, так и должно быть...

Издали послышался лай, напоминающий собачий, но со странными подвываниями. Звук Кравчуку очень не понравился. Он начал оглядываться по сторонам в поисках палки или металлического прута, но ничего стоящего не нашел – только короткий обрезок трубы, которым от собак отбиваться было не слишком сподручно.

Продолжая осматривать окрестности в поисках более подходящего оружия, в стороне от дороги, за одной из куч Владимир Петрович заметил красные отблески. Бывший директор «Барса» решил пойти в ту сторону. Лучше лицом к лицу встретить опасность, чем страдать от неизвестности.

Когда Кравчук взобрался на очередной мусорный холм, у его подножия он увидел самый обычный чадающий костер.

Около костра, нависая над ним, сидело скрючившееся существо. Было оно, кажется, совсем без одежды, в руках сжимало трубку с прикладом – скорее всего, ружье. Поначалу Владимир Петрович решил, что нашел человека, но вскоре понял, что ошибается. Наверное, это был какой-то мутант. Серая или очень грязная кожа (правда, в тусклом пламени костра разглядеть ее цвет было трудно), вытянутая и странно скругленная, почти цилиндрическая голова. По бокам головы – почти как у лошади – глаза. Только они слегка выступали наружу, что способствовало, наверное, лучшему обзору.

Существо повернулось, и в свете костра Кравчук разглядел вытянутый трубкообразный рот. Когда тварь подняла руку, стали заметны перепонки между пальцами.

– Тьфу, пакость, – прошептал Владимир Петрович и сплюнул в сторону. К существу он сразу почувствовал даже не отвращение, а беспричинную и безотчетную ненависть.

Рядом с существом стоял котелок, в котором дымилось варево. Именно котелок и привлек внимание Кравчука в первый момент, еще до того, как он рассмотрел существо. В котелке была еда. Неизвестно, мог ли человек есть то, что ест эта тварь, но другого выхода у заброшенного в неведомый край человека не было. Да и находиться рядом с этим уродцем ему было крайне мерзко. Нужно было включаться в местную жизнь... И Кравчук решил мутанта прикончить. Чего бы это ему ни стоило.

Сжимая в руке тяжелый обрезок трубы и стараясь двигаться бесшумно, Кравчук начал подкрадываться к мутанту. Тот сидел спокойно, будто бы не замечая ничего вокруг. Ушей у твари как будто не было вовсе, но, наверное, она все чувствовала кожей. Да и глазищи, как у паука, – смотрят во все стороны.

До мутанта осталось всего несколько шагов. Кравчук понял, что его вот-вот заметят. Человек вскочил и, не таясь, бросился на тварь, занеся руку с обрезком трубы для удара.

Мутант прыжком поднялся, нелепо взмахнув конечностями, и попытался направить в сторону Кравчука свою трубку с прикладом. Но навскидку он, наверное, стрелять не умел, а Кравчук, хоть и ослабел от голода, страха и лишений, оказался проворнее. Он обрушил свое оружие на цилиндрическую голову врага. Раздался отвратительный чавк. Тварь тихо крякнула и осела. Только сейчас Кравчук почувствовал, как от нее воняет. Цилиндрический череп оказался совсем не крепким – он треснул и сплюснулся. Кравчук, однако, не захотел рисковать. Он еще несколько раз с силой опустил трубу на голову мутанта, вырвал из его перепончатых лап трубку, которая весьма напоминала ружье, и огляделся по сторонам. Вокруг стояли багровые сумерки, и, кроме мусорных куч, видно ничего не было.

Оттолкнув ногой не слишком тяжелое тело мутанта, Кравчук схватил котелок и понюхал варево. Пахло не слишком аппетитно, но терпимо. Хотя сам мутант нестерпимо вонял, пища его выглядела съедобно. Владимир Петрович оглянулся в поисках ложки, которой тварь мешала содержимое котелка. Она валялась неподалеку.

Конечно, есть из котелка неизвестную гадость было страшно и противно. Тем более той ложкой, которую держала в руках и, наверное, облизывала эта мерзость. Но Кравчук не был хлюпиком и собирался выжить во что бы то ни стало. Чтобы остаться в живых, нужно было, как минимум, питаться.

– Некоторые и змей едят, – подбодрил себя бывший директор «Барса».

Он прокалил ложку в огне костра, набрал варева и отхлебнул. Еда мутанта оказалась сносной на вкус. Кравчук усмехнулся.

– Если надо будет, я и тебя съем, – обратился он к убитой твари. – Меня вы так просто не возьмете.

В это время из-за мусорной кучи вышли еще двое мутантов. Кравчук так и застыл, не донеся ложку до рта.

Курьер оказался парнишкой лет шестнадцати – прыщавым, с прилизанными редкими волосами и недоверчиво-нахальным выражением лица. Одет он был в грязные черные джинсы и застегнутую на все пуговицы темную рубашку с длинными рукавами. В руках он нес две большие, плотно набитые спортивные сумки. Пройдя мимо оторопевшей секретарши – Оленька не знала, откуда он взялся на территории и кто его сюда пустил, – он толкнул дверь и предстал перед Белоусовым.

– Принимай, что ли, товар, – сказал он. – Кроссовки нужны канадские? Или чайники? А может, тебе фен нужен?

– Какой, на хрен, фен? – начал Белоусов и осекся.

Сначала он действительно принял паренька за горе-дилера «канадской» фирмы и уже собирался было вышвырнуть незваного гостя из кабинета, но по неуловимому аромату и легкому покалыванию кожи понял, что перед ним – настоящий курьер. Оттуда.

Белоусов сообразил, что подросток совсем не тот, за кого себя выдает, хотя при одном только взгляде на него ему вспомнился собственный сопливый племянник, целыми днями торчащий перед телевизором, включенным на канале МТВ. А еще больше он напоминал Бивиса и Батт Хеда, жующих, сморкающихся и отпускающих глупые шутки. Да и поведение паренька было очень странное – совсем не такое, как у наших детей. Скорее, как у западной телевизионной молодежи. Что-то в нем было наигранно-театральное. Мысленно Белоусов приклеил к подростку модное слово «тинэйджер», которым раньше практически не пользовался.

– Ладно, подставляй грабли, – вновь прогнусавил паренек, продолжая разрабатывать имидж наглого подростка. Он подошел к столу Белоусова и высыпал прямо на бумаги содержимое одной из сумок – плотные новые пачки сотенных и пятидесятидолларовых купюр.

– Запарились мы их нести, – объяснил он. – Прибери. Может, пригодятся.

– Сколько здесь? – дрожащим голосом спросил Белоусов. Такую сумму наличными он видел впервые.

– Много, – хрипло заржал тинэйджер. – Миллион.

– Я же просил пятьсот тысяч. Остальные – на будущее?

– На прошлое, – брезгливо поморщился парнишка. – Что, думаешь, доллары настоящие? Так мы их тебе и дали! Где мы их возьмем? Правда, от настоящих их никто не отличит. Даже лучше настоящих, качественнее. Только серийные номера подкачали – есть уже такие. А может быть, и не было никогда. Нам статистика федерального казначейства Штатов неизвестна... Тебе подставляться ни к чему. Рассуешь их по валютчикам или по другим каким бандюкам,

по мелочи. Сам конвертируешь деньги в банке. Туда-сюда, полмиллиона нет. Да и отдать нам настоящие деньги придется. Тут тебе и очередной товар подошел. Продашь – должок отдашь.

Тинэйджер высыпал прямо на пол содержимое второй сумки. В ней оказались брикеты белого порошка, упакованные в полиэтилен.

– Чистейший героин, – сообщил он – Закачаешься. Сами бы ели, да деньги нужны. Партия крупная, но, думаем, рынок сбыта ты, Семеныч, найдешь. Не найдешь – тебе же хуже. Тут на два миллиона. Сумеешь больше заработать – твое.

– Так сколько я вам должен? Полмиллиона или миллион? – спросил Белоусов дрожащим голосом. – Или два?

– Миллион, – ответил паренек, гадко улыбаясь. – Что, думаешь, просто так тебе товара на три миллиона подвезли? Концессия – концессией, но тебя кормить мы не намерены. И отдашь золотом. Но мы подождем. Сколько угодно. Только не забывай о том, что должен. Мы свои долги получим где угодно. Даже на теплых островах.

Олег вздрогнул, когда понял, что его мысли о бегстве не укрылись от новых партнеров, или хозяев, или обычной нечистой силы, к которой он, по невежеству, был более склонен относить новых знакомцев. Более прогрессивный человек скорее подумал бы о пришельцах из иных звездных систем или о жителях параллельных измерений. Но Белоусов имел очень слабое представление о других планетах и совсем не подозревал о существовании измерений.

– Собак и сигнализацию не привез? – спросил он.

– Расплатишься по этим долгам – будут тебе и собаки, и сигнализация. А то мед – и сразу большой ложкой. Наглый ты, Белоусов. Мелкий, но наглый.

Белоусов чуть не подавился от возмущения. Уж попрекать его малорослостью давно никто не смел. Зарубили на носу, что себе дороже.

Тинэйджер усмехнулся, надел пустые сумки на плечо, помахал Белоусову рукой и, посвистывая, вышел из кабинета. В приемной он окинул оценивающим взглядом длинноногую Олечку, хмыкнул, шумно втянул носом воздух, вышел и исчез в неизвестном направлении.

– Подонки из Отпавших королевств собираются построить с помощью бандитов из «Барса» Машину, которая будет преобразовывать одни химические элементы в другие. Например, свинец в золото. Или железо в плутоний. Практически без затрат энергии, – объяснил Лунину пришелец из Авенора, когда они позавтракали и уселись в тени деревьев отдохнуть перед трудным днем. – Так, во всяком случае, они объясняют дело своим подручным. И мы обязаны им помешать.

– Без затрат энергии? – удивился Сергей, даже не поинтересовавшись, откуда Ульфиус добыл информацию. – Это же прорыв в физике! Нобелевская премия, как минимум. А как быть с законами сохранения?

– В законах и дело, – вздохнул Ульфиус. – В мире нет ничего, кроме магии. И, по большому счету, закон сохранения энергии соблюдаться не должен. Ведь и Вселенная возникла, можно сказать, на пустом месте. Но для материальных миров были введены ограничения. Тот же закон сохранения энергии. Потому что откроет кто-то источник энергии без ограничения – и мир нагреется так, что вся материя в тартарары пойдет. Или, напротив, замерзнет полностью. Ну да что я тебе объясняю? Ты физик!

– Надо полагать, и другие миры есть, нематериальные? – поинтересовался Сергей.

– Да сколько угодно, – пожал плечами Ульфиус. – Мне, правда, бывать там пока не доводилось, но рано или поздно все туда попадем...

– Вот оно как! – воскликнул Сергей. – Потусторонняя жизнь, стало быть.

– Вроде того, – не уловив легкого сарказма физика, ответил магистр. – Или, напротив, полнота бытия...

Сергей решил не вдаваться в метафизическую дискуссию, а подробнее уточнить планы Ульфиуса. Он положил пакеты с остатками продуктов в машину, потом обратился к сидевшему на травке магистру:

– Как будем действовать? И зачем я тебе нужен, если ты сам можешь этих бандитов уничтожить?

Ульфиус потянулся и вздохнул:

– Мои возможности не безграничны. В вашем краю мне гораздо тяжелее работать со Словом, и какой-нибудь темный магистр вполне может меня одолеть. Даже наверняка одолеет, если я полезу напролом. Действовать нужно не силой, а хитростью. К тому же полагаю, что создание Машины – только часть большого замысла. Насчет трансформации элементов это враги бандитам наговорили, которые Машину строят. Надо же их подкупить... А потом и в расход пустят, не задумавшись. Но просто так Темные никому подарка делать не станут. В чем заключается их истинный замысел, мне пока понять не удалось.

– Ты говоришь – подарок. Но действительно, что плохого в том, что у нас появится такая замечательная Машина? – спросил Лунин.

– Бойтесь данайцев, дары приносящих,⁴ – ответил Ульфиус.

Лунин удивленно поднял бровь. Откуда магистр знает греческую мифологию?

– От новой Машины будет какой-то вред?

– Всенепременно. Сначала польза, потом – вред. Как всегда. Скорее всего, дела будут продвигаться не столь прямолинейно: построили Машину, получили ущерб. По-видимому, враги затеяли многоходовую комбинацию. Темные коварны и изобретательны. Мне не всегда удается распознать все их замыслы. Вот те же компьютеры – пока от них одна польза. Но придет время, и они ввергнут мир в полный хаос. Это возможно уже сейчас, но ваши противники ждут, когда вы станете без них беспомощны. Тогда магистр, создавший их, даст команду, и все они просто перестанут работать.

– Так уж и перестанут, – не поверил Сергей.

– Может быть, у них и другие планы, – не стал возражать Ульфиус. – Это тайна за семью печатями. Но ничего хорошего от ваших вычислительных машин и глобальных компьютерных сетей я не жду.

– Ты уверен, что новую Машину строят ваши Темные, а не наши бандиты?

– Не «ваши Темные», а просто Темные. Они такие же мои, как и ваши. Неужели после того, что ты увидел в квартире Наташи, сомневаешься?

Ульфиус недовольно поморщился, распахнул дверцу «лексуса» и, не пристегиваясь, удобно расположился на переднем сиденье. Сергей сел за руль и потихоньку тронулся в сторону трассы. Грунтовая дорога изобиловала ямами, и Сергей едва прикоснулся к педали газа. Магистр, сменив гнев на милость, продолжил:

– Ты никак не можешь меня понять. Они объяснили своим партнерам, продавшимся людям, что Машина будет преобразовывать элементы. Но что она будет делать на самом деле – неизвестно. Может быть, взорвет весь город. Или будет сбивать самолеты с курса. Или воздействовать на психику людей. Трансформация элементов повсеместно связана с проблемой философского камня. А философский камень способен очень на многое...

– Хочешь сказать, он и вправду существует? – удивился Сергей, внимательно вглядываясь в дорогу и пытаясь объезжать многочисленные ухабы.

– Конечно. Типичная механистическая магия. Темная, зловещая, но вполне реализуемая...

– И как же я один против философского камня? – с улыбкой спросил Сергей.

⁴ С такими словами обратился к троянцам жрец Аполлона Лаокоон, умоляя их не брать построенного по совету хитроумного Одиссея огромного деревянного коня, в котором спрятались греческие воины.

Ульфиус его сарказма не принял:

– Надеюсь, тебе придется иметь дело только с бандитами. От магов я тебя постараюсь прикрыть.

– Хорошо. Но бандитов много. Машину ведь охраняют?

– Наверняка охраняют. И, если на то пошло, не только маги и не только бандиты. Но придется справиться.

– Ты мне заклинаниями поможешь? – вновь усмехнулся Сергей. – Невидимостью или супероружием?

Ульфиус покачал головой:

– Этим я помочь не могу. Во всяком случае, в полной мере. Моя магия наверняка будет сразу обнаружена в том месте, где строится Машина. И, скорее всего, нейтрализована. Слишком надеяться на магию не стоит. Чистый клинок – вот лучшее оружие.

– Что же, мне ее саблей порубить, Машину их сатанинскую? – поинтересовался Сергей полусуто.

– Нет, не саблей. Можно использовать все доступные средства. Думаю, мы применим взрывчатку. И то оружие, которое у вас в ходу.

– Но у меня ни взрывчатки, ни другого оружия нет! – воскликнул Сергей. – И в магазине взрывчатка не продается! У нас не Америка...

– Ничего, добудем, – улыбнувшись, уверенно сказал Ульфиус. – Для этого нам пользоваться магией не возбраняется. Но сначала нужно замести следы.

Машина выехала наконец на твердую дорогу. Сергей вдавил педаль газа.

В деревне было очень жарко. Только ночью из леса приходила спасительная прохлада. Жизнь протекала на удивление спокойно – хотя с того момента, как появилась Наташа с котенком, в Деревне Посреди Леса шел сплошной праздник.

Наташе в поселении отвели отдельную хижину, предоставили полную свободу, но слишком часто – по крайней мере утром и вечером – настоятельно просили прибыть с Мяу на ритуальные праздники. Обычно праздники проходили у большого камня Имманен посреди деревни. Местные были уверены, что он упал с неба. Точнее, был воздвигнут посреди деревни высшими силами, которые принесли его с неба для им одним ведомых целей.

Иногда торжества имели место у какого-нибудь дерева в лесу, редко – на берегу ручья. В остальное время девушка была предоставлена самой себе. Она могла доверить котенка жрецу или его жене и отправиться куда глаза глядят. Никто ее не удерживал.

Поскольку Наташа не успела придумать котенку имя, она решила называть его так, как все, – Мяу. Чем не имя для кошки? О Мяу все заботились и готовы были выполнить любое пожелание котенка, высказанное через его хозяйку. Но, к сожалению, местные жители не знали, что такое молоко, и котенка приходилось кормить размоченными в воде хлебными лепешками. Ему такая диета была не слишком по душе.

За два дня, что Наташа провела в деревне, она познакомилась со многими ее обитателями. Жрец, когда он был не на службе, оказался спокойным разговорчивым мужчиной, не слишком склонным к догматизму. Иногда он даже мог позволить себе погладить котенка, так как Наташа объяснила, что тому нравится, когда с ним играют. Звали жреца Тхор. Его жена Норали утром и вечером носила Наташе еду. Она же подобрала ей длинное самотканое платье, больше подходившее для участия в обрядах, чем шелковый халатик.

Неподалеку от хижины Наташи стояла хижина пожилого ткача Дрома. У ткача было большое семейство – пять дочерей и два сына. Три младшие дочки жили с родителями. Они часто заходили к Наташе поболтать, вели себя почтительно, но без подобострастия. Жена ткача, толстая и благодушная Амма, приходила за дочерьми, чтобы они не беспокоили Нашедшую Мяу.

Но сама, не удержавшись, начинала разговор, как правило, о домашнем хозяйстве и детях, и задерживалась надолго.

Познакомилась Наташа с гончаром Крумху, с прядильщицами Энну и Амаль, а также с несколькими мужчинами и женщинами, которые выращивали овощи. Жизнь в деревне, за исключением праздничных часов, текла размеренно и неторопливо. Наташу никто не спрашивал, откуда она появилась, как нашла Мяу и почему решила остаться в деревне. Подразумевалось, что так оно и должно быть.

Сама Наташа пыталась больше узнать о мире, в который она попала. То, что она не на Земле, было ясно. Хотя ничего слишком необычного здесь не встречалось, но овощи росли совсем другие. Самваны, видом походившие на дыню, на вкус невозможно было отличить от огурцов. Баламан, гроздьями висящие на кустах плоды, напоминали вкусом картошку. И, наконец, тут росла бимюза – дивное растение с фиолетовыми листьями, достигавшее трех метров в высоту и формой походившее на кукурузу. Оно было буквально усеяно початками – только были они в три раза больше, чем у земной кукурузы, и усеяны зернами втрое меньшего размера. Да и солнце здесь было больше и ярче, чем в ее родном мире.

Из разговора с местными жителями Наташа выяснила не слишком много о крае, в который она попала. Если верить рассказам жителей Деревни Посреди Леса, кроме них, людей вокруг вообще не имелось. Лишь далеко, за лесом, в бескрайней саванне жил некий Бонуций, о котором местные отзывались с большим уважением, но который их сильно раздражал. Обитали неподалеку и еще какие-то существа, но жители деревни не особенно охотно о них говорили. Точнее, их этот вопрос мало интересовал, и они мало что могли сообщить по поводу своих соседей. Однако появление Наташи, которая явно была человеком, никого не смутило. Ей даже не задали вопроса, откуда она появилась, хотя люди больше нигде здесь не жили. Девушке это казалось нелогичным, но в Деревне Посреди Леса логика вообще была не в почете.

Занятия местных не отличались разнообразием. Они выращивали овощи и злаковые, собирали в лесу плоды, которые сушили и заготавливали впрок, а также поедали сырыми. Еще они разводили пчел, искали в лесу и косили растение, похожее на коноплю, из которого получали грубую ткань. Были здесь и плотники, и даже кузнец Тахарин – суровый и властный мужчина. Секретами ремесла он ни с кем не делился и в хижину свою, а также в кузню никого не пускал.

Но основным времяпрепровождением местных были разговоры. Как только выдавалась свободная минутка – а выдавалась она часто, так как огороды не требовали особого ухода, дожди шли обильно, сорняки и вредители растения не беспокоили, – люди обсуждали самые разные темы, начиная от видов на урожай зерна и заканчивая тем, в какую сторону был с утра повернут хвост Мяу. Обо всем они говорили с большой многозначительностью. Целый клан составляли ученые, которые проводили время в спорах и учили детей. Некоторым из них не возбранялось даже не посещать празднества с поклонениями Мяу. С Нашедшей Мяу они не слишком общались, ссылаясь на великую занятость. Насколько могла судить девушка, озабоченный вид был напускным. Ученые бездельничали так же, как и остальные.

Сначала Наташе понравилось в Деревне Посреди Леса. Конечно, она беспокоилась о Сергее, об Ульфиусе, в конце концов, о том, что скажут на работе по поводу ее отсутствия. Но, с другой стороны, здесь ее вряд ли могли найти и Кравчук, и его мерзкие друзья. А Наташе надо было выждать время и отдохнуть.

Три дня девушка загорала на лужайках, бродила по лесу с детьми, которые показали ей вкусные и сочные плоды бамбанов, вкусом напоминавших манго. Их взрослые не заготавливали впрок, так как брызжущие соком плоды невозможно было высушить. Наверняка из сладких плодов получилась бы отличная брага, но горячительных напитков в Деревне Посреди Леса не производили. Наташа и не пыталась научить местных чему-то предосудительному, хотя, как цивилизованный человек, была хорошо знакома с соблазнами промышленно развитого обще-

ства. В частности, с технологией самогонварения. Она просто наслаждалась жизнью – по пять раз в день купалась в речке и болтала с местными кумушками.

Но недаром Наташа была журналисткой. Ее начало одолевать любопытство. Никто в деревню не приходил, никто из нее никуда не ездил. А на вопросы о том, что же делается в других частях леса и за его пределами, местные пожимали плечами и отвечали: время странствий еще не пришло.

К концу четвертого дня Наташа заявила о своем намерении покинуть деревню. Судя по тому, что в обиходе местных жителей встречались прекрасные стальные ножи, стеклянные изделия и хорошие ткани, они жили в лесу не одни. Где-то здесь была и более развитая цивилизация. Возможно, одним из ее представителей являлся загадочный Бонуций.

– Я собираюсь уйти из Деревни Посреди Леса, – сообщила девушка жрецу. – Потом я, возможно, вернусь.

– Но это совершенно невозможно, – ласково ответил Тхор. – Ты – Нашедшая Мяу, и мы не собираемся отпускать тебя, потому что ты унесешь с собой нашего кумира.

– Вопрос легко решить, – ответила Наташа. – Я вижу, что вы относитесь к Мяу с большим почтением и любовью. Я оставлю его вам.

Глаза жреца загорелись:

– Правда?

– Разве я когда-нибудь вас обманывала?

– А кому ты оставишь Мяу?

– Да твоей жене, например.

Жрец вздохнул:

– Заманчиво, но община не согласится. Я и так жрец. Слишком много власти сосредоточится в руках моей семьи.

– Ну, тогда тому, кого выберет община.

– Да, так будет правильно, – согласился Тхор. – Но ты пока никому не говори о своем решении. Нужно предварительно со многими перемолвиться... И тогда мы определим Заботящуюся О Мяу. До твоего возвращения.

– Я буду ждать только до следующего утра, – предупредила Наташа. – Мне надо отсюда выбираться.

Героин удалось продать выгодно. Связавшись с оптовыми торговцами из Москвы, Белоусов заработал на партии порошка два миллиона двести тысяч долларов. Клиенты из столицы прежде имели дело с Кравчуком, который выдавал героин за афганский, полученный на новом подпольном заводе, и торговались только для приличия. Олег Семенович отнес такое везение на счет своих таинственных покровителей. На самом деле поставляемый Кравчуком наркотик считался высококлассным и продавался дороже, чем прочие аналоги зелья. У наркочилеров уже существовала своя клиентура, которая к нему привыкла и была готова платить хорошие деньги. А Кравчук в свое время был не настолько глуп, чтобы отдавать первосортный товар задешево. Загадочным партнерам он указал одну цену наркотика, с покупателей брал совсем другую. Белоусов даже продешевил, сбывая партию героина московским мафиози.

Двести тысяч Белоусов положил в свой карман, остальное употребил для дела – выдал требуемую сумму технарям, работающим над Машиной, затеял большой ремонт на хозяйственном дворе, а кое-что положил в сейф, рядом с телефоном.

Труднее оказалось купить золото и сбыть фальшивые доллары. Конечно, золото можно было взять в банке, в слитках. Но высокопробное золото в слитках стоило гораздо дороже, плюс акцизный сбор. А лом можно было скупать за бесценок. Агенты Белоусова занимались этим во многих городах.

Сомнений в подлинности поддельных долларов у тех, кому они продавались, не возникло. Однако обменять сразу миллион оказалось задачей не из легких. Меняя даже по пятьсот долларов (а к людям, продающим пятьсот долларов, в меняльных конторах относились уже с некоторым интересом, лучше было менять сто-двести «зеленых»), нужно было совершить две тысячи операций. Чтобы проверить сделки за несколько дней, требовалось подключить всех работников «Барса». Но половина из них с пятьюстами долларами убежали бы, куда глаза глядят. В первые три дня Белоусов и его доверенные люди разменяли двести тысяч, а остальные директор отложил на черный день – впрочем, по мере возможности от них избавляясь.

Через три дня после встречи с тинэйджером-посланником Белоусову удалось скупить тридцать килограммов золота пятьсот восемьдесят пятой пробы. Подпольные торговцы на рынке во многих окрестных городах баснословно нагрели руки, сбыв самый залежалый лом. Золото взлетело в цене. По ценам черного рынка Белоусов должен был своим поставщикам триста килограммов, но Олег собирался поторговаться и сойтись с ними на ста.

Жарким летним вечером (звонить днем новым друзьям не поднималась рука) Белоусов вновь заперся в кабинете и снял трубку со зловещего пластмассового телефона. Исполняющему обязанности директора «Барса» казалось, что даже в самую сухую жару трубка остается холодной и от нее веет сыростью.

В трубке долго молчали, потом раздалось покашливание.

– Я по поводу золота, – сообщил Белоусов. – И собак...

– Собрал уже золото? – спросил на другом конце голос, лишенный всяческих интонаций.

– Не все, но собрал. Изделия, монеты, слитки. Тридцать килограммов.

– Ты нас за дураков не держи. Что нам твои тридцать килограммов?

– Товар дорожает. Думаю, ста килограммов вам должно хватить.

– Сто – мало, – сообщил голос. – Сто пятнадцать. Одна мерная мера. Знаем, конечно, что деньги ты воруеть, да только и тебе жить надо... – Собеседник Белоусова впервые за весь разговор мерзко хихикнул.

– Через неделю будет, – пообещал Белоусов, воодушевленный успехом. – Вы курьера пришлете?

– Жирно тебе будет – каждый раз курьера присылать. Дорого. Транспортные расходы высоки. А все, что собрал, чтобы к рукам не прилипло, сегодня же и отдашь.

– Кому я отдам, если курьера не будет? – удивился Белоусов. Внутренне он похолодел – может быть, какая-то тварь внедрена в «Барс» и все время следит за ним?

– Отдашь, – прогнусил голос. – Пойдешь на старое кладбище, что в Железнодорожном районе. Найдешь там могилу Льва Михайловича Савельева – большой черный памятник. Рядом с ней – заброшенная могилка. Вот в нее на глубину и закопаешь золотишко... Чем глубже, тем лучше. Самое меньшее – на три штыка, чтобы собаки не разрыли. Собаки есть до золота охочие – страсть...

Белоусов белиберду про собак пропустил мимо ушей. Его передернуло.

– Это обязательно? Упрут золото с кладбища. Там бомжи отираются, у них святого ничего нет.

– О бомжах не будем, – проскрипел голос. – У некоторых из них святого больше, чем у тебя. А за сохранность не беспокойся. Как в земле золото окажется, мы за него в ответе. Ты, главное, донеси. А тогда и об охране поговорить можно будет. Слышно, кто-то под наш проект копает. Так что поможем мы тебе. Ну, давай, ждем.

Трубка глухо замолчала.

Увидев мутантов, неспешно направляющихся к нему, Кравчук поспешно вскинул в их сторону трубку, отобранную у поверженного врага. Он нашел спусковой крючок и полагал, что сможет применить неизвестное оружие. Потеха, конечно, будет, если на нем есть предохрани-

тель или если оно не заряжено. Но на этот случай имеется верный обрезок трубы. Появившись из-за откоса твари, похоже, не были вооружены.

– Стой где стоишь! – крикнул Кравчук. Хотел крикнуть грозно, но получилось сипловато, жалко.

Можно было, конечно, стрелять сразу. Но дерни за крючок – а ружье не выстрелит? Тут твари на него и накинута. А если они здесь вообще не одни? Владимир Петрович решил блефовать.

Мутанты, которые и до того были не слишком резвы, остановились как вкопанные, а потом их суставчатые ножки подогнулись и они распростерлись на земле, уткнувшись цилиндрическими головами в мох.

– Выражаем покорность, сильный – могучий – властный, – послышался как бы издали голос. – Не делай нам плохого. Мы отверженные – проклятые – изгнанные.

Последние слова звучали странно, словно варианты, зачитываемые автоматическим переводчиком.

– Вашего я пришиб, – сообщил Кравчук. – Не жалко? Мстить не хотите?

– Надсмотрщик – сторож – соглядатай – не наш, – прозвучал голос. Теперь Кравчук был уверен, что говорили мутанты или один из них, но слова как будто рождались у него в мозгу.

– Мы сами бы его пришибли, но у него было оружие – сила – власть, – заметил другой голос, отличающийся от первого. Наверное, говорил второй мутант.

– От меня вы что хотите? – подозрительно спросил Кравчук.

– Служить тебе. А ты покормишь нас. Ибо большого котелка много на одного человека, а к утру еда пропадет – испортится.

– Твари мерзкие, – проворчал Кравчук. Он поднял ружье, прицелился в лежащих мутантов и хотел уже нажать на спусковой крючок, но что-то остановило его.

«У них, по крайней мере, можно узнать, куда я попал, что здесь такое и кто они такие, – решил вдруг Владимир Петрович. – Расправиться с ними я всегда успею».

– Подойдите и сядьте, – приказал он. – Спиной ко мне. Когда наемся, дам котелок вам.

Мутанты безропотно приблизились. Запах от них шел вовсе не ароматный, но не такой сильный, как у того, которого директор убил недавно.

– Спасибо, господин – повелитель – начальник, – снова сказал один из них. Как показалось Владимиру Петровичу, голос прозвучал благоговейно.

Серебристый «лексус» с красивым номером А033АА лихо подкатил к воротам воинской части № 52347 и остановился перед шлагбаумом.

– Поднимай, что ли, – недовольно бросил водитель замешкавшемуся дежурному – молодому лейтенанту.

– Вы к кому? – суетливо спросил он. – Мы вроде никого не ждем... Кому доложить?

– Ну ты даешь! – хмыкнул водитель, подмигнул дежурному и едва заметно скосил глаза назад. – Это же Устинов, заместитель губернатора, – заговорщицким шепотом сообщил он. – Давний друг вашего начштаба. Еще ночью должен был приехать. Тебе что, по смене не передали?

– Нет, я только час как сменился, – оправдываясь, доложил лейтенант. – Сейчас доложу. Открыть ворота! – приказал он солдатам, выбежавшим из караулки.

– Даешь! – повторил водитель, демонстрируя, что словарный запас его весьма ограничен. – Не беспокой командира. Шеф ему с мобильного только что звонил. Он, наверное, просто выйти не успел.

Лейтенант обалдело взял под козырек, глядя в лицо пассажира на заднем сиденье. Тот сидел со скучающим лицом, равнодушно кивнул военному и махнул рукой водителю: проезжай.

«Лексус» въехал на территорию части и покатил по чисто выметенным дорожкам.

– Теперь куда? – вздохнул Сергей, сбрасывая маску туповатого шофера. – Где у них оружие, взрывчатка? Нам что, на каждый склад заходить?

– Я могу определить, – ответил Ульфиус. – Поворачивай направо. Теперь прямо. Вот и склад. Здесь и оружие есть, и боеприпасы.

Уже три дня Лунин и магистр из Авенора «заметали следы». Проехали около тысячи километров. Ульфиус удовлетворенно потирал руки – магию он почти не использовал, так что враги наверняка потеряли его из вида. В том, что их ищут, он был уверен.

Военный городок, в который они въехали, находился в двухстах километрах от родного города Сергея Лунина. Здесь не могло быть засады. Хотя бы потому, что они сами только что решили грабить именно этих военных. А прикрыть все военные городки в радиусе трехсот километров – именно на такое расстояние товарищи отъезжали от города – было невозможно. Да и кто мог прознать о том, что они планируют заpastись взрывчаткой и оружием?

У тяжелых приземистых дверей оружейного склада стояли двое часовых. Они с интересом разглядывали подъехавшую дорожную машину.

– Этим я не знаю, что соврать, – признался Сергей. – Часовой – лицо неприкосновенное и к разговорам не склонное. А нам ведь еще взрывчатку выносить. Что делать будем? Невидимым меня можешь сделать?

– Отчего нет? Для солдат ты уже невидим.

Сергей быстро заехал за угол – было бы странно, если бы в автомобиле открывались двери и из него никто не выходил.

– По замкам ты не мастер? – спросил он Ульфиуса, аккуратно захлопывая свою дверцу.

– Мастер, – вздохнул магистр. – Что бы ты без меня делал? Нечестно немного получается...

– Без тебя я попытался бы купить взрывчатку на проходной. Но это рискованно и долго. И так три дня ждем. И вообще, без тебя я, скорее всего, не влез бы в эту историю.

– Ладно, пошли.

Они пробрались невидимками мимо солдат, проскользнули в полуоткрытую дверь подземелья, где возились несколько военных.

– Ты в земном оружии разбираешься? – спросил Ульфиус. – Для меня все ваши придумки – одно зло механическое. Нам бы хорошо что-то мощное. Желательно, чтобы расплавить там все начисто.

– В российском – разбираюсь немного. Все-таки учился военному делу.

– Хорошо, – кивнул магистр.

Сергей принялся исследовать содержимое ящиков, стоявших прямо на бетонном полу.

– Ну и разгильдяйство, – заметил он. – Что у них, отдельных хранилищ нет?

– Почему же? – спросил Ульфиус. – Вон дверей сколько, и все запертые. Там, наверное, по сортам все лежит. А здесь – то, что только что привезли. Или увозить собираются.

Сергей обнаружил несколько ящиков с осколочными гранатами, взял пяток – про запас. Но найти он хотел кумулятивные гранаты, зажигательные пашки и взрывчатку помощнее.

– Давай открывать двери, – сказал он.

Ульфиус подошел к первой бронированной двери и щелкнул пальцами. Внутри скрипнуло, и дверь сама собой приоткрылась.

– Хорошие замки, совсем без магии, – прокомментировал магистр. – Одно удовольствие работать. А то пока заклинания обезвредишь, семь потов сойдет.

– Да уж, до магии в наших войсках пока не дошли, – согласился Сергей. – Остальное все есть.

За первой же дверью друзей ожидала удачная находка. У стены стояли автоматы Калашникова, в дальнем углу – ящик со снаряженными рожками.

– Хорошо мы зашли. Пригодится, – заметил Сергей, беря из пирамиды два автомата, один из которых был оснащен подствольным гранатометом, и довольно бесцеремонно навешивая их на Ульфиуса.

– Мне еще в ящиках копать, – пояснил он.

В объемистую сумку, где лежали гранаты, Сергей начал кидать рожки с патронами. Приватил и несколько гранат для гранатомета.

– Нам нужно так много? – с притворной наивностью поинтересовался Ульфиус, когда Сергей опускал в сумку десятый рожок.

– На полчаса интенсивного боя хватит, – с гордостью заметил аспирант. Такой кровожадности прежде за ним не замечалось.

– Ты что, собираешься полчаса с кем-то биться? Я полагал, что успех нашего предприятия – во внезапности. Если ты не сможешь сделать ничего сразу, они соберут силы и шансов у тебя не будет вообще никаких.

– Действительно, – вздохнул Сергей. – Увлекся. – Он выкинул из сумки пять рожков.

– Два автомата зачем? – спросил магистр.

– Вдруг один поломается, – оправдался Сергей. – Выберу, какой лучше. Один, опять же, с подствольником. Сообразим, какой брать.

За следующей дверью ничего интересного не оказалось, за третьей расхитители военного имущества снова нашли противопехотные гранаты и патроны. За четвертой дверью наконец обнаружилось то, что искали, – взрывчатка. Правда, что это за взрывчатое вещество, Сергей не определил. На армейских сборах он со взрывчаткой дела не имел. Да и детонаторов не было.

– Поищем гранаты, – предложил он, с тоской глядя на увесистые бруски. – И детонаторы не нужны будут.

Открыли еще несколько дверей. За одной наконец-таки нашлось несколько огромных ящиков с противотанковыми кумулятивными гранатами.

– Тяжелые, – поморщился Сергей, складывая гранаты в сумку. – Но бросишь такую в комнату – пожар обеспечен. И выгорит все дотла. Машину вообще разнесет, как я полагаю.

– Ее руками бросать надо? – спросил авенорец, разглядывая большой цилиндр гранаты.

– Руками. Я думаю, еще со старых времен эти гранаты остались. На сборах, помнится, мы похожими болванками в танки кидались. Тоже, я тебе скажу, развлечение, когда танк сверху тебя проходит...

– Нормальное оружие. Добротное, – сообщил вдруг Ульфиус.

Лунин только пожал плечами:

– Да уж не противопехотные мины, которые человека калечат. Нам бы гранатомет «Шмель» найти. Или термитные пашки, на худой конец.

– Будем искать, – предложил авенорец.

– Да есть ли они здесь?

– Тебе виднее.

Открыли еще несколько дверей, но ни гранатометов, ни пашек не нашли.

– Пора двигать отсюда, – заметил Сергей, присматриваясь к активности военных, бродивших по складу. – Комиссия скоро выйдет подкрепиться, дверь запрут. И как мы тогда будем выходить?

– Да, мимо часовых неудобно, – согласился магистр.

– Нашли бы «Шмель» – милое дело. Выстрелил в окно – и все дела. Любое помещение дотла выжжет, – размечтался Сергей, подразумевая предстоящий бой с охранниками «Барса».

– Нет, так просто вопрос не решить, – покачал головой Ульфиус. – У них защита против таких подарков должна быть. Доверять можно только мечу. Да и то не всегда.

С наполненной сумкой и автоматами товарищи прошли мимо часовых, но возле «лексуса» их ждал неприятный сюрприз. Вокруг автомобиля столпились солдатики, разглядывая шикарную иномарку и обмениваясь мнениями.

– Как садиться будем? – спросил Сергей. – Невидимыми – не получится. А видимыми – неудобно с сумкой. Тем более – с автоматами.

– Не проблема, – помедлив мгновение, изрек магистр.

Сумка Лунина тут же превратилась в изящную барсетку – правда, весившую килограммов сорок. Автоматы превратились в теннисные ракетки.

Заметив хозяев «лексуса», собирающихся, по всей вероятности, на теннисный корт, солдаты почтительно расступились. Один, самый наглый, признав в Сергее лицо подчиненное, скромно попросил закурить.

– Порядки нынче в армии, – вздохнул тот. – Не курю, товарищ. Спортсмен. И тебе не советую.

Бесшумно тронувшись с места, «лексус» подкатил к проходной, где лейтенант, уже не задавая вопросов, поднял шлагбаум и встал навытяжку.

– Должно быть, думает, что и начштаба с нами, – предположил Сергей.

– Едем на восток, – предложил Ульфиус. – Есть еще много дел.

Олег Семенович Белоусов не был трусливым человеком. Суеверным – да. Но в суеверии его была одна сильная сторона. Он считал, что с любыми силами, даже сверхъестественными, можно договориться. Он боялся тех же привидений не безотчетно, а потому, что они могут принести ему вред. Если бы привидения (даже самые отвратительные и злобные) были ему полезны, Белоусов только обрадовался бы их появлению.

Однако совсем недавно кто-то искрошил его боевиков, некий маг пытался спалить их всех огнем и даже победил могучего союзника. Да и вообще, кладбище – не самое приятное место. Белоусов, взрослый мужчина, бандит, убивший множество людей, боялся идти на тихий погост, хотя на улице только начало вечереть.

Собираясь Олег основательно. С собой он брать никого не решился – золото не пролежит в земле и двадцати минут, что бы ни говорили его таинственные друзья. Надеяться можно было только на себя. Да и то – не полностью.

Под пиджак Белоусов надел легкий кевларовый бронежилет, в яркий туристический рюкзак уложил золото, в спортивную сумку – автомат «Узи», заточенную саперную лопатку, которую можно было использовать не только по прямому назначению, но и как холодное оружие, и мощный фонарик. На пояс повесил кобуру с револьвером, к ноге под брюками примотал нож. И все равно было страшно.

К кладбищу подъехал в сумерках. Самое мерзкое время. И не светло, и не темно, и, главное, ничего не видно. Ничего особенного на кладбище вроде бы не происходило. Бомжей здесь было мало – кладбище почти заброшенное, поживиться удастся редко. Прохожие тут ночью не появлялись.

Белоусов достал из сумки «Узи», держа его наперевес, долго ходил между могил, светил фонариком во все стороны, чертыхался, искал нужную. Наконец едва не налетел в темноте на огромный памятник из черного гранита. Памятник был спокойный, умиротворяющий. С него прямо в глаза Олегу смотрел красивый благожелательный мужчина лет шестидесяти.

– Ишь ты, никогда бы не подумал, что он за них, – вздохнул Белоусов и тут же понял, что предположение глупое. Конечно же, покойный Лев Михайлович не имел к темным делишкам его новых товарищей никакого отношения.

А вот могилка рядом с ним сразу показалась Белоусову жутковатой. Креста на ней не было, землю словно разворотила неведомая сила. Сплюнув через плечо, Олег положил авто-

мат на землю, переключил фонарь в режим стационарного освещения, пристроив его рядом с памятником Савельеву, достал саперную лопатку и принялся копать.

«Надо было кого-то с собой взять, – пришла к Белоусову запоздалая мысль. – Не очень ценного. Заставить копать, а после и положить рядом с золотом. Для верности».

– И правильно, – раздался в мозгу жуткий, чужой голос. – Что самому надрываться?

Белоусов лязгнул зубами, оглянулся по сторонам, не увидел никого и принялся копать еще усерднее. Земля на глубине была черная, жирная – совсем не такая, как сверху.

Через полчаса он вырыл яму внушительных размеров, вспотел и запыхался – работать физически не приходилось давно. В яму вполне мог поместиться рюкзак, и сверху осталось бы столько же места.

– Пожалуй, хватит, – решил Белоусов.

Теперь ему уже не было страшно, и если он чего и опасался, так только того, что кто-то застанет его за таким странным занятием, как разрывание старой могилы. Можно было бросить золото в яму вместе с рюкзаком, но Белоусов проявил жадность, столь свойственную некоторым людям. Закапывая в землю по меньшей мере три миллиона, он пожалел пятьсот рублей, потраченные на рюкзак. Директор «Барса» отложил лопату в сторону, к автомату, вытащил из рюкзака плотный полиэтиленовый пакет с золотом и аккуратно опустил пакет в яму, которая пришлась как раз впору.

Порадовавшись, что неприятное дело почти закончено, Белоусов обернулся за лопатой и застыл. Редкие волосы на его голове встали дыбом. Наступив огромной лапой на саперную лопатку, в двух шагах от Олега стоял чудовищных размеров пес с горящими красными глазами. Этими не по-собачьи умными глазами пес внимательно рассматривал гробокопателя.

Ранним утром Тхор разбудил Наташу.

– Пришла пора осуществить церемонию передачи, – сообщил он. – И ты увидишь, что наша глубокая благодарность не будет иметь границ.

– Вы уже определили претендента? – зевнув, спросила Наташа. Ей было смешно. Почти первобытная деревня, но какие интриги! И из-за чего – кто будет обладать маленьким котенком. Правда, единственным в своем роде.

– Да, – торжественно провозгласил Тхор. – Заботящейся О Мяу станет Трили, дочь гончара Крумху.

– Но она ведь еще маленькая! – удивилась Наташа. – Ей нет и десяти лет. Думаете, она справится? Вы так дорожите Мяу!

– Кто же даст ей Мяу в руки? – сдержанно улыбнулся Тхор. – Ухаживать за вместилищем духа божества будет моя жена. Трили будет только играть роль Заботящейся О Мяу на церемониях. Так будут соблюдены интересы всей общины.

Выйдя из хижины, Наташа обнаружила всех жителей деревни в праздничных нарядах у большого камня Имманен. Счастливая Трили в нарядном шелковом платье уже тянула ручонки к Мяу.

– Мне отдать ей котенка сразу? – спросила Наташа.

– Конечно нет, – ответил Тхор. – Сначала мы помолимся и споем.

Песни, пляски и молитвы затянулись на два часа. На деревню вновь опустилась жара, и Наташа, надеявшаяся, что к этому времени она успеет уже уйти далеко, затосковала. Под конец и сам Тхор уже с трудом ворочал языком.

– Теперь, Благословенная Нашедшая Мяу, передай наше сокровище избранной, Заботящейся О Мяу! – провозгласил он.

Наташа отдала Трили котенка, одуревшего от воплей туземцев, и вздохнула. Раздался дружный громкий вой, и местные начали расходиться. Трили была немного разочарована, когда котенка, которого она даже не успела погладить, забрала у нее суровая Норали. Впрочем, следующее празднество намечалось на вечер. Соскучиться девочка не успеет!

Наташа в сопровождении жреца и его жены, державшей Мяу на руках, отправилась к хижине, последние несколько дней служившей девушке приютом.

– Вы дадите мне еды в дорогу? – спросила Наташа. От местных можно было ожидать чего угодно, и Наташа решила на всякий случай справиться. Впрочем, отсутствие припасов ее не остановило бы: в лесу здесь можно было легко прокормиться плодами и ягодами.

– Не только еды. Всего, чего пожелаешь, – вступил в разговор Тхор. – Прекрасное обрядовое платье остается тебе. Также мы дарим тебе двадцать мер шумшу и поможем добраться до Бонуция, пользуясь старыми обетами. Потому что пешком тебе придется идти не один месяц.

Наташа удивленно подняла брови. Шумшу – плод, напоминающий абрикосы, туземцы активно собирали в лесу и сушили. Он служил у них заменителем денег. Конечно, его можно было и есть – по вкусу он напоминал курагу. Но такой щедрый подарок? Наташа уже уяснила, что мера представляет собой бочку средних размеров. Как она потащит такое количество шумшу? Или Тхор проявляет обычную вежливость? Кроме того, что значит «пешком не добраться»? Выходит, можно и по-другому? Но девушка ни разу не видела у туземцев ни повозок, ни верховых или вьючных животных, ни носилок.

– Ты ведь по-прежнему собираешься к Бонуцию? – уточнил жрец.

– Наверное, да.

– И это правильно. Ибо избранные должны повстречаться, – торжественно провозгласил Тхор. – А сейчас мы призовем каухури, и он поможет тебе преодолеть первый этап пути.

Наташа с интересом наблюдала за манипуляциями жреца. А он достал из своей сумы палку со странным болтающимся набалдашником, поманил женщин за собой и пошел к деревянной вышке, стоящей на некотором удалении от деревни. Наташа и Норали двинулись следом. Жена Тхора вздыхала.

– Побаиваюсь я этих каухури, – с дрожью в голосе сообщила она.

После заявления Норали побаиваться каухури стала и Наташа, хотя она понятия не имела, кто такие каухури или что они такое.

Тем временем Тхор взобрался на вышку, назначение которой было Наташе до той поры непонятно, и начал быстро крутить палку над головой. Раздался высокий, почти неслышимый свист. Наташе стало еще больше не по себе.

– Так-то ничего, – прошептала Норали. – А вот встретиться с каухури в лесу бывает жутковато.

Минут через десять в зарослях послышалось легкое движение, и к башне вышел волк раза в полтора больше обычного. Глаза его недобро горели.

«Уж не собираются ли они отправить меня к Бонуцию в виде призрака? – мрачно подумала Наташа. – Что же – очень удобно. И хлопот никаких, и долг выполнен. Собственно, не совсем ясно, кто такой Бонуций. А что, если это местный бог, обитающий в стране теней?»

Девушка почувствовала, как все в ней застывает от страха. Но нет, она будет драться и просто так не даст себя сожрать ни волку, ни кому-либо другому.

– Не так просто тебе будет меня слопать, – сообщила Наташа волку, сжав кулачки. Она судорожно вспоминала, в какие места нужно бить волка и как засовывать ему в пасть кулак. Когда-то она об этом читала.

Кравчук выхлебал половину котелка, добытого у мутанта. Еда была невкусная, но насыщала. Наевшись, человек сыто отрыгнул и протянул котелок тварям, сидевшим с другой стороны костра.

– Жрите, – предложил он. – Вы кто такие будете? И как вас сюда занесло? Что это за гнусное местечко?

– Тебя как сюда занесло – затащило – заманило? – поинтересовался мутант покрупнее, завладевая котелком. Кравчук уже научился распознавать их по голосам. Из складок одежды

твари выудили желтые ложки и начали шумно прихлебывать варево. На качестве речи процесс принятия пищи никак не сказался, поэтому директор «Барса» решил, что с ним общаются телепатически. О подобных вещах он слышал или читал в газете и ничего особенного в этом не находил – мутанты ведь все-таки.

– Много вас таких здесь?

– Каких – таких? – попытался уточнить мелкий.

– Ну, мутантов.

– Мутантов? – переспросил крупный. – Да ты пришлый – чужой! Что ж, всякое бывает – случается – происходит. Мы не мутанты, дружок – приятель – товарищ. Ты сам – лабораторный уродец – подопытный образец. Мы – виги.

– Что? Я – уродец? – возмущенно выкрикнул Кравчук, но не очень громко – после еды сердиться не хотелось. – Да кем ты себя возомнил, серорожий?

– Я – глина – грязь, – сообщил крупный виг. – Но по сравнению со мной – ты мусор – отброс – дрянь – падаль.

– Ладно, – согласился немного обалдевший Кравчук, решив, что убить наглеца он всегда успеет. Чего еще можно ожидать от таких мерзких тварей? – Что это за место?

– Друмур, – спокойно ответил крупный виг. – На свое горе ты оказался здесь – в нашем краю. Я бы на твоём месте уже на собственных кишках удавился – повесился – задушился.

– Что же здесь плохого? – спросил Кравчук.

– Виги, – ответил мелкий виг. – И само место плохое. Не чувствуешь – ощущаешь – понимаешь?

Кравчук прислушался к своим ощущениям – до сих пор было не до того. Чувствовал он себя действительно мерзковато. Постоянно накатывала глухая тоска. Вспоминалось хорошее, что было в жизни, но вспоминалось очень трудно, нить воспоминаний все время обрывалась, и это было мучительно больно. А темное багровое небо над головой нависало слишком реально и жутко.

«А что, если и правда отсюда выбраться не удастся?» – пронеслось в голове. От этой мысли Владимир Петрович пришел в такой ужас, что чуть не упал с воем на землю. Он никогда не думал, что способен так испугаться.

– Так ведь вряд ли выберешься – сбежишь – уйдешь, – заметил большой виг. – Тем более, караульного пристукнул. Уже наряд – дежурные – воины сюда едут – спешат.

– Кого он караулил? – поинтересовался Кравчук.

– Рагов, известное дело, – свысока ответил мелкий. – Раги сюда пробиваются – идут – пролазят, а им здесь делать нечего – не место.

– Ящеры такие? – переспросил Кравчук, вспоминая давешний отпечаток лапы.

Виги ничего не ответили, но Владимир Петрович понял и так – именно они. Почему только тон его собеседников так резко изменился?

Над головой человека и вигов раздался грохот, багровое небо закрыла тень огромного летательного аппарата – скорее всего, вертолета. Он завис рядом с костром, в метре над землей. Из аппарата высыпало несколько мутантов.

– Человек! – обрадованно воскликнул один из них. – Во плоти! То-то радости – счастья – удовольствия – вкуса будет!

– Он убил Тцмина, – сообщил мелкий.

– Не глупее тебя, – бросил ему виг, видимо, командир. – Ткцлин, займешь его место – должность – положение.

Он обращался к крупному вигу, который тут же подобострастно распростерся на земле.

– Отдай ему ружье Тцмина, орудие убийства, – приказал главный виг Кравчуку.

– Хрен тебе, – невежливо ответил Владимир Петрович, направляя ствол отобранного у убитого вига оружия на группу наглых тварей и нажимая спусковой крючок.

Когда Белоусов увидел над собой пса с горящими глазами, во рту у него мгновенно пересохло.

«Так Толстому руку просто откусили, – пронеслась в голове быстрая мысль. – Пистолет в кобуре, но достать его не успеешь... Да и не возьмет обычная пуля эту тварь!»

Пес оскалил огромные клыки, показывая черно-синюю пасть с красной подсветкой изнутри, и громоподобно зарычал. От рыка кровь стыла в жилах.

Олег начал потихоньку наклоняться – чтобы закрыть самую уязвимую часть шеи, на которую внимательно смотрел пес, и аккуратно достать из-под брюк финку. Когда он уже почти вынул нож, из-за памятника гражданину Савельеву вышел давешний тинейджер, смачно, едва не роняя слюни, жующий жвачку.

– Мы вот песика здесь выгуливаем, – дурашливо хихикнув и сглотнув, сообщил он. – Нравится собачка? Ты, Белоусов, не вздумай ее ножом пырнуть или там пистолет в ее сторону направить. Она тебя пока не знает и может расценить это как недружественный акт. И даже когда ты будешь с ней в дружбе, не советую так поступать. Мы сами ее немного боимся.

Заместитель директора «Барса» немного успокоился. Было, конечно, страшно, но уже не так. Все-таки собака принадлежит его новым хозяевам. Наверное, не нападет. Хотя от них всего можно ожидать – могут и специально натравить.

– За золотишком пожаловали? – спросил Белоусов.

– Нет, проверить, в то ли ты место его положил.

– Собачка сторожить будет? Большие деньги...

– Ты что, дурак, Белоусов? – спросил тинейджер, на этот раз – серьезным тоном. – Как ты себе представляешь такого пса посреди старого, но посещаемого кладбища? Тут легенд о собаке Баскервилей не ходит – и нечего их разводить. Пока.

– Зачем же тогда пожаловали? – подобострастно спросил Белоусов, словно бы и не слышал оскорбления.

– Куда хотим, туда и жалуем, – холодно ответил подросток. – Собаку тебе привели – не ясно, что ли? Ты усиление просил? Вот и получай. Пес твоих десяти автоматчиков стоит. Он и не спит почти. А если спит – то еще опаснее.

– Сигнализацию тоже передали?

– Установим и сигнализацию, – нагло заявил паренек. – Главное, не верещи.

– Слушай, а ты что, очень крутой? – спросил Белоусов, которому вдруг показалось обидным, что сопливый пацаненок так нагло с ним разговаривает. Момент был не самый подходящий, и Белоусов это понимал, но сдержаться не смог – видимо, сказывалось нервное напряжение, которое он испытал при встрече с псом.

– Нас называть только на вы, – холодно и хмуро сообщил тинейджер. – Впредь таких заявлений не делать. Иначе будет худо.

– Что, собаку на меня натравишь? – спросил Олег Семенович.

– Хуже, – ответил подросток, делая шаг в сторону Белоусова. Двигался он, вихляясь, одно слово – мальчишка. Белоусову надоело терпеть унижения от такого мальчика. Если бы хозяева прислали громилу, или старика, или, наконец, обычного мужчину – того же альбиноса – было бы легче. Но вшивый недомерок заместителя директора «Барса» просто бесил. Белоусов, не задумываясь о том, что собака может вступить за хозяина, неожиданно, без предупреждения, снизу вверх рубанул ладонью по горлу подростка.

Сергей остановил «лексус» в очередной пыльной лесополосе. Они с Ульфиусом долго искали речку или пруд, ничего не нашли и решили перекусить и разобрать добытое снаряжение в первом попавшемся безлюдном месте. Сергею такая жизнь начала надоедать. Купались они исключительно в природных водоемах, отчего кожа и волосы сильно пахли тиной.

Спали в машине или на траве. Точнее, Ульфиус всегда спал на траве, сотворив вокруг стоянки защитный круг, а Сергей поступал по-всякому. Почему нельзя было остановиться в кемпинге или в гостинице, Лунин не понимал. Ночуя под открытым небом, они привлекали гораздо больше внимания. Но Ульфиус настоял на своем: в лесу и в поле безопаснее.

Ульфиус начал раскладывать еду, а Сергей перебирал оружие. Противотанковые гранаты ему особенно понравились – в руке они лежали хорошо, надежно, их холодный вес вселял уверенность.

– Когда дело закончим, одну нужно будет оставить – для машины, – заметил он, подбрасывая в руке тяжелую болванку. – Ездить на ней больше нельзя будет, а чтобы кому-то досталась – жалко. Хороший автомобиль...

– Да, – согласился Ульфиус. – Я постарался. Но он никому не достанется.

– Точно. Гранату в капот – и машину на свалку, – подтвердил Сергей. – Надо же, до чего хорошо японцы машины делают – ни разу даже в двигатель не заглянул. И не заправлялись еще ни разу, хотя тысячу километров проехали. Даже не думал, что здесь такой маленький расход бензина... Или очень большой бак...

Ульфиус сидел на траве и улыбался. Сергей понял, что насчет японцев сморозил глупость.

– Понятное дело, всякие колдовские штучки. – Он пристыженно опустил глаза. – И бензина, наверное, поэтому мало уходит. Надо хоть двигатель посмотреть – когда еще придется. Интересно, он здесь восьмицилиндровый?

Лунин поднял крышку капота и, не сдержавшись, вскрикнул. Там было пусто! Не было ни двигателя, ни аккумулятора, ни проводов. Совершенно ничего. Еще одно багажное отделение.

– «Лексус» – не «Запорожец», у него двигатель впереди должен быть, – испуганно пробормотал Сергей. – В багажник я сумки клал, там тоже было пусто... Что случилось, Ульфиус? Как мы дальше без двигателя поедим? Рассыпается твоя магия?

– Нет, там с самого начала ничего не было, – признался Ульфиус. – Двигатель внутреннего сгорания – порочная и ненадежная система. Я тебе сразу сказал, что автомобили ваши никуда не годятся. Только форма красивая.

– Постой, постой. Как же мы ездили? Как фары светили?

– Энергию необязательно получать, сжигая бензин, – спокойно, будто на лекции, ответил Ульфиус. – Источником света могут быть не только фары, подключенные к аккумулятору.

– Значит, без тебя автомобиль ездить не будет? Ты приводишь его в движение?

Ульфиус сделал неопределенный жест рукой.

– Некоторое время он будет ездить в любом случае. Потом дематериализуется. Превратится в ту грудку железа, из которой я его создал. Я специально использовал заклятие временного превращения. И энергии оно требует меньше, и следы заметить, в случае чего, проще... Превращение обратимо. Месяц пройдет – и никто не догадается, что эта грудка обломков что-то собой представляла.

Сергей недоуменно ходил вокруг «лексуса», заглядывая под днище и пиная колеса.

– Жалко... Как же я им управлял? Ведь на газ давлю – едет, на тормоз – останавливается...

– Тормоза самые настоящие, – объяснил авенорец. – Педаль акселератора – просто овестьественное выражение твоего чистого желания. Согласно твоим командам энергия высвобождается и разгоняет автомобиль. Да и ключи были вставлены в замок зажигания потому, что ты так хотел. Замки, в принципе, открываются не этими кусочками металла, но усилием твоей воли. Так что эту машину никто не угонит. А ты все еще сомневаешься в реальности магии – хотя сам, силой своего Слова можешь добиться определенных результатов.

– С твоей помощью, – уточнил Лунин.

– Уже немало.

– И где прячется такая уйма энергии? Чтобы разгонять автомобиль, да еще с нами, энергии нужно порядочно. Откуда она поступает? – спросил Сергей, которого очень волновали законы сохранения энергии и ее дешевой транспортировки. Ведь известно – тот, кто изобретет компактный емкий аккумулятор, заслужит благодарность всего человечества и станет миллионером. Энергии на Земле и в космосе много. Гораздо больше, чем нужно людям при самых высоких запросах. Передать ее – вот в чем проблема.

Ульфиус развел руками:

– Не могу объяснить. Она – везде, и она – нигде. Ярко выраженного хранилища, наподобие бензобака или электрического аккумулятора, у этой энергии нет. Автомобиль работает по принципу ковра-самолета.

– Что еще за принцип? – удивился Сергей.

– Ах да. Ты же в академии не учился, – несколько разочарованно протянул Ульфиус. – Ковер-самолет – одно из самых простых заклятий. Обычный ковер, каждую его молекулу накачивают энергией, и он левитирует, повинаясь желанию хозяина. Магия для первоклассников.

Сергей почесал затылок. Какая же тогда магия подвластна магистру, если летающий ковер – развлечение для новичков?

– Давай перекусим, – предложил Ульфиус. – Чуть позже я хочу дать тебе несколько уроков фехтования.

– Лучше бы ты дал мне несколько уроков магии для первоклассников, – заметил Сергей.

– И рано, и условия неподходящие, – ответил магистр. – Будешь пока пользоваться моей. Умение драться на мечах гораздо важнее.

– Вряд ли охранники в «Барсе» будут с мечами, – протянул Сергей. – К тому же зачем мы тогда набрали столько оружия?

– Оружие тоже пригодится, чтобы разрушить Машину. Но я не хочу, чтобы ты убивал людей.

– С такой проповедью обращается ко мне человек, изрубивший двух бандитов на куски... – скептически изрек Сергей.

– Ты можешь отличить хорошего человека от плохого? – спросил Ульфиус после небольшой паузы, когда Сергей уже начал торжествовать победу в споре.

– Ну, в общих чертах, – хмыкнул молодой человек.

– А я могу, – твердо заявил магистр. – И это – совсем не магия для первоклассников. Именно благодаря такому умению я считаю магистром – иначе был бы просто мастером. Поэтому и не хочу, чтобы ты крушил все направо и налево.

– Зачем же мне меч?

– Там наверняка будут такие стражи, которых ни пуля, ни огонь не берут, – объяснил авенорец, поглаживая бороду. – Не люди, конечно.

Волк, или, как его называл Тхор, каухури, посмотрел на Наташу большими добрыми глазами и спросил:

– Неразумная девушка, почему ты решила, что я собираюсь тебя съесть?

Жена жреца, наблюдавшего за сценой с вышки, тихонько взвизгнула.

– А... э-э... – только и нашлась что сказать Наташа.

– Я вижу, ты не из местных, – спокойно и рассудительно продолжал волк. – Стало быть, тебя занесло сюда из другого мира. Но об этом – позже. Что ты хотел, Тхор?

Жрец приосанился:

– Во имя древних заветов, связывающих людей и каухури, прошу тебя, посланец племени каухури, добрый Лонк, отвезти девушку к вашим северным соседям, ибо дело у нее срочное и она хочет предстать перед Бонуцием, а вы просили, чтобы мы не беспокоили вас в ваших землях. Близкий же путь на север лежит через земли каухури.

– Я знаю, как идти к Бонуцию, и помню наши соглашения, – прервал жреца Лонк. – Не будь многословен, Тхор. Неужели ты думаешь, что я откажусь помочь девушке или кому-то из твоей деревни, если ты не напомнишь мне о древних обетах?

– Так принято, – упрямо ответил жрец. – К тому же кто знает, что у вас на уме?

Лонк поперхнулся. Видимо, так он смеялся.

– Нет, каковы! – обратился он к Наташе. – Мы не знаем, что у вас на уме! По-моему, как раз вы не знаете, чего хотите. Причем никогда. Ладно, не будем толочь воду в ступе – масла так не добудем. Девушку я отвезу, куда она попросит. Что-то еще?

– Нет, добрый Лонк, – пытаюсь не подать вида, что оскорблен, ответил Тхор. – Передай наш привет высокомерным владыкам севера. И сообщи им, что у нас есть сто двадцать мер шумшу и сорок мер шелка на продажу.

– Хорошо, – ответил каухури. – Теперь наш разговор больше напоминает деловой, хотя я и не обязан исполнять обязанности почтальона, какие бы обеты мы ни вспомнили. Для нас ничего нет?

– Пока ничего не нашли, – ответил Тхор.

– Спасибо за внимание, Великий жрец из Деревни Посреди Леса. Спасибо, что ты прислушался к голосу каухури, – торжественно произнес волк, то ли передразнивая Тхора, то ли исполняя древний обряд. Потом встряхнулся и обратился к Наташе гораздо более прозаически: – Поедем?

– Я только заберу из хижины одежду, – ответила девушка, улыбнувшись. Волк начинал ей нравиться.

– И двадцать мер шумшу, – заметил Тхор уже без особой торжественности. Протокольные фразы были произнесены, и можно было поговорить просто так, непринужденно. – Кто знает, может, эти гордецы с севера не захотят с ней иметь дела без шумшу. А она – Нашедшая Мяу, – пояснил он Лонку. – Мы не хотим, чтобы о нас ходили дурные слухи. Что мы неблагодарные, ленивые и прижимистые.

Лонк вновь поперхнулся, но ничего не сказал.

– Как же я возьму с собой даже одну меру? – спросила Наташа. – Ведь мера шумшу – бочка весом килограммов в пятьдесят! Мне ее не донести, да и Лонк вряд ли унесет столько шумшу далеко...

– Это как раз не проблема, – сообщил Тхор, хитро улыбнувшись. – Высокоцивилизованные жители Деревни Посреди Леса придумали кое-что, чтобы не таскать всюду с собой сумы, набитые шумшу, которую с удовольствием принимают как средство оплаты другие народы, которым лень собирать шумшу самим.

Жрец спрятал в суму палку с набалдашником, которой он сигнализировал каухури, и достал оттуда шесть ярко разрисованных шелковых платочков.

– Десять мер и пять по две, – сообщил он Наташе, передавая платки. – Хорошая плата за услугу Нашедшей Мяу. Так решила Деревня.

– Две недели работы для всего вашего поселения, – заметил Лонк. – Действительно, плата хорошая. Вы становитесь щедрее и внимательнее к разумным существам, Тхор. Предыдущего путешественника вы заставили отрабатывать еду и дорогу.

– Зачем ворошить прошлое? – поморщившись, спросил Тхор. – К тому же он был нагл и не принес нам Мяу. Всеблагая Мяу еще вам всем покажет. Тем, кто без должного почтения относится к ней и к жителям Деревни Посреди Леса. Особенно вам, насмешникам каухури, и этим, с севера, – не хочу их даже называть.

– Да, да, конечно, – кивнул Лонк, немного раздражаясь. – Иди за своей одеждой, Нашедшая Мяу.

– Вообще-то меня зовут Наташа.

– Так гораздо лучше, – прорычал волк. Девушке даже показалось, что он ей подмигнул. – Поторопись – в жару бежать по лесу в этих краях будет трудно даже мне. Придется чаще отдыхать. Дольше едешь – дальше будешь. От того места, куда едешь.

Похоже, волк увлекался собиранием пословиц и демонстрировал их знание при каждом удобном случае.

Одобрительно улыбнувшись волку и раздумывая, не стоит ли его погладить, Наташа помчалась за халатиком и тапочками, в которых отправилась из дому. В деревне девушка ходила босиком – берегла тапочки для прогулок по лесу. Местные жители обувь использовали не часто и Наташе ее не предложили, а ходить в лесу по острым сосновым иглам было колко и неприятно.

Кравчук плавно нажал на спусковой крючок. Выстрела не последовало. Он дернул его еще раз – без толку. Тогда человек бросился на отдававшего команды вигу с обрезком трубы, но спутник главного, наверное, охранник, поднял совсем маленькую трубочку, и боль пронзила все тело Кравчука. Корчась, он повалился на землю.

– Бешеный – наглый – неумный, – заметил главный виг. – Тащите его в летоцикл.

Четыре виги подхватили Владимира Петровича, как мешок, и внесли в металлический летательный диск. Не церемонясь, швырнули на стальной пол. Вонь в летательном аппарате стояла страшная, но человеку было не до того.

Краем глаза Кравчук успел заметить, как Ткцлин, перехватив ружье поудобнее, погнал своего более мелкого товарища за мусорные кучи. Мелкий виг испуганно верещал, а большой торжествующе хохотал. Теперь он был сторожем на должности, а мелкий – бродягой, которого нужно преследовать.

Виги уселись кружком и принялись обсуждать всякие интересные вещи. Кравчуку было плохо слышно – ведь мысленная речь этих тварей была обращена не к нему – и не все понятно. Но и того, что он услышал, хватило, чтобы впасть в панику.

Главный виг, которого остальные почтительно именовали Большой Мгрин, объяснял своим товарищам, почему с Кравчуком нельзя расправиться прямо здесь.

– Вы можете только немного его помучить, совсем чуть-чуть, – четко произнес он. Возможно, хотел, чтобы и Кравчук его услышал. – Он нужен большим – руководящим – направляющим вигам в Дрпомне. Может быть, даже Великому вигу. Если окажется умен – избежит неприятностей – мучений – ужасов и будет служить нам. Если нет – будет ему очень худо – мерзко – тягостно.

Кравчук попробовал пошевелиться. Переместить руку на несколько сантиметров в сторону ему удалось с трудом. Каждая клеточка тела болела и тосковала, но мускулы понемногу приходили в себя и начинали слушаться. Не могло быть и речи о том, чтобы драться, но уползти потихоньку, пока никто не видит, Владимир Петрович смог бы. Только куда уползешь с проклятого диска, который виги именуют летоциклом?

Один из вигов, которого, кажется, звали Вспжу и который был здесь вторым после Большого Мгрин, неторопливо поднялся и направился к Кравчуку. Владимир Петрович нутром почувствовал, что ничего хорошего это ему не сулит. Более того, бродившие в мозгу этого Вспжу мысли и смутные образы, которые Кравчук улавливал, сам того не желая, были до того ужасны, что человек задрожал и стал приходить в себя гораздо быстрее. Хотя до сих пор этот виг не сделал ему ничего плохого, Кравчук испытал такой ужас, что заскулил и попытался отползти в угол.

– Чует он твой злобный характер – настроения – ощущения, – довольно захохотал Мгрин.

Вспжу ничего не ответил. Он просто стоял над лежащим человеком и внимательно его разглядывал.

Кравчук, однако же, был бандитом тертым. Кто-то другой, возможно, закричал бы: не надо, дяденька! Попытался бы задобрить зловредных вигов, пообещать, что он будет делать все так, как они прикажут. И ждал бы пощады и лучшей участи. Но Кравчук, у которого ходили в приятелях немало людей, отсидевших, в общей сложности, по пять, десять и пятнадцать лет, твердо усвоил основное тюремное правило: не верь, не бойся, не проси. Верить этим тварям не смог бы и самый наивный человек. Не бояться их было труднее, но совсем недавно своими руками директор «Барса» убил одного из них. Этому ему, конечно, не простят.

Несмотря на ужас, который исходил от этих существ, справиться с ними было можно. Ну а в нелепости просьб Владимир Петрович убедился на собственном опыте. Многие его самого просили – и никогда просьбы его не трогали.

Кравчук подобрался, напрягся, преодолел себя и кинулся на Вспжу, стараясь сразу добраться до его горла или разорвать трубкообразный рот. Пока виг рядом, вряд ли в него будут стрелять из той трубки, что заставляет корчиться от боли и падать на землю. Другого оружия Кравчук у вигов еще не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.